

Ян Флеминг

Живи, пусть умирают другие

1. Красная ковровая дорожка

Агенту секретной службы случается иногда вкусить от шикарной жизни. Некоторые задания требуют от него исполнения роли очень богатого человека. Наслаждаясь этой ролью, агент позволяет себе немного расслабиться и на короткие мгновения забыть об опасности и преследующей его угрозе гибели. Бывают и такие случаи, как, например, сейчас, когда агент является гостем дружественной секретной службы.

С того самого момента, как лайнер авиакомпании «БОАК» подрулил к международной стоянке аэропорта Айдлуайлд, с Джеймсом Бондом обращались как с королевской особой.

Выйдя вместе с другими пассажирами из самолета, он приготовился к долгой процедуре прохождения через чистилище санитарного, иммиграционного и таможенного контроля США, печально известной своей мучительностью. Он подумал, что придется провести не меньше часа в душных, выкрашенных в грязно-зеленый цвет комнатах с застоявшимися запахами прошлогоднего воздуха, пота, а также вины и страха, которые витают над всеми пограничными пунктами, страха перед закрытыми дверьми с табличками «Посторонним вход воспрещен», за которыми скрываются въедливые служащие, шкафы с папками, трескучие телетайпы срочной связи с Вашингтоном — с Комитетом по борьбе с наркобизнесом, контрразведкой, министерством финансов и ФБР.

Пересекая под пронизывающим январским ветром бетонированную площадку перед входом в здание аэропорта, он заметил на экране компьютера светящуюся надпись — «Бонд, Джеймс, британский дипломатический паспорт № 0094567». После короткой паузы машина получила ответ, тоже появившийся на экране, — «отрицат., отрицат., отрицат.». И вдруг информация ФБР — «положит., ждите, проверка». Видимо, в электронной системе связи ФБР быстро заработали контакты с Центральным разведывательным управлением, потом засветилась надпись: «ФБР аэропорту Айдлуайлд: Бонд о'кей, о'кей» и вежливый служащий вручил Бонду его паспорт с дежурным: «Счастливого пребывания, мистер Бонд».

Бонд пожал плечами и последовал за прочими пассажирами по коридору, образованному проволочными ограждениями, к двери, на которой было написано — «Санитарный контроль США».

В данном случае это было всего лишь докучливой формальностью, но ему неприятна была сама мысль о том, что досье на него имеется в распоряжении иностранной державы. В его деле главное оружие — анонимность. Даже самая малая толика подлинной информации о нем, просочившаяся в какую бы то ни было картотеку, умаляет его ценность, а в конечном итоге представляет угрозу и самой его жизни. Здесь, в Америке, где о нем знали все, он чувствовал себя словно негр, у которого врач-колдун похитил тень. Жизненно важная часть его самого была в закладе, в чужих руках. Разумеется, здесь были друзья, но все же...

— Мистер Бонд?

Приятный на вид мужчина в штатском с неопределенными чертами лица вышел из тени здания санитарного контроля.

— Моя фамилия Хэллоран. Рад познакомиться с вами. Они пожали друг другу руки.

— Надеюсь, перелет был нормальным. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он обернулся к полицейскому, охранявшему вход:

— Все в порядке, сержант.

— Понятно, мистер Хэллоран. Всего доброго. Все остальные пассажиры проследовали внутрь, Хэллоран же повернул налево, в сторону от здания. Другой полицейский уже держал открытыми маленькие ворота в высоком заборе, обозначающем границу.

— До свидания, мистер Хэллоран, — сказал он.

— До свидания, офицер. Благодарю.

Сразу же за воротами их ожидал черный «бьюик» с тихо посапывающим мотором. Они сели в него. Оба легких чемодана Бонда уже лежали впереди, на сиденье рядом с шофером. Бонд представить себе не мог, как их удалось столь быстро извлечь из кучи багажа, которую — он видел это всего минуту тому назад — везли в помещение таможни.

— Все в порядке, Грейди. Поехали.

Бонд удобно откинулся на заднем сиденье огромного лимузина, резко рванувшего вперед и плавно, но быстро — благодаря превосходному механизму — скользнувшего на шоссе.

Бонд повернулся к Хэллорану:

— Должен вам сказать, это самая красная ковровая дорожка, которую передо мной когда-либо расстилали. Я думал, мне придется потратить не меньше часа на всякие формальности. Кому я всем этим обязан? Я не привык к обслуживанию по разряду VIP. Во всяком случае благодарю вас за то, что сделали лично вы.

— Не стоит благодарности, мистер Бонд, — улыбнулся Хэллоран и протянул ему только что открытую пачку сигарет «Лакиз». — Мы хотим, чтобы ваше пребывание здесь было абсолютно удобным для вас. Чего бы вы ни пожелали, только скажите — и у вас будет все. У вас в Вашингтоне есть добрые друзья. Сам я не посвящен в причину вашего приезда, но знаю, что местные власти желают, чтобы вас принимали как особо важного правительственного гостя. Мне поручено доставить вас в отель как можно быстрее и с максимальными удобствами, после чего я передам вас с рук на руки другому сотруднику и вернусь к своим текущим делам. Дайте мне, пожалуйста, ваш паспорт.

Бонд передал ему паспорт. Хэллоран открыл свой кейс, лежавший рядом на сиденье, и достал из него тяжелую металлическую печать. Он открыл страничку с американской визой, проштемпелевал ее, расписался на темно-синем круглом шифре министерства юстиции и вернул паспорт. Затем взял свою записную книжку, вынул заложенный в нее толстый белый конверт и протянул Бонду.

— Здесь тысяча долларов, мистер Бонд, — и, не давая Бонду вставить и слова, продолжил, — это коммунистические деньги, наш трофей, полученный от дела Шмидта — Кинаски. Мы используем эти деньги против них самих и просим вас не отказываться, а употребить их по собственному усмотрению в ходе выполнения вашего нынешнего задания. Уверю вас, ваш отказ будет воспринят как недружественный жест. Давайте больше не будем об этом говорить, — остановил он его жестом руки, поскольку Бонд в сомнении все еще вертел конверт в ладонях, — тем более что использование вами этих денег санкционировано вашим собственным начальством.

Бонд пристально посмотрел на него, улыбнулся и положил деньги в свой бумажник.

— Хорошо, — сказал он, — спасибо. Я постараюсь использовать эти деньги максимально во вред противнику. Некоторый оборотный капитал в работе необходим. И тем приятней, что он обеспечен самим противником.

— Отлично, — сказал Хэллоран. — А теперь, если позволите, я напишу отчет, который обязан представить. К тому же нужно не забыть письменно поблагодарить иммиграционную и таможенную службы за содействие. Таковы правила.

— Конечно, конечно, — ответил Бонд.

Он обрадовался возможности помолчать и посмотреть в окно на Америку, которую не видел с военных времен. Нужно было, не теряя времени, брать на заметку характерные особенности нынешней жизни страны: реклама вдоль дороги, новые марки автомобилей, цены на подержанные машины, крупно написанные на стоянках комиссионных автомагазинов; необычная афористичность надписей на дорожных щитах: «Тверже руль на повороте, не напрягайся плечом, двигайся плавно — и скользкость тебе нипочем!»; ограничения скорости; множество женщин за рулем и мужчин, покорно сидящих рядом; манера мужчин одеваться, стиль женских причесок; предупредительные надписи на щитах службы гражданской обороны: «В случае вражеского нападения не останавливайтесь, продолжайте движение»; густой лес телевизионных антенн и телепрограммы, вывешенные на досках для объявлений и в витринах магазинов; призывы вносить деньги в фонды борьбы с раком и полиомиелитом, призыв принять участие в Марше неимущих — все эти неуловимые детали повседневной жизни были так же важны для его работы, как содранная кора дерева или сломанная веточка для охотника в джунглях.

Водитель решил проехать по мосту Шрайборо. Перелетев через его захватывающую дух крутизну, они ворвались в самое сердце верхнего Манхэттена, откуда открывалась прекрасная панорама Нью-Йорка, спешившего им навстречу, и, наконец, оказались в гудящей, кишасей людьми, пахнущей бензином нижней части острова, у самых корней этих бетонных джунглей.

Бонд повернулся к своему спутнику.

— Ужасно говорить об этом, — сказал он, — но все это представляет собой самую крупную и удобную на всем земном шаре мишень для атомной бомбы.

— И не говорите, — ответил Хэллоран. — Как представляю себе, что может случиться, спать по ночам не могу.

Они подъехали к «Сент-Реджису» — на углу Пятой авеню и Пятьдесят пятой улицы. Навстречу им вышел швейцар. Чуть позади него на тротуар ступил средних лет угрюмый мужчина в синем пальто и фетровой шляпе. Когда они вылезли из машины, Хэллоран представил его Бонду:

— Познакомьтесь, пожалуйста: капитан Декстер. — Хэллоран был почтителен. — Могу ли я считать себя теперь свободным, капитан?

— Да, конечно. Распорядитесь только, чтобы вещи отнесли в апартаменты. Номер 2000. На последнем этаже. Я пойду с мистером Бондом вперед и прослежу, чтобы там было все, что ему необходимо.

Бонд обернулся, чтобы попрощаться и поблагодарить Хэллорана. Тот стоял в эту минуту спиной к нему, отдавая швейцару распоряжения насчет багажа. Взгляд Бонда скользнул по Пятьдесят пятой улице. Глаза его сузились. Черный «кадиллак-седан» решительно прокладывал себе путь среди автомобильной толчеи, подсекая при этом такси-«чакера», водитель которого резко затормозил, с размаху опустил кулак на клаксон и уже не переставал сигналить. Седан не остановился, он успел проскочить на зеленый свет как раз в момент, когда светофор переключался на красный, и, промчавшись по Пятой авеню в северном направлении, исчез. Водитель был умен и решителен, но Бонда насторожило то, что это оказалась женщина, к тому же негритянка — прекрасно выглядевшая негритянка в черной шоферской униформе. А сквозь заднее стекло Бонд успел разглядеть единственного пассажира — широченное серо-черное лицо, которое медленно повернулось в его сторону. Когда машина миновала вход в отель, пассажир обернулся и через заднее окно посмотрел на Бонда в упор. Бонд был в этом совершенно уверен. Он смотрел на Бонда, пока машина не унеслась прочь по Пятой авеню.

Бонд пожал руку Хэллорану. Декстер нетерпеливо тронул его за плечо.

— Мы должны быстро пройти через вестибюль прямо к лифтам, это справа

наискосок. И не будете ли вы, мистер Бонд, любезны надеть шляпу.

Поднимаясь за Декстером по ступенькам. Бонд подумал, что эти меры предосторожности наверняка теперь уже излишни. Едва ли где-нибудь в мире вообще можно встретить негритянку за рулем. Негритянка же в роли профессионального шофера — явление еще более необычное. Даже в Гарлеме такое себе трудно представить, а машина, несомненно, была именно оттуда.

И эта гигантская фигура на заднем сиденье. Это серо-черное лицо! Не мистер ли это Биг?

«Гм», — хмыкнул про себя Бонд, следуя к лифту за капитаном Декстером, узкая спина которого маячила впереди.

Лифт медленно пополз на двадцатый этаж.

— Мы приготовили вам, мистер Бонд, маленький сюрприз, — сказал капитан Декстер без особого, как показалось Бонду, энтузиазма.

Они прошли по коридору до углового номера. Ветер вздыхал за окнами коридора. Бонд бросил мимолетный взгляд на верхушки других небоскребов и виднеющиеся за ними вдали голые, словно пальцы на руке, деревья Центрального парка. Он ощутил отсутствие связи с землей, и на какое-то мгновение от странного чувства одиночества и пустоты сердце его сжалось.

Декстер открыл дверь номера 2000 и закрыл ее, когда они с Бондом вошли. Они очутились в маленькой передней, где горел свет. Сняли и положили на стул пальто и шляпы. Затем Декстер открыл дверь, ведущую внутрь, и держал ее, пока Бонд не вошел в комнату.

Это была симпатичная гостиная, обставленная в том же стиле, что и отель «Эмпайр» на Третьей авеню — удобные кресла и широкая тахта, обшитые кремовым шелком, посредственная имитация персидского ковра на полу, бледно-серые стены и потолок, у стены французский бар с изогнутым передним краем, в нем бутылки, стаканы, металлическое ведерко для льда; широкое окно, через которое с ясного, почти швейцарского кеба в комнату лился свет зимнего солнца. Топили здесь так, что еще чуть-чуть — и жара была бы невыносимой.

Открылась дверь спальни, смежной с гостиной.

— Аранжировка цветов у вашей постели. Знаменитое «обслуживание с улыбкой» — конек ЦРУ! — Из спальни вышел высокий худой молодой человек. Он широко улыбался, протягивая руку Бонду, от удивления застывшему на месте.

— Феликс Лейтер! Какого черта ты тут делаешь? — Бонд схватил его твердую руку и тепло пожал ее. — И тем более, какого черта тебе нужно в моей спальне? Господи, как я рад тебя видеть! Почему ты не в Париже? Только не говори, будто и тебя подключили к этому делу!

Лейтер с обожанием посмотрел на англичанина.

— Угадал. Именно это они и сделали. Мне повезло! Наконец-то! В ЦРУ решили, что мы удачно поработали в деле «Казино», поэтому выдернули меня из парижского бюро Объединенной разведки, проинструктировали в Вашингтоне — и вот я здесь. Я — что-то вроде связного между Центральным разведывательным управлением и нашими друзьями из ФБР, — он кивнул в сторону капитана Декстера, который наблюдал за этой непрофессионально бурной встречей с некоторым неодобрением. — Это, конечно, касается именно их — по крайней мере в той части, где замешаны американцы, — но, как ты знаешь, сферы интересов ЦРУ распространяются и на заморские территории, поэтому мы проведем это дело вместе. А ты еще раскрутишь ямайский конец для Британии — таким образом, вся команда в сборе. Как ты на это смотришь? Садись, давай выпьем. Как только мне сообщили, что вы внизу, я заказал обед, скоро его принесут. — Он подошел к бару и стал смешивать «Мартини».

— Черт побери, — воскликнул Бонд. — Этот старый дьявол М., конечно, ничего

мне не сказал. Он всегда сообщает только факты. Никогда не скажет ничего приятного. Наверное, опасается, что это может повлиять на решение агента согласиться на выполнение задания или не согласиться. Но в любом случае это здорово!

Бонд вдруг вспомнил о безмолвном присутствии капитана Декстера и обернулся к нему.

— Буду счастлив работать здесь под вашим началом, капитан Декстер, — тактично заметил он. — Если я правильно понял, дело делится ровно на две части. Первая полностью относится к американской территории. Это, разумеется, сфера вашей компетенции. А затем мы, кажется, должны будем переместиться в карибский регион, на Ямайку. И, насколько я знаю, мне придется выйти за пределы территориальных вод Соединенных Штатов. Феликс будет координировать, с позволения вашего правительства, обе части этого дела. Пока я действую здесь — свои доклады в Лондон отправляю через ЦРУ, когда перемещусь в карибский бассейн, буду посылать их непосредственно в Лондон, информируя при этом ЦРУ. Все правильно?

Декстер слегка улыбнулся.

— В общем, да, мистер Бонд. Мистер Гувер просил меня передать вам, что он очень рад вашему приезду. В качестве, конечно, нашего гостя, — подчеркнул он последнее слово. — Мы, разумеется, ни в коем случае не посягаем на интересы Британии в этом деле и очень рады, что ЦРУ будет сотрудничать с вами и вашими людьми в Лондоне. Надеюсь, все пройдет хорошо. Выпьем за это, — он поднял стакан с коктейлем, который Лейтер передал ему.

Они с удовольствием выпили холодный крепкий коктейль.

На ястребином лице Лейтера заиграла легкая насмешка.

В дверь постучали. Лейтер открыл ее и впустил посыльного с чемоданами Бонда. За ним следовали два официанта, толкавшие перед собой сервировочные столики, сплошь уставленные накрытыми крышками блюдами. На столиках лежали приборы и белоснежная скатерть, которую официанты тотчас же принялись расстилать на раскладном столе.

— Мягкие крабы под соусом по-татарски, отбивные по-гамбургски с кровью, приготовленные на гриле, картофель по-французски, итальянские брокколи, сборный салат с множеством исландских приправ, шотландское мороженое с распущенными ирисками и лучшее во всей Америке немецкое вино «Либерффраумильх». Сойдет?

— Звучит замечательно, — сказал Бонд, отметив про себя, «за исключением, пожалуй, распущенных ирисок».

Они сели за стол и отдали должное всем этим без исключения блюдам американской кухни.

За обедом почти не разговаривали, и только когда убрали со стола и принесли кофе, капитан Декстер вынул изо рта пятидесятицентовую сигару и решительно откашлялся.

— Мистер Бонд, может быть, вы расскажете нам теперь, что вам известно об этом деле?

Поддев ногтем большого пальца целлофановую обертку, Бонд открыл пачку «Честерфилда» с фильтром и удобно откинулся в кресле, наслаждаясь теплом и шикарной обстановкой. Мысленно он возвратился на две недели назад, в тот сырой, промозглый день начала января, когда он вышел из своей квартиры в Челси и попал в сумрак лондонского тумана.

2. Беседа с М.

Серый «бентли» с откидным верхом (модель 1933 года, объем двигателя 4—1/2

литра, компрессор фирмы «Амхерст-Вильерс») Бонд незадолго до того взял из гаража, где он его обычно держал. Машина рванула с места, как только Бонд нажал на стартер. Бонд включил двойные противотуманные фары и осторожно поехал вдоль Кингз-роуд, затем по Слоун-стрит в Гайд-парк.

Начальник штаба, служивший у М., позвонил Бонду накануне в двенадцать часов ночи и сообщил, что М. хочет видеть его в девять утра.

— Рановато, конечно, — извиняющимся тоном сказал начальник штаба, — но, похоже, нужно срочно запускать дело. М. его «высиживал» несколько недель и, кажется, наконец созрел.

— Можете мне дать какой-нибудь намек по телефону?

— А (арка) и К (кошка), — ответил начальник штаба и повесил трубку.

Это означало, что в деле задействованы два центра: А и К — центры секретной службы, занимающиеся соответственно: Соединенными Штатами и Карибским бассейном. Во время войны Бонд какое-то время работал на центр А, но о центре К почти ничего не знал.

Пока он полз вдоль края тротуара по Гайд-парку, все время слышалась неторопливая дробь выхлопов «бентли». Бонд был взволнован предстоящей встречей с М., замечательным во многих отношениях человеком, возглавлявшим секретную службу. С конца лета Бонд не видел этих холодных, пронизательных глаз. В тот раз М. был доволен.

— Отдохните, — сказал он тогда. — Хорошенько отдохните. Потом пусть вам пересадят кожу на тыльную сторону ладони, «Кью» устроит вас к лучшему врачу и условится о времени. Не ходите же вам с этим проклятым русским клеймом. Когда вы от него избавитесь, попробуем вам подыскать хорошее дельце. Ну, удачи!

Рука заживала медленно, но не болела. Кожу в том месте, где бледнел шрам в форме русской буквы «ш» — начальной буквы слова «шпион», — сняли. Вспомнив о человеке со стилетом, который вырезал букву на его руке, Бонд изо всей силы сжал пальцы, лежавшие на руле.

Что нынче происходит с великолепной организацией, чьим агентом был тот человек, с советским органом возмездия, «СМЕРШЕем» — (аббревиатура слов «Смерть шпионам»)? Кто возглавляет ее теперь, когда больше нет Берии? После знаменитого дела в Руайаль-лез-О, связанного с игорными заведениями, в котором участвовал Бонд, он поклялся снова встретиться с этими людьми. Он так и заявил М. во время их последней встречи. Появится ли у него шанс отомстить?

Сощурившись, Бонд вглядывался в темному Риджент-парка, и лицо его в слабых отблесках приборного щитка было жестоким и решительным.

Он подъехал к веренице машин, выстроившихся позади сурового высокого здания, и передал свой автомобиль одному из дежурных шоферов в штатском, а сам обогнул здание и вошел через главный вход. Лифт поднял его на последний этаж, и по хорошо знакомому коридору, покрытому толстым ковром. Бонд дошел до комнаты, соседней с кабинетом М. Начальник штаба ждал его и тут же доложил М. по селектору:

— Сэр, 007 здесь.

— Пусть войдет.

Всеми обожаемая мисс Манипенни, могущественный личный секретарь М. ободряюще улыбнулась ему, и он прошел в кабинет через двойную дверь. Тотчас в приемной над ней зажегся зеленый огонек, означавший, что входить нельзя.

Настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром отбрасывала озерцо света на красную кожаную обивку широкого письменного стола. В остальном же комната утопала во мраке, усугубляемом туманом за окнами.

— Доброе утро, 007. Покажите-ка мне руку. Неплохо. Откуда они брали кожу для пересадки?

— С предплечья, вот здесь, повыше, сэр.

— Гм. Волосной покров чуть густоват. И немного видна впадина. Но с этим уж ничего не поделаешь. В общем, выглядит нормально. Садитесь.

Бонд подошел к единственному стулу, стоявшему по другую сторону стола, напротив М. Серые глаза были устремлены прямо на Бонда и просверливали его насквозь.

— Хорошо отдохнули?

— Да, сэр, спасибо.

— Вы видели когда-нибудь хоть одну из этих вещиц? — М. внезапно выудил что-то из жилетного кармана и бросил на стол между собой и Бондом. Предмет, слабо звякнув, упал на красную кожу и заманчиво блеснул. Это была чеканная золотая монета, диаметром с дюйм.

Бонд поднял ее, перевернул, взвесил на ладони.

— Нет, сэр. Стоит небось фунтов пять.

— Пятнадцать, коллекционная цена. Это нобль Эдуарда IV с вычеканенной розой — так называемый «розовый Нобль».

М. снова пошарил в жилетном кармане, вытащил еще несколько великолепных золотых монет и тоже стал бросать их на стол перед Бондом. При этом он называл каждую:

— Королевский дублон, Испания, Фердинанд и Изабелла, 1510 год; золотой эску, Франция, Карл IX, 1574-й; двойной золотой эску, Франция, Генрих IV, 1600-й; двойной дукат, Испания, Филипп II, 1560-й; голландская монета периода Шарля д'Эгмона, 1538-й; генуэзский четвертак, 1617-й; двойной луидор *a la meche courte* («с короткой стрижкой»), Франция, Луи XIV, 1644-й. Все это стоит огромных денег, даже если просто переплавить. А у коллекционеров и подавно, от десяти до двадцати фунтов за одну монету. Заметили, что между ними общего?

Бонд задумался.

— Нет, сэр.

— Все они отчеканены до 1650 года. Пират Кровавый Морган был губернатором и главнокомандующим гарнизона Ямайки с 1647 по 1683 год. Английская монета — джокер в этой колоде. Их доставляли на Ямайку для содержания гарнизона. Если бы не это и не дата чеканки, она могла бы принадлежать к сокровищу какого-нибудь другого пирата — л'Оллоне, Пьера Леграна, Шарпа, Сокинзаили Блэкберда. Но учитывая сказанное — и это подтверждают специалисты из Спинса и Британского музея, — почти нет сомнений, что эта монета — из сокровищ Кровавого Моргана.

М. помолчал, набивая трубку и раскуривая ее. Он не предложил Бонду закурить, а без этого Бонду и в голову не пришло бы так сделать.

— Это должно быть чертовски ценное сокровище. В последние несколько месяцев около тысячи таких и подобных им монет появились в Соединенных Штатах. И если специальный отдел министерства финансов и ФБР отследили тысячу монет, то сколько же их пошло в переплавку и осело в частных коллекциях! А монеты продолжают прибывать, появляясь то в банках, то в лавках, где торгуют благородными металлами, то в антикварных магазинах, но чаще всего, конечно, в ломбардах. Хорошо, что этим занимается ФБР. Если бы дело было передано полиции как дело об украденной собственности, источник, естественно, сразу бы пересох. Монеты тут же переплавили бы в золотые слитки и отправили прямехонько на черный рынок. Пришлось бы распрощаться с антикварной ценностью монет и золото ушло бы в подпольный оборот. Пока же кто-то использует для реализации монет негров-грузчиков, проводников спальных вагонов, водителей грузовиков — это совершенно невинные люди — и собирает богатый денежный урожай по всем Соединенным Штатам. Вполне типичная система. — М. открыл коричневую папку, помеченную красной звездой, что означает «совершенно секретно», и достал оттуда

какой-то листок. Когда он приподнял его, Бонд сумел на просвет различить «шапку» — «Министерство юстиции. Федеральное бюро расследований». М. прочел: — "Захария Смит, 35 лет, негр, член братства проводников спальных вагонов, Нью-Йорк, западная 126-я улица, дом 906, — М. поднял глаза и пояснил, — это Гарлем. «Предмет опознан Артуром Фейном, фирма „Драгоценности Фейна, Инкорпорейтед“, Ленокс авеню, 870, когда был предложен ему на продажу 21 ноября прошлого года в числе четырех золотых монет шестнадцатого-семнадцатого веков (подробное описание прилагается) Фейн предложил за них сто долларов, и продавец согласился. Допрошенный позднее, Смит сообщил, что монеты куплены им в хорошо известном гарлемском баре „Седьмое небо“ по двадцать долларов за штуку у негра, которого он ни до, ни после того не видел. Продавец сказал, что у Тиффани они будут стоить по пятьдесят долларов, но что ему, продавцу, срочно нужны живые деньги, а ехать к Тиффани — это долгая история. Смит купил одну монету за двадцать долларов, но, убедившись, что в ближайшем ломбарде ему предложили за нее двадцать пять, вернулся в бар и купил три остальные за шестьдесят долларов. На следующее утро он отнес их к Фейну. В деле не было ничего противозаконного».

М. вложил листок обратно в папку.

— Очень характерно, — сказал он. — Несколько раз им удавалось выйти на промежуточное звено — человека, который покупал монеты чуть дешевле (некоторые скупали их пригоршнями, а один приобрел целых сто штук!) у какого-то человека, которому они, в свою очередь, вероятно, достались еще дешевле. Все крупные сделки совершались в Гарлеме или на Флориде. Предыдущим звеном в цепочке всегда был какой-то никому не известный негр. Всегда находился и некий служащий, обеспеченный, образованный, который догадывался, что это монеты из какого-то клада, из клада Блэкберда, например.

Блэкберд приходит в голову большинству из них, — продолжал М., — потому что есть основания полагать, что часть его клада была зарыта незадолго до Рождества 1928 года в местечке под названием Сливовый мыс. Это узкая полоса суши в округе Бофорт, Северная Каролина, там, где протекает небольшой приток реки Памлико, называющийся Банный ручей. Не думайте, что я такой уж знаток, — улыбнулся М., — в этом досье содержатся все сведения. Итак, теоретически действительно было бы разумным со стороны удачливых кладоискателей спрятать награбленное добро, пока все забудут эту историю, а затем быстро выбросить его на рынок. Если же они продали все скопом, тогда же или позднее, то теперь нынешний владелец мог решить обратить сокровище в деньги. Словом, это неплохая легенда для прикрытия, если бы не два момента.

М. сделал паузу, заново раскуривая трубку.

— Во первых, Блэкберд действовал с 1690 по 1710 годы, и совершенно невероятно, чтобы в его сокровищах не было ни одной монеты, отчеканенной после 1650 года. Так же, как я уже говорил, маловероятно, чтобы в его сокровищах были «розовые Нобли» Эдуарда IV, так как нигде нет никаких упоминаний о том, чтобы какой-нибудь английский корабль, перевозивший деньги, был когда либо захвачен по пути на Ямайку. Да береговая братия и не смогла бы этого сделать. Слишком сильное сопровождение было у этих кораблей. Ей гораздо проще было жить в те времена, «пощипывая», как говорится, суда помельче.

— Во-вторых, — М. посмотрел на потолок, а потом снова на Бонда, — я знаю, где находится «наше» сокровище. Во всяком случае абсолютно уверен, что знаю. Это не в Америке. Оно на Ямайке. Сокровище Кровавого Моргана, думаю, — один из самых богатых кладов в мире.

— Боже милостивый! — сказал Бонд. — А как... какое отношение это имеет к нам? М. поднял руку.

— Все подробности вы найдете здесь, — его ладонь легла на папку. — В двух

словах: центр К заинтересовался дизельной яхтой «Секатур», шедшей с маленького островка у северного побережья Ямайки через Флорида-кис в Мексиканский залив, в городок под названием Сент-Питерсбург — курортное местечко неподалеку от Шампы, западное побережье Флориды. С помощью ФБР мы вышли на след хозяина яхты и острова — человека, которого называют мистер Биг, негритянского гангстера. Живет в Гарлеме. Что-нибудь слышали о нем?

— Нет, — ответил Бонд.

— И вот что интересно, — голос М. стал мягче и тише, — двадцатидолларовой банкнотой, которой один из этих случайных негров заплатил за золотую монету и номер, которой он отметил в «Пика-пью» — подпольной лотерее, впоследствии расплатился один из подручных Бига. Расплатился, — М. ткнул в Бонда черенком своей трубки, — за информацию, полученную от двойного агента ФБР, являющегося членом коммунистической партии.

Бонд тихо присвистнул.

— Короче, — продолжал М., — мы подозреваем, что это ямайское сокровище используется для финансирования советской шпионской сети или значительной ее части, действующей в Америке. Подозрение превращается в уверенность, когда мы узнаем, кто есть этот мистер Биг. Бонд не отрываясь смотрел в глаза М.

— Мистер Биг, — сказал М., взвешивая каждое слово, — быть может, самый могущественный преступник-негр в мире. Он, — М. стал отгибать пальцы, — глава шаманского культа Черной Вдовы, adeпты этого культа считают его самим Бароном Субботой. Вы узнаете все об этом здесь, — он похлопал по коричневой папке, — и вас это до смерти напугает. Он также советский агент. И, наконец, он — вас, Бонд, это должно заинтересовать особо — известный деятель СМЕРШа.

— Итак, — медленно проговорил Бонд. — Теперь понимаю.

— Подходящее дело, — сказал М., сверля Бонда глазами, — и подходящий противник этот мистер Биг.

— Не помню, чтобы я прежде слышал о великих негритянских преступниках, — сказал Бонд. — Китайцы — да, они стоят за опиумной торговлей. Бывали японцы экстра-класса, по большей части связанные с жемчугом и наркотиками. В Африке множество негров занимается бриллиантами и золотом, но они работают по мелочам. Не похоже, чтобы у них был вкус к крупным делам. Достаточно законопослушные ребята в целом, я так думал.

— Наш «клиент» — своего рода исключение, — сказал М. — Он не чистокровный негр. Родился на Гаити. Имеет приличную долю французской крови. Стажировался в Москве, как вы увидите из этих материалов. А вообще негроидная раса только сейчас начинает поставлять миру таланты в самых разных сферах — ученых, врачей, писателей. Видимо, настала пора и великих преступников. В конце концов негров в мире около двухсот пятидесяти миллионов. Почти треть от белого населения. Они обладают недюжинными интеллектом, способностями, характерами. А одного из них Москва вооружила еще и техническими знаниями.

— Я бы хотел с ним встретиться, — оказал Бонд и мягко добавил: — я бы хотел встретиться с любым членом СМЕРШа.

— Ну что ж, Бонд, тогда забирайте, — М. протянул ему толстую коричневую папку. — Обговорите все с Плэндером и Деймоном. Будьте готовы приступить к делу через неделю. Это совместная операция ЦРУ и ФБР. Ради Бога, только не наступайте на ногу ФБР. Она покрыта мозолями. Желаю удачи.

Бонд пошел прямо к капитану III ранга Деймону, начальнику центра А, смышленому канадцу, под началом которого находилась линия связи с ЦРУ, американской секретной службой, Деймонд поднял голову от стола.

— Вижу, ты купил это дельце, — оказал он, указывая на папку. — Я так и думал. Садись, — он махнул в сторону кресла, стоявшего рядом с электрообогревателем. —

Когда ты проштудируешь все это, я помогу тебе заполнить пробелы.

3. Визитная карточка

Состоявшаяся десятью днями позже беседа с Декстером и Лейтером мало что добавила к тому, что ему уже было известно. Бонд подумал об этом, медленно пробуждаясь среди роскоши своей спальни в «Сент-Реджисе» на следующее утро после прилета в Нью-Йорк.

У Декстера была масса мелкой информации о мистере Биге, но ничего такого, что могло бы пролить на дело новый свет. Мистеру Бигу сорок пять, родился на Гаити, полунегр-полуфранцуз. По начальным буквам его причудливого имени — Буонапарте Игнасе Галлиа — а также из-за своих необъятных размеров и чудовищного веса он с юности носил кличку Биг Бой, то есть Большой Мальчик, или просто Биг. Позднее она превратилась в Биг Мэн, то есть Большой Человек, или просто мистер Биг. Реальное же имя мистера Бига сохранилось лишь в приходской метрической книге на Гаити и в его фэбээровском досье. За ним не числилось никаких грехов, кроме женщин, которых он потреблял в огромных количествах. Он не пил, не курил, его ахиллесовой пятой было лишь хроническое сердечное заболевание, придавшее в последние годы его коже землисто-серый оттенок.

Еще ребенком Биг Бой был посвящен в вудуистский культ черной магии, зарабатывал на жизнь тем, что водил грузовики в Порт-о-Пренсе, затем эмигрировал в Америку, успешно участвовал в операциях известной банды налетчиков. После отмены сухого закона переехал в Гарлем, откупил полдела у владельца небольшого ночного клуба и «штата» проституток по вызову. В 1938 году его компаньон был найден на дне реки вмурованным в цементный блок, и мистер Биг автоматически стал единственным владельцем дела. В 1943 году он был призван на военную службу и благодаря блестящему знанию французского языка попал в поле зрения штаба стратегических вооружений, служившего в военное время американской разведкой. Там он прошел серьезную подготовку и был заслан в Марсель — работать против петэновских коллаборационистов. Он легко растворился в афронегритянской среде портовых рабочих и доставлял полезные и точные разведданные о том, что происходило на флоте. Он работал в контакте с советским шпионом, добывавшим такую же информацию для русских. В конце войны демобилизовался — это случилось во Франции — получил награды как от американцев, так и от французов и затем исчез на пять лет, возможно, он провел их в Москве. Вернулся в Гарлем в 1950 году и вскоре попал на заметку ФБР как подозреваемый в шпионаже в пользу Советов. Но ни разу не изобличил себя и не попался ни в одну фэбээровскую ловушку. Он скупил три ночных клуба и множество процветающих гарлемских борделей. Похоже, он совершенно не был стеснен в средствах и платил всем своим помощникам без исключения жалованье, равное двадцати тысячам в год. Благодаря этому, а также вследствие того, что время от времени «пропалывал» ряды своих помощников, приказывая ликвидировать провинившихся, он окружил себя преданными и старательными профессионалами высокого класса. Было известно, что он организовал в Гарлеме подпольный храм Вуду — храм черной магии и наладил связь между ним и главными вудуистскими жрецами на Гаити. Пошел слух, что он — зомби, то есть живой труп самого Барона Субботы, грозного Князя Тьмы, и он пестовал эту легенду, так что в конце концов она стала восприниматься как неоспоримый факт в низших слоях негритянского мира. В результате у него в руках оказалось мощное орудие устрашения, действенность которого часто подтверждалась немедленной и таинственной смертью любого, кто вставал на его пути или имел неосторожность послушаться его.

Бонд подробнейшим образом расспросил Декстера и Лейтера обо всем, что

могло служить доказательством связи гиганта-негра со СМЕРШем. Факты выглядели весьма убедительно.

В 1951 году, пообещав миллион долларов золотом и гарантировав безопасный побег из России через шесть месяцев работы, ФБР, наконец, уговорило известного советского агента, работавшего в МВД, стать двойником. В течение месяца все шло хорошо, результаты превзошли ожидания. Русский шпион был включен в качестве эксперта по вопросам экономики в советскую делегацию, отправлявшуюся на сессию Генеральной ассамблеи ООН. Однажды в воскресенье он спустился в метро, чтобы доехать до Пенсильвания-стейшн по дороге на советскую базу отдыха, расположенную на Лонг Айленде, в бухте Глен в бывшем поместье Моргана.

Огромный негр, в котором по фотографиям опознали Бига, стоял рядом с ним на платформе. Видели, как он направлялся к выходу еще до того, как первый вагон резко затормозил над окровавленными останками русского. Никто, однако, не видел, как он толкнул человека под колеса, но в толпе это было сделать нетрудно. Свидетели утверждали, что это не могло быть самоубийством. Падая, человек дико кричал и на плече у него (печальный штрих) была сумка с костюмом для игры в гольф. У Биг Мэна, разумеется, было алиби, надежное, как Форт-Нокс. Его задержали и допросили, но он был быстро освобожден стараниями лучшего гарлемского адвоката.

Бонду это все показалось достаточно убедительным. Мистер Биг был очень подходящим для СМЕРШа человеком, к тому же он прошел необходимую подготовку. Обладает действенным оружием устрашения и смерти, у него самый подходящий имидж в глазах мелкой негритянской сошки, занимающейся незаконными делами, чтобы держать ее в руках и собирать всю нужную ему информацию, пользуясь сетью цветных осведомителей, — страх перед черной магией и всем сверхъестественным глубоко и первозданно живет в негритянском подсознании! И как умно было с самого начала взять под СВОЙ контроль всю транспортную систему Америки — машинистов, проводников, водителей грузовиков, портовых грузчиков! В его распоряжении оказалось целое воинство людей, находящихся в самых нужных точках и не подозревающих, что, отвечая на частные вопросы, они снабжают информацией русских. Маленькие люди, которые, вероятно, думали — если они вообще об этом задумывались, — что сведения о перевозке и содержании грузов покупают конкурирующие транспортные концерны.

Не впервые Бонд ощутил, как мурашки поползли у него по спине при мысли о том, сколь хладнокровно и потрясающе эффективно работает советская машина разведки, о страхе смерти и пыток, на котором зиждется ее эффективность, и о главном ее двигателе — СМЕРШе. Само звучание этого слова напоминало шепот смерти.

Отогнав от себя эти мысли. Бонд решительно встал с постели. И так, теперь у него была возможность сокрушить одного из агентов СМЕРШа. В казино «Руайаль» он поймал лишь отблеск такого человека. На сей раз ему предстоит встретиться с ним лицом к лицу. Большой Человек? Ну что ж, пусть это будет настоящий гигант и гомерическое сражение.

Бонд подошел к окну и раздвинул шторы. Окно выходило на север, где находился Гарлем. С минуту он вглядывался в горизонт, где, вероятно, другой человек, его противник, спал у себя в спальне, а может быть, он тоже уже проснулся и думал о Бонде, которого видел рядом с Декстером на ступеньках отеля. День был чудесный, и Бонд улыбнулся. Эта улыбка вряд ли понравилась бы кому бы то ни было, даже мистеру Бигу.

Бонд поежился и подошел к телефону.

— Отель «Сент-Реджис». Доброе утро, — серебряным колокольчиком прозвенел голос телефонистки.

— Ресторан, пожалуйста, — сказал Бонд, и в трубке что-то щелкнуло. — Ресторан? Я хотел бы заказать завтрак в номер. Большой стакан апельсинового сока, яичницу из трех яиц, не слишком зажаренную, с беконом, двойной кофе-эспрессо со сливками. Тосты. Джем. Все понятно?

Ему почтительно повторили заказ. Бонд вышел в переднюю и поднял сверток с газетами, весивший не меньше пяти фунтов, который рано утром ему бесшумно подсунули под дверь. На столике в холле его ожидала также куча пакетов, которые Бонд поначалу не заметил.

Попав вчера в объятия ФБР, он до некоторой степени американизировался. Сначала явился портной и снял с него мерку, чтобы сшить два однобортных темно-синих костюма из легкой шерсти (Бонд решительно отказался от чего бы то ни было более пижонского), затем галантерейщик принес прохладные белые нейлоновые рубашки с остроконечными воротничками. Пришлось согласиться принять и полдюжины фуляровых галстуков непривычной расцветки, темные носки с причудливыми стрелками, два или три платочка для нагрудного кармана, нейлоновые майки с короткими рукавами (получившие здесь название ти-шертс) и короткие брюки (их называют тут шортами), легкое пальто из верблюжьей шерсти с накладными плечами, глубокую мягкую шляпу с окантовкой по краям полей и тонкой черной лентой вокруг тульи, две пары удобных черных мокасин ручной работы.

Он получил также булавку для галстука фирмы «Шик» в виде миниатюрной плетки, бумажник из крокодиловой кожи от Марка Кросса, строгой формы зажигалку «Зиппо», несессер «Мир путешествий» из кожаменителя, содержащий бритву, щетку для волос и зубную щетку; пару очков с простыми стеклами в роговой оправе, множество других мелочей и, наконец, легкий чемодан от Хартмана, чтобы все это в него упаковать.

Ему было позволено оставить из своих вещей лишь «беретту» с укороченной рукояткой и замшевую кобуру, все остальные свои пожитки он должен был к полудню собрать, чтобы их отправили на Ямайку, где он их впоследствии и получит.

Бонда постригли на военный манер и сообщили, что он — житель Бостона, Новая Англия, работающий в лондонском представительстве американской страховой компании и находящийся в отпуске. Напомнили, что в Америке следует спрашивать «чек», а не «счет», говорить «машина», а не «автомобиль» и (это совет Лейтера) стараться избегать слов, состоящих более чем из двух слогов. "В Америке можно поговорить на любую тему, — сказал Лейтер, — ограничившись тремя словами — «да», «нет» и «конечно». Во всяком случае, добавил он, никогда не следует употреблять здесь английское слово «фактически». Бонд ответил, что в его словарь это слово не входит.

Нахмурившись, Бонд взглянул на кучу пакетов, содержимое которых формировало его новый имидж, в последний раз снял с себя привычную полосатую пижаму («в Америке обычно спят раздетыми, мистер Бонд») и принял бодрящий холодный душ. Бреясь, он осмотрел в зеркале свое лицо. Густой завиток черных волос над бровью был укорочен, виски коротко подбриты. С тонким вертикальным шрамом на правой щеке ничего нельзя было сделать, несмотря на специальную накладку, придуманную специалистами из ФБР, равно как и с холодным яростным блеском серо-голубых глаз, но благодаря темным волосам и высоким скулам Бонда можно было принять за американца смешанных кровей. Бонд подумал, что нынешний его облик, пожалуй, сойдет для новой роли — разве что женщин не проведешь.

Не одеваясь, Бонд прошел в переднюю и стал разрывать лежавшие там пакеты. Потом, надев темно-синие брюки и белую сорочку, он отправился в гостиную, пододвинул стул к письменному столу, стоявшему у окна, и принялся штудировать «Древо путешественника» Патрика Ли Фермера [эта книга, одна из самых замечательных книг о путешествиях, опубликована в издательстве «Харпер энд

Бразерс»].

Эту выдающуюся книгу порекомендовал Бонду М. «Ее написал человек, который знает, что говорит, — заявил он. — К тому же он описывает то, что происходило на Гаити в 1950 году. Это не какие-нибудь средневековые колдовские бредни. Это то, что происходит там сейчас, каждый день».

Бонд прочел уже полглавы, посвященной Гаити.

«Далее (читал он) следует вызывание злых духов вудуистского пантеона — таких как дон Педро, Китта, Мондонг, Бакулу и Зандор — для дурных целей: для известной практики (имеющей конголезское происхождение) превращения людей в зомби с дальнейшим использованием их в качестве рабов, для наведения злых чар и умерщвления врагов. Эффект заклинаний, произносимых над вещественным олицетворением будущей жертвы, над миниатюрной копией гроба или над жабой, часто подкрепляется применением яда. Отец Косме рассказывает, будто предрассудки, безраздельно владеющие этими людьми, придают им некую сверхъестественную силу, позволяющую обращаться в змей; в вампиров, принимающих обличье летучих мышей, летающих по ночам и высасывающих кровь из детей; в человечков, уменьшающихся до бесконечно малых размеров и раскатывающихся по деревьям, спрятавшись в тыквах. Еще более зловещее впечатление производят рассказы о множестве мистически-тайных преступных сообществ колдунов с названиями, вселяющими ужас, — „Маканда“ (имя знаменитого гаитянского отравителя), „Зобо“ (эти занимаются еще и разбоем), „Мазанкса“, „Капорелата“ и „Злинбин-динги“. Эти последние, по его словам, представляют собой таинственные сообщества людей, поклоняющихся богам, которые требуют вместо петуха, голубя, козла, собаки или свиньи, приносимых в жертву другими вудуистами, „безрогого козла“, то есть человеческих жертвоприношений...» По мере того как Бонд листал страницы книги, в голове его из отдельных эпизодов складывалась картина неправдоподобно мрачной религии с ужасными обрядами.

“...Постепенно среди всеобщей суматохи, дыма и оглушающего, сводящего с ума треска барабанов начинают вырисовываться отдельные детали...”

Очень медленно скользят взад и вперед танцоры, при каждом шаге их подбородки дергаются вперед, а сцепленные руки вскидываются вверх, они непрерывно трясут плечами. Глаза их полуприкрыты, а изо ртов вырываются снова и снова одни и те же непонятные слова — короткая строка монотонного песнопения, каждый раз произносимая на пол-октавы ниже. Когда меняется ритм барабанов, они выпрямляются и, вскидывая вверх руки, закатив глаза, начинают кружиться и кружиться...

Там, где кончается толпа, мы увидели малюсенький домик, немногим больше собачьей конуры: «Приют зомби». При свете факела различили внутри черный крест, какие-то лоскуты ткани, цепи, кандалы и плети: аксессуары, используемые в церемонии Геде, которую гаитянские этнологи возводят к обряду омоложения Озириса, описанному в Книге мертвых. Посреди горящего перед ним костра было воткнуто что-то вроде сабли и пара огромных щипцов, нижние концы их раскалились уже докрасна. «Огонь Маринетты», богини, являющейся злым воплощением доброй и любящей Госпожи Эрзули Фреды Даомин, богини любви. Позади костра, зажатый тяжелыми каменными глыбами, возвышался огромный черный деревянный крест. У его основания белой краской был нарисован лик смерти, а на перекладинах натянуты рукава древнего погребального наряда. Здесь же висел разбитый шлем, в дыре которого торчала вершина креста. Этот тотем, обязательная принадлежность каждого двора, вовсе не является пародией на святая святых христианского вероучения. Он олицетворяет Бога погребений и Командующего легионами мертвых Барона Субботу. Барон всевластен над всем, что находится по ту сторону могилы.

Это и Цербер, и Харон, а также Аякс, Радамант и Плутон-Барабаны сменили ритм, и на площадку в центр танцующих вышел унган с сосудом, наполненным какой-то пылающей жидкостью: из сосуда то и дело вырывались синие и желтые огненные языки. Огибая в танце костер, он совершил три огненных возлияния и шаги его стали путаться. Затем, дернувшись назад и впадая в то же исступленное состояние, что и другие танцоры, он выплеснул на землю все пылающее содержимое сосуда. Участвующие в ритуале подхватили его, кружащегося в танце, сняли с него сандалии и закатали брюки, а когда с головы его упал платок, стало видно, что это молодой человек с густой шевелюрой. Все встали на колени, загребая огнедышащую грязь ладонями и обмазывая ею руки, плечи и лица. Затем торжественно пробил колокол унганов, и в кругу остался один молодой жрец, танцующий вокруг крестного столба, натыкающийся на него, бессильно падающий ниц посреди ритуальных барабанов. Глаза его были закрыты, лоб наморщен, нижняя челюсть отвисла. Наконец, словно сбитый с ног ударом невидимого кулака, он рухнул на землю и так лежал с откинутой назад головой, с перекошенным в невыносимой муке ртом, пока хрящи на шее и плечах у него не проступили словно корни. За своей тощей спиной он обхватил пальцами одной руки предплечье другой, будто хотел сломать себе руку, и все его тело, с которого пот катил градом, задрожало и задергалось, как дергается иногда во сне собака. Теперь виднелись лишь белки его глаз, хотя глазницы были отверсты, зрачки закатились под веки. На губах появилась пена. Медленно пританцовывая и угрожающе размахивая подобием сабли, жрец унганов стал удаляться от костра, вновь и вновь потрясая в воздухе оружием, подбрасывая его и ловя за рукоять. Несколько минут спустя он держал саблю за тупой край клинка. Молодой человек, медленно танцующий ему навстречу, протянул руку и ухватился за рукоять. Жрец отступил, а молодой человек, кружась и подпрыгивая, начал «рубить» саблей направо и налево. Стоявшие вокруг зрители отпрянули, когда он стремительно завертел клинком над их головами. Щели между редкими зубами придавали его мандрилообразному лицу еще более зловеющий вид. На несколько секунд над «площадкой» повис дикий, животный ужас. Пение превратилось во всеобщий вой, и барабанная дробь, которую продолжали выбивать невидимые яростные руки, потонула в нарастающем шуме.

Резко откинув назад голову, новообращенный приставил к своему животу тупой край клинка. Колени у него подогнулись, и голова упала вперед..." Раздался стук в дверь — официант принес завтрак. Бонд обрадовался предлогу, позволявшему отложить чтение этого жуткого повествования и вернуться в нормальный мир. Но понадобилось несколько минут, чтобы отрешиться от атмосферы ужаса и оккультизма, в которую он погрузился во время чтения.

Вместе с завтраком принесли еще один пакет, дорогого вида, около фута толщиной. Бонд велел официанту положить его на столик бара. «Наверное, Лейтер что-то еще прислал», — подумал он. Бонд ел с удовольствием. Время от времени он смотрел в широкое окно и размышлял о том, что только что прочел.

И лишь сделав последний глоток кофе и закулив первую в этот день сигарету, он вдруг осознал, что уже некоторое время слышит позади себя некий звук.

Это было мягкое, приглушенное тиканье, неторопливое, металлическое. И доносилось оно от бара: «Тик-так, тик-так, тик-так...» Не колеблясь ни секунды, не заботясь о том, что у него был при этом глуповатый вид, он нырнул за кресло и припал к полу — все его чувства были сосредоточены на шуме, исходившем от пакета. «Спокойно, — сказал он сам себе, — не будь идиотом. Это просто часы». Но почему там часы? Зачем ему прислали часы? Кто?

«Тик-так, тик-так, тик-так...» На фоне полной тишины в комнате тиканье звучало страшно громко. Казалось, сердце Бонда билось в унисон с ним. «Не делай из себя посмешище. Эта вудуистская чушь Ли Фермера расстроила тебе нервы. Эти

барабаны...» «Тик-так, тик-так, тик-так...» И тут вдруг раздался низкий мелодичный звук сирены:

«Тили-тили-тили-тили...» Мышцы у Бонда расслабились. Сигарета упала и прожгла дырку в ковре. Он поднял ее и зажал губами. В такого рода механизмах взрывное устройство срабатывает в момент первого удара часов. Молоточек опускается на кнопку детонатора, детонатор посылает искру к взрывчатому веществу и — бум!...

Бонд чуть-чуть высунулся над креслом и наблюдал за пакетом.

«Тили-тили-тили-тили...» Приглушенный перезвон продолжался с полминуты, затем стал замедляться — «ти-ли-ти-ли-ти-ли...».

«Бэмс!» Звук был не громче, чем при разрыве патрона 12-го калибра, но в замкнутом помещении показался весьма внушительным.

Пакет, весь в бумажных лохмотьях, упал на пол. Стаканы и бутылки в баре разлетелись вдребезги, а на стене за баром образовалось пятно черной копоти. Несколько осколков стекла звякнули об пол. Комната наполнилась резким запахом пороха.

Бонд медленно встал, подошел к окну и открыл его. Затем набрал номер Декстера и ровным голосом произнес:

— "Ананас"... Нет, небольшой... Только кое-какое стекло... Хорошо, спасибо... Конечно, нет... Пока.

Он обошел лежавшие на полу осколки, проследовал в переднюю к двери, ведущей в коридор, открыл ее, повесил на наружную ручку табличку «Просьба не беспокоить», запер дверь и прошел в спальню.

Когда он закончил переодеваться, раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросил Бонд.

— Все в порядке. Это Декстер.

Декстер протиснулся в номер в сопровождении болезненного вида молодого человека с черным ящичком под мышкой.

— Это Трипп, из отдела по борьбе с диверсиями, — представил его Декстер.

Они поздоровались за руку, и молодой человек тут же опустился на колени рядом с развороченными останками пакета.

Он достал из своего ящичка резиновые перчатки и целый набор инструментов, напоминающих зубо-врачебные. С их помощью тщательно извлек осколки стекла и кусочки металла из обуглившегося свертка и разложил их на широком листе промокательной бумаги, взятой с письменного стола.

Продолжая работать, он расспрашивал Бонда о том, как все произошло.

— Сирена звучала около полминуты? Понятно. Э, а это что такое? — он осторожно вынул небольшую алюминиевую капсулу, похожую на кассету для проявленной фотопленки, и положил ее рядом.

Через несколько минут он присел на корточки.

— Кислотная капсула, рассчитанная на полминуты, — объявил он. — Разбивается первым ударом боя часового механизма. Кислота выливается и начинает разъедать тонкую медную проволоку. Через тридцать секунд проволока разрывается и освобождает пружину, которая ударяет по штырю. — Он продемонстрировал основание взрывного устройства, похожее на гильзу патрона. — От четырехствольного охотничьего ружья. Черный порох. Никакого снаряда. Хорошо, что не было гранаты — она бы вполне там поместилась, в пакете полно места. Уж тогда бы вам не поздоровилось! А теперь давайте взглянем вот на это. — Он приподнял алюминиевую капсулу, разогнул ее, извлек маленькую бумажную трубочку и пинцетом расправил ее.

Аккуратно прижав к коврику уголки бумажки инструментами из своего черного ящичка, он дал возможность склонившимся над ней Бонду и Декстеру прочесть три

машинописные строчки:

«Сердце этих часов остановилось, удары твоего собственного сердца сочтены, мне известно, сколько их осталось, и я начал отсчет».

Под посланием стояла подпись: «1234567?..» Они разогнулись.

— Гм, — сказал Бонд. — Какая-то чертовщина.

— Но откуда, черт бы его побрал, он узнал, где вы находитесь? — спросил Декстер.

Бонд рассказал ему о черном седане на Пятдесят пятой улице.

— Вопрос в другом: откуда он узнал, зачем я здесь? Похоже, в Вашингтоне у него все схвачено. Где-то идет утечка информации шириной с Большой Каньон.

— Почему вы думаете, что она идет именно из Вашингтона? — раздраженно спросил Декстер. — Впрочем, — он попытался скрыть раздражение за деланным смешком, — откуда бы она ни шла, будь она проклята. Я обязан доложить об инциденте руководству. Пока, мистер Бонд. Рад, что с вами не случилось ничего дурного.

— Благодарю, — ответил Бонд. — Это была всего-навсего визитная карточка. Придется сделать ответный комплимент.

4. Большой пульт управления

Когда Декстер и его коллега ушли, прихватив с собой то, что осталось от бомбы, Бонд взял влажное полотенце и стер им пятно копоти со стены. Затем вызвал официанта и, не вдаваясь в объяснения, велел ему убрать остатки завтрака, записав разбитую посуду на свой счет. После этого, надев пальто и шляпу, вышел на улицу.

Утро он провел, бесцельно слоняясь по Пятой авеню и глаза на витрины и толпы прохожих. Мало-помалу Бонд освоил небрежную походку и манеры, свойственные приезжим из других городов, попробовал зайти в один-другой магазин и пару раз спросить на улице, как пройти туда-то и туда-то. Он убедился, что не привлекает особого внимания.

Съев типичный американский обед в ресторане под названием «Знаменитая жареная яичница с ветчиной» («Яйца, которые мы подадим вам завтра, сегодня еще курица не снесла на ферме!») на Лексингтон-авеню он взял такси и отправился в полицейское управление, где в половине третьего должен был встретиться с Лейтером и Декстером.

Лейтенант Бинсвангер из отдела по расследованию убийств, офицер лет пятидесяти, видимо, подозрительный и резкий, сообщил, что по приказу комиссара Монахэна департамент полиции обязан оказывать им любую необходимую помощь, и предложил свои услуги. Они попросили досье на мистера Бига и внимательно изучили его. В значительной мере оно дублировало информацию, которой располагал Декстер. Просмотрели также фотографии и дела большинства из известных сообщников Бига.

Затем познакомились с отчетами береговой пограничной службы США о прибытиях и отбытиях яхты «Секатур», а также с докладами таможенной службы, которая внимательнейшим образом досматривала судно каждый раз, когда оно причаливало в порту Сент-Питерсбурга.

Судя по этой информации, в течение предыдущих шести месяцев яхта появлялась там через разные промежутки времени и всегда стояла у причала фирмы «Морские перевозки наживки Уробурос Инкорпорейтед» — по всей видимости, абсолютно невинной компании, которая занимается в основном продажей наживки — всяких там червяков — рыболовецким клубам по всей Флориде, побережью Мексиканского залива и даже еще дальше. Побочной деятельностью фирмы является добыча морских раковин и кораллов для украшения интерьеров, а также

аквариумное разведение тропических рыб — особенно редких ядовитых пород для медицинских и химических исследовательских учреждений.

По свидетельству владельца фирмы — грека, ловца губок из соседнего городка Тарпон-Спрингз — у хозяина «Секатура» были с его фирмой обширные деловые связи: он поставлял фирме партии королевских рапанов и других раковин с Ямайки, а также очень ценные породы тропических рыб. «Уробурос Инкорпорейтед» покупала у него все это, складировала и затем продавала партиями оптовым торговцам и мелким лавочникам по всему побережью. Фамилия грека Папагос. Никакого криминала за ним не числится.

ФБР совместно с военно-морской службой безопасности пыталось прослушивать радиосвязь «Секатура». Но яхта почти не выходила в эфир за исключением коротких сеансов перед отплытием с Кубы или Ямайки — в этих случаях использовался совершенно неизвестный и не поддающийся дешифровке язык. В последнем донесении говорилось, что оператор вел передачу на тайном вудуистском языке, известным лишь посвященным и что предпринимаются настойчивые попытки найти специалиста по этому «языку» на Гаити к моменту, когда должен состояться следующий рейс яхты.

— Снова золото стало появляться, — сообщил лейтенант Бинсвангер, когда они возвращались в его офис, находившийся через дорогу от отдела, где хранилась картотека. — Около сотни монет в неделю только в Гарлеме и Нью-Йорке. Не следует ли нам этим заняться? Если дело обстоит так, как вы говорите, и это действительно деньги комми, они быстренько толкнут их, пока мы протираем здесь штаны на задницах и ни черта не делаем.

— Шеф велел подождать, — сказал Декстер. — Надеюсь, скоро мы выйдем на них.

— Ну что же, дело ваше, — сухо ответил Бинсвангер, — но комиссару это уже начинает надоедать. Почему бы нам не подловить этого типа на уклонении от уплаты налогов или неправильной плате аренды, парковке у водоразборного крана или еще на чем-нибудь? Привезем его в «Могилы» и заставим развязать язык. Если фэбээрэшники не хотят им заниматься, мы с удовольствием сделаем им такое одолжение и возьмем это на себя.

— Вам не хватает расовых беспорядков? — мрачно возразил Декстер. — У нас против него ничего нет, вы это прекрасно знаете, так же как и мы. Если этот его адвокатишко не выдернет своего клиента оттуда через полчаса после того, как мы того задержим, треск вудуистских барабанов будет слышен отсюда до самого глубокого Юга. А когда это начинается, сами знаете, чем кончается. Помните 35-й и 43-й? Пришлось бы снова вызывать войска. Нам это совершенно не нужно. Президент поручил это дело нам, и мы обязаны выполнять его приказ неукоснительно.

Они снова зашли в унылый кабинет Бинсвангера, чтобы взять пальто и шляпы.

— Во всяком случае благодарю за помощь, лейтенант, — сказал при прощании Декстер с подчеркнутой сердечностью. — Она была весьма ценной.

— Всегда рады служить, — ледяным тоном ответил Бинсвангер. — Лифт направо. — И демонстративно закрыл дверь.

Лейтер подмигнул Бонду за спиной у Декстера. Все трое спустились на первый этаж к главному входу на Центральной улице в полном молчании.

Уже на улице Декстер повернулся к ним.

— Сегодня утром я получил из Вашингтона некоторые распоряжения, — бесстрастно произнес он. — Предполагается, что я остаюсь здесь контролировать Гарлем, а вы оба завтра отправляетесь в Сент-Питерсбург. Лейтер должен выяснить там все, что нужно, а затем отправиться прямо на Ямайку вместе с вами, мистер Бонд. В том случае, — добавил он, — если вы не возражаете против его присутствия там: ведь Ямайка — ваша территория.

— Разумеется, не возражаю, — ответил Бонд. — Я даже хотел просить послать его со мной.

— Прекрасно, — сказал Декстер. — Тогда я сообщу в Вашингтон, что все в порядке. Могу ли я еще чем-нибудь быть вам полезен? Вся связь, разумеется, через ФБР в Вашингтоне. Лейтер знает фамилии наших людей во Флориде, знает позывные и все прочее.

— Если Лейтеру это интересно и если вы не возражаете, — сказал Бонд, — мне бы очень хотелось побывать сегодня вечером в Гарлеме и осмотреться там. Это может дать какую-нибудь подсказку относительно планов мистера Бита.

Декстер подумал немного.

— Ладно, — сказал он наконец. — Вреда не будет. Но особенно не высовывайтесь. И не попадите в какую-нибудь переделку. Там вам никто не поможет. Не создавайте нам дополнительных трудностей. Это дело еще не созрело. А пока так: мы должны вести себя с мистером Биггом по принципу — «живи сам и другим не мешай».

Бонд насмешливо посмотрел на капитана Декстера.

— Когда мне приходится иметь дело с таким противником, как этот, — сказал он, — я руководствуюсь другим девизом — «живи — пусть умирают другие».

Декстер пожал плечами.

— Девиз, разумеется, это ваше личное дело, но здесь вы подчиняетесь мне, мистер Бонд, и я был бы очень рад, если бы это действительно было так.

— Конечно, — ответил Бонд. — И благодарю вас за все, что вы для меня делаете. Желаю удачи в вашей части этого дела.

Декстер подозвал такси. Они обменялись рукопожатием.

— Привет, ребята, — сказал Декстер. — Постарайтесь остаться в живых. — И его такси влилось в автомобильную толчею.

Бонд и Лейтер улыбнулись друг другу.

— Серьезный малый, я бы сказал, — заметил Бонд.

— Они здесь все такие, — сказал Лейтер. — Но вообще-то, похоже, большинство из них — напыщенные ничтожества. Очень чувствительны ко всему, что касается их прав. Вечно пререкаются с нами или с полицией. Впрочем, у вас, в Англии, наверное, то же самое.

— Ну, конечно, — согласился Бонд. — У нас постоянные трения с пятым отделом военной разведки. А они без конца наступают спецотделу Скотленд-Ярда на любимую мозоль. Ну да черт с ними. Так мы едем вечером в Гарлем?

— Я — за, — сказал Лейтер. — Я высажу тебя сейчас у «Сент-Реджиса» и заеду за тобой около половины седьмого. Давай встретимся в «Кинг-Коул-баре», на первом этаже. Догадываюсь, тебе хочется взглянуть на мистера Бига. — усмехнулся он. — Мне тоже. Но не надо говорить об этом Декстеру. — Взмахом руки он подозвал желтое такси. — Отель «Сент-Реджис». Угол Пятой и Пятьдесят пятой.

Они залезли в раскаленную жестяную коробку, пропахшую застоявшимся сигарным дымом.

Лейтер опустил стекло.

— Зачем вы это делаете? — бросил через плечо водитель. — Воспаления легких захотелось, что ли?

— Именно, — ответил Лейтер, — если это спасет нас от удушья в этой газовой камере.

— Умник нашелся, — хмыкнул водитель, с жутким металлическим скрежетом дернув рычаг переключения скоростей. Достав из-за уха сигару с откусанным концом, он поднял ее кверху. — Двадцать пять центов за три штуки, — сказал он обиженно.

— На двадцать четыре цента дороже, чем они того стоят, — парировал Лейтер. Остаток пути прошел в полном молчании.

Они расстались у отеля, и Бонд поднялся в свой помер. Было четыре часа. Он попросил телефонистку разбудить его в шесть и какое-то время смотрел на город из окна своей спальни. Слева от него ярким огнем горел диск заходящего солнца. В окнах небоскребов начинали загораться огни, придавая городу вид золотых медовых сот. Далеко внизу реками неоновых светов — малинового, голубого, зеленого, — струились улицы. В бархатных сумерках печально вздыхал ветер, отчего в комнате становилось еще теплее, уютнее и приятней. Он задернул шторы и включил мягкий свет над кроватью. Затем разделся и скользнул под тончайшую перкалевую простыню. Ему представились промозглые в эту пору лондонские улицы, скупое тепло шипящего камина в его кабинете в Управлении, написанное мелом меню в кафе, где он сидел в последний свой лондонский день: «Гигантский бифштекс с двойным овощным гарниром». Он сладко потянулся. Вскоре он уже спал.

* * *

А в Гарлеме за большим пультом Шептун дремал над программкой бегов. Лицо его было безмятежно. Вдруг справа на пульте загорелся огонек — очень важный огонек.

— Да, босс, — тихо сказал он в микрофон, закрепленный на дуге наушников и находящийся прямо перед ртом. Он не мог говорить громче, даже если бы очень захотел, поскольку родился в «легочном квартале» между Семидесятой авеню и 142-й улицей, где смертность от туберкулеза была вдвое выше, чем в любом другом районе Нью-Йорка, и у него осталось лишь одно легкое, да и то не целиком.

— Сообщи всем «глазам», — медленно произнес низкий голос, — приказ: с этого момента начать слежку за тремя мужчинами.

Последовало краткое описание внешности Лейтера, Бонда и Декстера.

— Вероятно, они появятся сегодня или завтра. Особенно внимательно следить за районом от Первой до Восьмой авеню, но и на других тоже. И в ночных заведениях, если их туда пропустят. Не трогать их. Когда их засекут, дай мне знать. Понятно?

— Да, сэр, босс, — сказал Шептун, часто дыша. Голос замолчал. Оператор нажал сразу множество клавиш, и вскоре весь большой пульт ожил и замерцал огоньками. Тихо, но жестко он шепотом послал приказ в тишину вечера.

* * *

В шесть часов Бонда разбудил тихий рокот телефонного зуммера. Он принял холодный душ и тщательно оделся. На нем теперь был кричащий в полоску галстук, а из нагрудного кармана виднелась широченная полоса платка. Он пристегнул замшевую кобуру так, чтобы она находилась на три дюйма ниже левой подмышки. Вытряхнул на постель из магазина своей «беретты» все восемь патронов, потом загнал их обратно, вставил магазин в пистолет, поставил его на предохранитель и положил в кобуру.

После этого Бонд поднял мокасины и, ощутив их носки, взвесил на ладони. Нагнулся, достал из-под кровати свои собственные туфли. Ему удалось их спрятать, вынув из чемодана с вещами, который ФБР забрало у него еще утром.

Бонд надел свои туфли и сразу почувствовал себя лучше подготовленным к предстоящему вечеру.

Под кожей в носках туфель были вставлены стальные наконечники.

В шесть двадцать пять он спустился в «Кинг-Коул-бар» и сел за столик напротив входной двери у стены. Через несколько минут вошел Феликс Лейте?. Бонд с трудом узнал его. Копна соломенного цвета волос была теперь черной как воронье крыло, на нем был ярко-синий пиджак в белую полоску и черный галстук в белый горошек.

Лейтер подсел, широко улыбнулся.

— Я вдруг понял, что к этим людям надо относиться серьезно, — пояснил он. — Это всего лишь нестойкая краска, — показал он на свои волосы, — завтра утром все смоемся.

Лейтер заказал два полусухих «Мартини» с ломтиком лимона. Бонд уточнил, что в коктейль нужно добавлять джин «Палата лордов» и мартини «Росси». Американский джин, хотя и более высокого качества, чем английский, казался ему слишком резким. Про себя он подумал, что сегодня вечером следует быть осторожнее с выпивкой.

— Там, куда мы идем, надо твердо стоять на ногах, — сказал Феликс Лейтер, словно прочитав его мысли. — В Гарлеме не очень спокойно. Сейчас люди уже побаиваются ходить туда, не то что прежде. До войны пойти на исходе вечера в Гарлем было все равно, что пойти на Монмартр в Париже. Там были рады, что вы именно у них потратите свои деньги. Можно было посетить балльный зал «Савой» и посмотреть на танцы. Можно подцепить девчонку, рискуя, правда, что врач выставит вам потом немалый счет. Теперь все по-другому. Гарлем не любит больше, чтобы на него глазели. Множество заведений закрыто, поход в другие может доставить лишь неприятности. Получишь по уху — и не жди никакого сочувствия со стороны полиции.

Лейтер извлек лимон из своего «Мартини» и машинально сжевал его. Бар постепенно наполнялся. Здесь была теплая, дружеская атмосфера — не то что враждебная, наэлектризованная атмосфера негритянских увеселительных заведений, где им предстояло выпивать чуть позже, подумал Лейтер.

— Лично я, — продолжал Лейтер, — негров люблю. Я даже написал несколько статей о диксиленде в «Амстердам Ньюз», одну из местных газет. А также целую серию работ для Североамериканского газетного сообщества о негритянском театре того периода, когда Орсон Уэллс поставил своего «Макбета» с негритянской труппой в театре «Лафайет». Я прекрасно знаю Гарлем.

Они осушили свои стаканы, и Лейтер попросил счет.

— Конечно, везде есть отдельные плохие люди, — продолжал он, — даже очень плохие. Гарлем — столица негритянского мира. Среди полумиллиона людей любой расы непременно окажется множество подонков. Проблема с нашим другом мистером Бигом осложняется тем, что он чертовски хорошо разбирается в технике благодаря OSS и Москве. И у него там, в Гарлеме, должно быть, все прекрасно технически оснащено.

Лейтер расплатился.

— Пошли, — сказал он. — Попробуем немного поразвлечься и при этом остаться целыми. В конце концов именно за это нам деньги платят. Сядем в автобус на Пятой авеню. Едва ли найдется таксист, который согласится ехать в Гарлем после наступления темноты.

Они вышли из отеля и подошли к автобусной остановке в нескольких шагах от него.

Шел дождь. Бонд поднял воротник пальто и посмотрел направо вдоль авеню, по направлению к Центральному парку и далее — к цитадели Биг Мэна.

Ноздри у Бонда слегка расширились. В нем взыграл охотничий азарт. Он чувствовал себя сильным, собранным и уверенным в себе. Его ожидал вечер, который предстояло открыть и прочесть, страницу за страницей, слово за словом.

Перед глазами мелькали быстрые косые струи дождя — словно надпись курсивом на черном переплете закрытой книги, под обложкой которой были скрыты тайны лежащих впереди нескольких часов.

5. Седьмая авеню

На углу Пятой авеню и Монастырского проезда, у автобусной остановки, освещенной уличным фонарем, терпеливо дожидались трое черных. Выглядели они усталыми и вымокшими до нитки. Да так оно и было — звонок раздался в четыре тридцать, и с тех пор они торчали здесь, наблюдая за движением по Пятой.

— Твоя очередь, Фэтсо, — сказал один из них, увидев, как из пелены дождя выползает автобус.

Автобус выплыл из мглы и, шумно вздохнув гидравлическими тормозами, остановился. «Твоя очередь, Фэтсо», — Да пошел ты, — откликнулся приземистый мужчина в макинтоше. Тем не менее, надвинув шляпу на глаза, он вошел в автобус, кинул монетку и двинулся по проходу, внимательно оглядывая пассажиров. Увидев двух белых, он на мгновение задержался, затем двинулся дальше и сел сзади них.

Он внимательно рассмотрел их затылки, плащи, шляпы. Глянул и сбоку, в профиль. Бонд сидел у окна: в темном стекле четко отражался шрам у него на щеке.

Черный поднялся и, не оглядываясь, двинулся к передней двери. На следующей остановке он сошел и направился к ближайшей аптеке. Тут он заперся в телефонной будке.

Шептун задал несколько вопросов и отключился. Потом вставил штекер в правое гнездо.

— Да? — откликнулся низкий голос.

— Босс, один из них только что проехал по Пятой. Англичашка со шрамом. С ним приятель, но, похоже, не тот, кто вам нужен. — Шептун передал точное описание Лейтера. — Едут к северу. — Он сообщил номер и приблизительное время прибытия автобуса.

Последовала пауза.

— Хорошо, — спокойно отозвались с того конца провода. — Сними всех наблюдателей на магистралях. Предупреди ночную смену, что один из них в кольце, и передай Джонсону, Мактунгу, Блэзбермауту Фоли, Сэму Майами и Флэннелу, что...

Инструктаж длился минут пять.

— Ясно? Повтори.

— Так точно, босс, слушаюсь, — сказал Шептун. Он глянул на свой блокнотик и быстро, без запинки зашептал в микрофон, — Хорошо, — трубку повесили, связь прервалась. С горящими глазами Шептун воткнул сразу несколько штекеров и вышел на связь с городом.

С того момента, как Бонд и Лейтер, нырнув под брезентовый козырек, вошли к «Белозубому Рэю» на углу Седьмой авеню и 123-й улицы, их взяли под наблюдение. На вахту готовились встать еще десятки мужчин и женщин, переговариваясь с Шептуном, который сидел у пульта на Риверсайд Иксчейндж и передавал преследуемых из рук в руки. Однако же сами они, оказавшись в центре внимания, не замечали слежки и не чувствовали, как вокруг них сгущаются тучи.

Ресторанчик пользовался известностью, и все места у длинного бара были заняты, но одна из кабинок у стены оказалась свободной. Там Бонд с Лейтером и уселись друг против друга за узким столиком.

Они заказали виски с содовой. Бонд огляделся. Преобладали здесь мужчины. Белых было только двое или трое. «Скорее всего любители бокса и спортивные журналисты», — решил Бонд. В этом ресторанчике было более уютно, чем в других в центре города. Стены обклеены фотографиями белозубого Робинсона, в основном с сюжетами из его последних боев. Заведение, судя по всему, процветало.

— Неглупый парень был этот белозубый, — заметил Лейтер. — Вот бы и нам знать, когда поставить точку. На ринге он загреб неплохие деньги, а потом начал открывать ночные ресторанчики. У него здесь солидная доля, а помимо того — много недвижимости тут же, в этих краях. Да, он продолжал крепко трудиться, но от такой работы не умирают. Во всяком случае он отошел от дел еще при жизни.

— Да, а ведь мог вложить деньги в какую-нибудь бродвейскую постановку и спустить все, — откликнулся Бонд. — Если бы я сейчас все бросил и занялся выращиванием фруктов в Кентукки, наверняка началась бы такая непогода, какой не было со времен, когда замерзла Темза, и я бы полностью разорился. Разве угадаешь?

— Но попробовать-то можно, — сказал Лейтер. — Впрочем, я понимаю, что ты имеешь в виду: лучше синица в руках, чем журавль в небе. Да и можно ли жаловаться на жизнь, если сидишь в уютном баре и пьешь хорошее виски.

Они осушили бокалы, и Бонд велел принести счет.

— Плачу я, — сказал он. — У меня куча денег, от которых надо избавиться, и три сотни из них я прихватил с собой.

— Не возражаю, — сказал Лейтер, для которого не были секретом тысячи Бонда.

Официант отсчитывал сдачу, и тут Лейтер внезапно спросил его:

— Не знаешь, случайно, где сегодня Биг Мэн? У официанта округлились глаза, он нагнулся и обмахнул стол салфеткой.

— У меня жена и дети, босс, — пробормотал он, едва разжимая губы, поставил стаканы на поднос и отошел к стойке.

— У мистера Бига лучшая охрана на свете, — сказал Лейтер, — страх.

Они вышли на Седьмую. Дождь прекратился, но на смену ему пришел пронизывающий северный ветер, о котором негры с почтением говорили: «Хокино пришел». Так что улицы были по-прежнему необычно пустынные. Лишь изредка проходили парочки, поглядывая на Бонда с Лейтером презрительно либо с откровенной враждебностью. Двое или трое даже демонстративно сплюнули в сторону.

Неожиданно Бонд ощутил то давление, о котором говорил ему Лейтер. Они были на чужой территории. Нежелательные визитеры. Бонд почувствовал то беспокойство, которое так хорошо ему было знакомо по войне, когда он оказывался по ту сторону линии фронта. Он передернул плечами, прогоняя неприятное ощущение.

— Пошли к «Матушке Фразье», это чуть дальше, — сказал Лейтер. — Там лучший стол в Гарлеме, во всяком случае раньше так было.

По пути Бонд поглядывал на витрины.

Его удивило, как много здесь парикмахерских и парфюмерных лавок. Повсюду продавались различные средства для выпрямления волос: «Глоссатина» (нанести на волосы и расчесывать подогретым гребнем), «Силки Стренг» (не оставляет следов, не жжет кожу), а также патентованные средства против раздражения кожи. На втором месте шли галантереи и магазины одежды, где продавались потрясающие мужские туфли из змеиной кожи, рубашки с вышитыми на них самолетиками, брюки-клеш с шевроном шириною в Дюйм, костюмы с пиджаками до колен. В книжных магазинах было полно познавательной литературы: как научиться этому, как сделать то и комиксов. А в иных магазинах можно было купить только книги о чудесах и оккультизме, например: «Семь путей к власти», «Самая удивительная книга на свете» с подзаголовками в таком роде: «Если вы раздражены, как снять раздражение», «Как молча высказывать желания», «Как стать всеобщим любимцем». Чудеса были представлены «Большим Джоном-завоевателем», «Нефтяными сокровищами», «Сухим порошком высшей пробы», «Фимиамом, избавляющим от несчастий», а также «Счастливым Уэйми, защищающим от всяческих бед».

«Неудивительно, — подумал Бонд, — что Биг Мэн использует шаманство как мощное орудие воздействия на сознание людей, которые все еще боятся, как огня, черных кошек — даже в самом большом городе западного мира».

— Хорошо, что мы пришли сюда, — сказал Бонд. — Здесь начинаешь лучше

понимать мистера Бига. В стране, вроде Англии, это было бы невозможно. Конечно, мы тоже верим в приметы, особенно кельты, но здесь почти слышишь дробь боевых барабанов.

— Что до меня, то я предпочел бы оказаться дома в постели, — проворчал Лейтер. — Однако же надо прощупать этого парня, перед тем как идти в атаку.

Заведение «Матушка Фразье» являло собой яркий контраст мрачным улицам. Бонд с Лейтером отведали отличных морских моллюсков, а за ними последовали жареные цыплята с беконом и сладкой кукурузой.

— Мы не промахнулись, — сказал Лейтер. — Это национальное блюдо.

В ресторане было тепло и уютно. Официант излучал доброжелательство и показывал различных знаменитостей, но когда Лейтер вскользь спросил о мистере Биге, его не услышали. После этого официант уже не подходил к ним до тех самых пор, пока они не велели принести счет.

Лейтер повторил вопрос.

— Извините, сэр, — коротко ответил официант, — что-то я не припоминаю такого имени.

Они ушли из ресторана в половине одиннадцатого, и к этому времени Седьмая почти опустела. Они поймали такси, поехали в «Савой», выпили виски с содовой и поглазели на танцующих.

— Большинство современных танцев было придумано именно здесь, — сказал Лейтер. — Все начиналось на этой площадке. Любой известный американский оркестр почитает за честь выступить тут. Дюк Эллингтон, Луи Армстронг, Кеб Кэллоуей, Нобл Зисл, Флетчер Хендерсон. Это Мекка джаза.

Они выбрали столик около перил, окаймляющих огромный зал. Бонд был совершенно потрясен. Большинство девушек казались красавицами. Ритм музыки настолько увлек его, что он почти позабыл, зачем сюда, собственно, пришел.

— Берет за живое, верно? — сказал наконец Лейтер. — Я бы здесь всю ночь провел. Но, увы, надо двигаться. Теперь — в «Маленький Парадиз». А потом — в одну из нор самого мистера Бига. Ты расплатись, а я пока схожу в туалет. Попробую выяснить, где его можно отыскать сегодня. Не хотелось бы гоняться за ним до бесконечности.

Бонд заплатил по счету и спустился вниз, в узкий холл, где Лейтер уже ждал его. Они вышли на улицу и двинулись по тротуару, высматривая такси.

— Пришлось выложить двадцатку, — сказал Лейтер, — но не зря: говорят, он должен быть в «Бониярде». Это кабачок на Ленокс-авеню. Совсем рядом со штабом. Самый потрясающий в городе стриптиз. Девчонку зовут Джи-Джи Суматра. А сейчас поехали к «Иесмену», выпьем и послушаем музыку. Оттуда стартуем в половине первого.

Большой пульт, всего в нескольких кварталах отсюда, был почти безмолвен. Двое мужчин посидели у «Белозубого Рэя», у «Матушки Фразье» и в «Савое», В полночь они вошли в «Иесмену». В двенадцать тридцать раздался последний сигнал, и табло погасло.

Мистер Биг позвонил по внутреннему телефону сначала старшему официанту.

— Через пять минут здесь будут двое белых. Усади их за столик Зет.

— Да, сэр, слушаюсь, сэр, — ответил старший официант и поспешно направился через танцплощадку к столику в правом углу: от зала столик почти полностью скрывала широкая колонна. Он стоял рядом со служебным входом, но отсюда была хорошо видна площадка, а также оркестр.

За столиком сидело четверо, двое мужчин и две девушки.

— Извините, ребята, — сказал старший официант, — ошибка произошла. Столик заказан. Звонили журналисты из центральных газет.

Один из мужчин попытался было запротестовать.

— Давай, давай, приятель, двигай, — грубовато сказал старший. — Эй, Лофти, посади этих ребят за столик Ф. Выпивка за счет заведения, Сэм, — окликнул он другого официанта, — убери столик. Две скатерти.

Четверка покорно удалилась, убаженная перспективой бесплатной выпивки. Старший официант поставил на столик Зет табличку «Занято», придирчиво осмотрелся и вернулся к себе на место рядом с зашторенным входом.

Тем временем мистер Биг сделал еще два звонка по внутреннему телефону. Первый — ведущему программы.

— После выступления Джи-Джи выключить свет.

— Слушаюсь, сэр, — откликнулся тот с готовностью. Другой разговор был с четырьмя мужчинами, игравшими в карты в подвальном помещении. Это был длинный и весьма подробный разговор.

6. Столик зет

Без четверти час Бонд и Лейтер расплатились с таксистом и вошли в дверь, над которой фиолетово-зеленым неонам переливалась надпись: «Бониярд».

Раздвинулись тяжелые портьеры, их сразу оглушили звуки оркестра, в ноздри ударил кисло-сладкий запах. Девушки в гардеробе одарили их обещающим взглядом.

— У вас заказано, господа? — спросил старший официант.

— Нет, — ответил Лейтер. — Да неважно, сядем у стойки. Старший официант принялся рассматривать свои записи. Наконец он вроде бы решился и ткнул острием карандаша в самый низ карточки.

— Одна компания так и не появилась. Сколько же можно ждать? Прошу. — Он поднял карточку над головой и провел их через маленькую площадку перед оркестром. Потом отодвинул стул и снял табличку с надписью «Занято».

— Сэм, — окликнул он официанта, — обслужи джентльменов. — И удалился.

Они заказали шотландское виски с содовой и сэндвичи. Бонд принялся.

— Марихуана.

— Большинство настоящих алкашей курят травку, — пояснил Лейтер. — Это редко где разрешается.

Бонд огляделся. Музыка умолкла. Из дальнего угла появились четверо — кларнет, гитара-бас, электрогитара и барабан. С десятков пар все еще в танцевальном ритме возвращались к своим столикам. Розоватый свет, освещавший снизу зеркальную площадку, потух. Вместо него под самым потолком вспыхнули острые лучи, упершись в стеклянные шары величиной с футбольный мяч, расположенные через правильные интервалы вдоль стены. Они были разных оттенков — золотистые, голубые, зеленые, фиолетовые, розовые. Освещенные, они напоминали раскрашенные солнечные диски. Шары отражались в поверхности стен, покрытых черным лаком, и в цвета черного дерева лицах мужчин. Порой казалось, что у сидящего между двумя шарами разноцветные щеки — одна зеленая, а другая розовая. При таком освещении совершенно невозможно было разглядеть лица, разве что они были совсем рядом. У девушек помада приобретала черный оттенок, и в мерцающем свете одна половина лица багровела, а другая казалась принадлежащей утопленнице.

Все это выглядело жутковато, словно на полотне Эль Греко, написанном при лунном свете на кладбище с разрытыми могилами в горящем городе.

Зал невелик, примерно 60 квадратных футов. В нем было расставлено около 50 столиков, и посетители набились, как сельди в бочке. Было жарко, воздух стал плотным от дыма и запаха пота — резкого запаха двух сотен черных тел. Шум стоял страшный — какофония негритянских голосов, веселая болтовня людей, пришедших как следует поразвлечься — возгласы, переклички через весь зал, громкий хохот.

- Вот это да, смотри-ка, кто пришел!
- Где ты пропадала все это время, малышка?
- Истинная правда. Да это же Пинкус. Эй, Пинкус, здорово.
- Иди сюда.
- Ну-ка, ну-ка, да говорю же тебе (звук удара).
- А где Джи-Джи? Эй, Джи-Джи, покажи-ка, что у тебя там.

Время от времени на площадку выскакивали мужчина или девушка и принимались отплясывать соло. Их друзья ладонями отбивали ритм. Шум, крики, свист. Если плясала девица, кричали: «А ну-ка, давай голышом, задай жару! Давай, давай!», — и тогда появлялся ведущий и под громкий смех и крики присутствующих очищал площадку.

У Бонда на лбу выступили капли пота. Лейтер нагнулся к нему и, сложив руки трубой, проговорил: «Три выхода. Передний. Служебный — прямо за нами. И еще один — за оркестром». Бонд кивнул. Сейчас это для него не имело значения. Для Лейтера тут не было ничего нового, но для Бонда это была возможность прикоснуться к сырью, с которым работал Биг Мэн. Он словно разминал в руках глину. Шаг за шагом сегодняшний вечер облекал в плоть те досье, которые он изучал в Лондоне и Нью-Йорке. Даже если не удастся рассмотреть мистера Бига вблизи, все равно, думал Бонд, время даром не потрачено — ситуация ему почти ясна. Он сделал большой глоток виски. Раздался взрыв аплодисментов. Ведущий вышел на площадку. Это был высокий негр в безукоризненном фраке с красной гвоздикой. Посередине площадки он остановился, подняв руки. Свет падал только на него, остальная часть зала погрузилась во тьму.

Наступила тишина.

— Друзья, — провозгласил ведущий, обнажив ряд золотых и белоснежных зубов, — мы начинаем!

Он повернулся налево, прямо в сторону Бонда и Лейтера, и выбросил вперед правую руку. Загорелся еще один шар.

— Мистер Джанглз Джэпет со своим оркестром!

Снова аплодисменты, шум, свист.

Луч света выхватил четверку ухмыляющихся негров в пламенеюще красных рубашках и брюках колоколом. Перед каждым конусообразная подставка с мембраной из сыромятной кожи наверху. Барабаны были разного размера. Все четверо были жилистые, сухопарые. Один, тот, перед которым стоял турецкий барабан, привстал и, сомкнув над головой руки, помахал приятелям.

— Барабанщики-шаманы с Гаити, — прошептал Лейтер. Наступила тишина. Кончиками пальцев барабанщики начали отбивать медленную румбу.

— А теперь, друзья, — объявил ведущий, все еще глядя на музыкантов, Джи-Джи, — короткая пауза, — СУМАТРА!!!

Последние слова потонули в реве. Он хлопнул в ладоши. Зал превратился в ад кромешный, все бешено зааплодировали. Дверь позади оркестра распахнулась, и два негра-гиганта, на которых были только набедренные повязки, выбежали на площадку. На их сцепленных руках устроилась, держась за их шеи, миниатюрная девушка, полностью закутанная в накидку из страусовых перьев, на глазах — черная маска-домино.

Поставив ее на середину площадки, негры стали по обе стороны и согнулись в земном поклоне. Она шагнула вперед. Луч света сдвинулся, и негры незаметно растворились в темноте.

За ними последовал ведущий. Если не считать легкой барабанной дробы, в зале царил полная тишина.

Девушка протянула руки к шее, покрывало из черных перьев соскользнуло с ее груди и превратилось в огромный черный веер. Она медленно начала помахивать им,

и в конце концов веер встал вертикально, напоминая павлиний хвост. На девушке ничего не было, кроме узкой черной набедренной повязки и двух блестящих звездочек на сосках и черного домино. Тело было плотное, с бронзоватым отливом, идеально сложенное. Оно было покрыто тонким слоем маслянистого крема и блестело в ярком свете.

Публика молчала. Барабаны начали убыстрять темп. Турецкий барабан отбивал дробь в ритме человеческого пульса.

Подчиняясь ритму, живот девушки начал медленно вибрировать. Она взмахнула черными перьями, и в работу включились бедра. Верхняя часть тела оставалась пока неподвижной. Еще один взмах перьями — и задвигались ноги, затем плечи. Барабаны забили громче. Казалось, каждая часть тела танцовщицы двигалась в собственном ритме. Губы немного приоткрылись, ноздри начали раздуваться. Глаза жарко блестели в просветах домино. Она была воплощением животного, сексуального магнетизма — другого слова Бонд придумать не мог. Барабаны забили еще быстрее, резко меняя ритм. Девушка швырнула огромный веер на пол, подняла руки над головой. Все ее тело начало извиваться. Ускорились колебания живота. Он двигался кругами, опадал, выпячивался. Ноги раздвинулись, а бедра принялись описывать широкие круги. Внезапно она сорвала с правой груди звездочку и швырнула ее в публику. По залу пробежал первый шумок, сдавленный гул. Затем снова все затихло. Она сорвала другую звездочку. Снова гул, и снова тишина. Барабаны выбивали оглушительную дробь. Пот градом катился с музыкантов. Дрожь пробегала по рукам, дрожали серые фланельки на светлых мембранах. Взгляд их широко раскрытых глаз был отрешенным. Головы немного склонились набок, словно они к чему-то прислушивались. На девушку они едва глядели. Из зала доносились тихие вздохи, глаза у людей выкатились, зрачки бешено вращались.

Девушка вся покрылась потом, он блестел на груди и животе. Тело двигалось резкими рывками. Рот раскрылся, и девушка слабо вскрикнула. Руки опустились, неожиданно она сорвала набедренную повязку и бросила ее в публику. Теперь барабаны звучали в едином ритме — в ритме страсти, не ведающей преград. Слабые вскрики раздавались непрерывно, руки девушка вытянула вперед, как бы удерживая равновесие, а затем склонилась и снова выпрямилась. Быстрее, еще быстрее. Бонд почувствовал, как по залу пробежала электрическая искра. У него самого пальцы вцепились в скатерть. Во рту пересохло.

Публика повскакала с мест. «Давай, Джи-Джи, давай. Не смущайся, малышка. Поддай, детка, поддай жару!» Она опустилась на колени, и, повинаясь постепенно утихающей дробь барабанов, начала последнюю серию движений, вздыхая мягко и протяжно.

Барабаны почти умолкли. Публика вновь взревела. Грубые непристойности неслись со всех концов зала.

Ведущий вышел на площадку. На него упал луч света.

— Ладно, ладно, ребята. — По подбородку у него катились капли пота. Он раскинул руки, как бы сдаваясь.

— Джи-Джи согласна!

В зале с удовлетворением зашумели. Теперь на ней совсем ничего не будет: «А ну-ка, Джи-Джи, покажись нам. Давай, давай».

Барабаны заурчали и выбили тихую дробь.

— Но маску, друзья, — крикнул ведущий, — она снимет в темноте.

По залу пробежал недовольный гул. Весь зал погрузился во тьму.

«Должно быть, старые шуточки», — подумал Бонд. Внезапно он весь напрягся.

Рев толпы куда-то стремительно удалялся. И в то же самое время ощущалось дуновение холодного воздуха. Чувство было такое, словно куда-то проваливаешься.

— Эй, — заорал Лейтер. Голос прозвучал близко, но гулко.

«Боже мой.», — подумал Бонд.

Что-то со стуком закрылось у него над головой. Бонд протянул руку назад. Она уперлась в движущуюся стену.

— Свет, — раздался чей-то спокойный голос.

В тот же самый миг Бонда плотно схватили за запястья и прижали к сиденью.

Напротив, за тем же самым столиком, сидел Лейтер, его держал за локти гигантского роста негр. Они были в крохотной квадратной клетке. Слева и справа стояли еще двое негров. В руках у них были пистолеты.

Послышалось резкое шипение гидравлических тормозов, и столик мягко опустился на пол. Бонд поднял голову. В нескольких футах сверху виднелась узкая щель люка. Звуков она не пропускала.

Один из негров ухмыльнулся.

— Спокойно, ребята. Как вам путешествие?

Лейтер грубо выругался, а Бонд расслабился, ожидая, что же последует далее.

— Который из них англичашка? — спросил, тот же самый негр. Похоже, он был тут за главного.

Пистолет, который он небрежно направил прямо в сердце Бонду, выглядел довольно необычно. Рукоятка отливала перламутром, а на восьмигранном стволе был изящный орнамент.

— Вроде этот, — откликнулся негр, удерживавший Бонда за руки. — У него шрам.

Хватка у негра была страшная — казалось, руки выше локтя зажаты в тисках. Предплечья Бонда начали неметь.

Человек с роскошным пистолетом вышел из-за стола и ткнул дулом Бонду в живот. Пистолет был снят с предохранителя.

— С такого расстояния не промахнешься, — сказал Бонд.

— Заткнись.

Бонда сноровисто обыскали — ноги, бедра, спина, бока. Негр вытащил его пистолет и передал своему вооруженному напарнику.

— Отдай это боссу, Ти-Хи, — сказал он. — Англичашку возьми с собой. Остальные будут ждать здесь.

— Слушаюсь, сэр, — отозвался тот, кого называли Ти-Хи, грузноватый негр в коричневой рубаше и брюках колоколом бледно-лилового цвета.

Бонда грубым рывком подняли со стула. Он зацепился за ножку столика и резко рванулся в сторону. В тот же самый миг Лейтер стремительно развернулся вместе со стулом. «Клонк» — раздался отчетливый звук. Это его пятка пришла в соприкосновение с голенью стража. Бонд попытался повторить этот прием, но промахнулся. Поднялась некоторая суматоха, но ни один из стражей не ослабил хватки. Лейтера конвоир легко, как ребенка, поднял со стула, развернул лицом к стене и ударил, да так сильно, что у Лейтера едва не сломалась переносица. Потом стражник снова развернул его. Весь рот Лейтера был залит кровью.

Два дула все еще почти упирались в грудь Лейтеру и Бонду. Попытка была безнадежной, но на какое-то мгновение они перехватили инициативу и таким образом оправившись от неожиданности, с какой их схватили.

— Не суетитесь, — сказал главный. — Давай забирай англичашку, — добавил он, обращаясь к сторожившему Бонда. — Мистер Биг ждет. — Он повернулся к Лейтеру: — Можешь попрощаться со своим дружком. Вам вряд ли еще доведется повстречаться.

Бонд улыбнулся Лейтеру.

— Хорошо, что мы условились встретиться здесь с полицейскими в два ночи, — сказал он. — Встретимся на баррикадах.

Лейтер ответил ухмылкой, хотя изо рта все еще текла кровь.

— Комиссар Монахэн будет рад встрече с этой компанией. До встречи.
— Чушь, — убежденно сказал негр, — Пошли. Охранник резко развернул Бонда и подтолкнул его к стене. Одна из ее секций отошла в сторону, открыв длинный пустой проход. Тот, кого называли Ти-Хи, шмыгнул мимо них и возглавил процессию. Дверь плавно закрылась за ними.

7. Мистер Биг

Шаги гулко отдавались в каменном коридоре. В конце его была дверь. Она вела в другой длинный проход, освещенный единственной лампой без абажура, свисавшей с потолка. Еще одна дверь — и они очутились в большом складском помещении. Здесь были аккуратно сложены ящики и тюки. Наверху проделаны отверстия для грузоподъемных кранов. Судя по маркировке на ящиках, это был винный склад. Они проследовали по коридору к железной двери. Человек по имени Ти-Хи позвонил. Гробовое молчание. Бонду показалось, что от ночного клуба их отделяет по меньшей мере квартал.

Послышался скрип задвижки, и дверь открылась. Негр в вечернем костюме с пистолетом в руке отступил, и они пошли по ковровой дорожке.

— Можешь быть свободен, Ти-Хи, — сказал человек в вечернем костюме.

В кресле с высокой спинкой за дорогим столом сидел мистер Биг. Он спокойно посмотрел на прибывших.

— Доброе утро, мистер Джеймс Бонд. — Голос звучал глубоко и мягко. — Присаживайтесь.

Бонда провели по толстому ковру к низкому кожаному креслу на металлических трубчатых ножках. Тут его отпустили. Бонд сел и посмотрел на Биг Мэна.

Свобода от рук-тисков была истинным благословением. Предплечья полностью потеряли чувствительность. Бонд вяло опустил руки, с удовольствием ощущая возобновляющийся ток крови.

Мистер Биг смотрел на него, откинув огромную голову на спинку кресла. Он молчал.

Бонд сразу же понял, что фотографии совершенно не выражали сути человека, не передавали они ни излучаемой им физической мощи, ни интеллекта, ни приувеличенно крупных черт. Голова мистера Бига напоминала большой футбольный мяч: вдвое больше головы обычного человека и почти совершенно круглая. Волос не было вовсе, кроме серо-коричневых пучков над ушами. Точно так же не было бровей и ресниц, а глаза посажены так широко, что свести в фокус оба невозможно, всегда видишь только один. Взгляд ровный и проникающий. Сосредоточиваясь на чем-то, такие глаза охватывают предмет целиком, поглощают его. Они были немного навывкате, а черные зрачки, сейчас немного расширившиеся, окаймляла золотистая оболочка. Это были глаза не человека, а животного, они ярко блестели.

Нос широкий, но не типично негроидный. Ноздри не расширялись книзу. Толстые темные губы вывернуты лишь слегка. Они открывались узкой щелью, когда этот человек начинал говорить, а затем прямо-таки распахивались, обнажая зубы и бледно-розовые десны. Кожа серого оттенка, туго натянутая и блестящая — такая бывает у утопленников, которых вытащили из воды через неделю после смерти.

На лице не было морщин или складок, но над переносицей пролегли две глубокие борозды, свидетельствующие о том, что этот человек думающий. Лоб немного выдавался вперед, плавно переходя в темя.

Станным образом эта жуткая голова выглядела вполне пропорциональной. Она сидела на короткой, широкой шее, а та покоилась на мощном плечевом поясе. Из отчетов Бонду было известно, что рост Бит Мэна шесть с половиной футов, все

двести восемьдесят фунтов и почти ни капли жира. В целом этот человек внушал трепет, даже страх, и Бонд вполне мог представить, что этот изгой с детства посвятил себя борьбе с судьбой и миром, который ненавидел его, потому что боялся.

На Биг Мэне был фрак. Бриллиантовая булавка и запонки не отличались безупречным вкусом. Могучие полусогнутые руки покоились на столе. Сигарет или пепельницы не было видно, и дымом не пахло. На столе стоял только большой селектор с двумя десятками штекеров, да неизвестно как попавший сюда хлыст с длинным тонким хвостом.

Молча, сосредоточенно мистер Биг взирал через стол на Бонда.

Ответив ему тем же, Бонд поднял глаза.

Над головой мистера Бига было высокое окно. Бонд повернулся. Просторная, тихая комната напоминала библиотеку миллионера: все стены были заставлены стеллажами с книгами. На дверь не было намека, но, с другой стороны, дверей могло быть сколько угодно — за фальшивыми книжными корешками, например. Двое негров, которые привели сюда Бонда, беспокойно переминались с ноги на ногу у него за спиной. Белки у них блестели. Они глядели не на мистера Бига, а на странный предмет, установленный на низком столике, чуть позади.

При всем своем дилетантстве Бонд все же сразу узнал его по описаниям Ли Фермера.

На светлом возвышении стоял светлый деревянный крест вышиной в пять футов. На перекладине креста с обеих сторон были натянуты рукава пыльного черного фрака, фалды которого свисали к полу. Над воротником торчал потрепанный котелок, насквозь пронзенный вертикальной перекладиной креста. Чуть ниже полей котелка на кресте был закреплен крахмальный воротничок священнического одеяния.

У подножия креста, на столе, лежала пара изношенных перчаток лимонно-желтого цвета. Рядом с перчатками, с левой стороны сооружения, была прислонена трость с золотой ручкой, ее наконечник почти упирался в перчатки.

Жуткое чучело пристально озидало комнату — бог погребений и Командующий легионами мертвых — Барон Суббота. Даже Бонд почувствовал, что фигура излучает ужас.

Он отвернулся и вновь посмотрел на большое серое лицо над столом.

Мистер Биг заговорил.

— Ти-Хи, ты мне понадобится. А ты, Майями, можешь идти.

— Слушаюсь, босс, — ответили те в один голос. Бонд услышал, как невидимая дверь открылась и тут же закрылась.

Снова тишина. Поначалу мистер Биг в упор смотрел на Бонда, изучая его внимательнейшим образом. Но теперь Бонд заметил, что глаза Биг Мэна, хоть и не оторвались все еще от него, подернулись какой-то пленкой. Он смотрел на него, но словно не видел, витая в каких-то иных далях.

Бонд твердо решил, что не позволит сбить себя с толку. Руки вновь обрели чувствительность, и он потянулся за сигаретами и зажигалкой.

Мистер Биг заговорил.

— Можете курить, мистер Бонд. Но если вам придет в голову что-нибудь другое, потрудитесь нагнуться и посмотреть на отверстие в ящике прямо у вас перед глазами. Еще минута, и я в вашем распоряжении.

Бонд наклонился. Отверстие было большим, пожалуй, сантиметров сорок пять в диаметре. Наверное, стреляет через него, используя механизм, вделанный в пол, под столом. Похоже, у этого господина в запасе немало «шутки». Забавник. Забавник? Да нет, все не так элементарно. Забавы — бомба, проваливающийся столик — сработаны крепко, нестандартно. Не просто штучки-дрючки, рассчитанные на то, чтобы произвести впечатление. Да и в пистолете том не было ничего нелепого.

Верно, оружие необычное, потребовавшее, должно быть, кропотливой работы, но технически следовало признать, безупречное.

Он закурил и с наслаждением затянулся. Не то чтобы его слишком волновало положение, в котором он очутился. Не верилось, что все это кончится чем-нибудь серьезным. Избавиться от него через два дня после того, как он прилетел из Лондона, — грубая работа, если только к приезду не подготовились и тонко все не продумали. Но тут же и Лейтер исчезает. Играть двумя разведками сразу — это уж слишком, и мистер Биг не может этого не понимать. Тем не менее судьба Лейтера, оказавшегося в руках этих неотесанных мужланов, беспокоила Бонда.

Биг Мэн неторопливо заговорил:

— Давненько, мистер Бонд, не приходилось мне встречаться с агентами секретной службы. С самой войны. Ваша разведка поработала тогда неплохо. Вообще у вас есть несколько хороших сотрудников. От друзей я знаю, что вы занимаете у себя высокий пост. У вас номер, начинающийся с двух нулей, — 007, если не ошибаюсь. Как мне сказали, это означает, что вам дано право убивать людей в ходе выполнения задания. Кого вас послали убивать сюда, мистер Бонд? Не меня ли, случаем?

Голос звучал мягко, ровно, бесстрастно. В речи прорывался то американский акцент, то французский, но в целом английский язык этого человека был безупречен, без малейшего намека на сленг. Бонд промолчал. Биг Мэн, скорее всего, получил его досье из Москвы.

— Вам следует отвечать, мистер Бонд. От этого зависит и ваша судьба, и судьба вашего друга. Я верю своим источникам информации. Мне известно гораздо больше, чем я сказал. И ложь я распознаю без труда.

Бонд поверил ему. Он выбрал версию, которую можно будет защитить и которая в то же время позволит не раскрыть факты.

— В Америке спекулируют английскими золотыми монетами времен Эдуарда IV, — сказал он. — Министерство финансов США обратилось с просьбой помочь разыскать спекулянтов, ибо источник спекуляций, похоже, английский. Так я очутился в Гарлеме — а со мной представитель этого министерства, который, надеюсь, сейчас спокойно возвращается к себе в отель.

— Мистер Лейтер — представитель Центрального разведывательного управления, а не министерства финансов, — бесстрастно откликнулся мистер Биг, — и положение его в настоящий момент в высшей степени сомнительно.

Он помолчал, как бы раздумывая, и глянул куда-то за спину Бонда.

— Ти-Хи.

— Да, сэр!

— Привяжи мистера Бонда к стулу.

Бонд привстал.

— Не двигайтесь, мистер Бонд, — мягко прозвучало в комнате. — В этом случае у вас еще есть шанс сохранить жизнь.

Бонд глянул мистеру Бигу прямо в его желтоватые, бесстрастные глаза.

Он вновь опустился на стул, и тут же его тело плотно привязали к спинке широким ремнем. На запястья набросили два других ремня, покороче, и прикрепили их к кожаным подлокотникам и металлическим ножкам. Не забыли и лодыжки. В общем, единственное, что он мог теперь сделать, — опрокинуться вместе со стулом на пол.

Мистер Биг нажал на кнопку селектора.

— Пришлите сюда мисс Солитер.

Прошло буквально несколько секунд, и справа от стола резко отодвинулся один из стеллажей.

В комнату медленно вошла, закрыв за собой дверь, красавица, какие Бонду на

его веку мало встречались. Она остановилась и вперила взгляд в Бонда, словно медленно проглатывая его дюйм за дюймом. Закончив исследование, она повернулась к мистеру Бигу.

— Да?

Тот даже не пошевелился.

— Это потрясающая, неповторимая женщина, мистер Бонд, — сказал он тем же тихим, мягким голосом, — и именно поэтому я собираюсь жениться на ней. Я разыскал ее на Гаити, где она и родилась, в кабаре. Она давала сеанс телепатии, который я никак не мог понять. Я смотрел и смотрел и все не мог понять. А там и нечего было понимать. Это телепатия.

Мистер Биг помолчал.

— Говорю об этом, чтобы предупредить вас. Она — мой инквизитор. Пытка — дело грязное и ненадежное. Можно научиться ослаблять боль. А вот когда у тебя есть такая девушка, грубая работа не нужна. Она всегда знает, когда говорят правду, когда лгут. Поэтому она и станет моей женой. Цена ей слишком высока, чтобы оставлять ее на свободе. И к тому же, — мягко закончил он, — любопытно будет посмотреть на наших детей.

Мистер Биг обернулся и бесстрастно посмотрел на девушку.

— Сейчас к ней нелегко подступиться. Она не хочет иметь ничего общего с мужчинами. Поэтому на Гаити ее и прозвали Солитером.

— Возьми стул, — спокойно обратился он к ней. — Скажи, лжет он или говорит правду. Смотри, не подставься под пулю, — добавил он.

Ничего не ответив, девушка подошла к стене, взяла стул, в точности такой же, на каком сидел Бонд, пододвинула его вплотную к нему и уселась, почти касаясь его правого колена. Потом посмотрела ему прямо в глаза.

Лицо ее было бледно, с оттенком, который бывает у белых, долго проживших в тропиках. Но не было и следа той изможденности, какую обычно оставляют тропики. Глаза синеватые, живые, взгляд несколько презрительный, но, когда она посмотрела на него иронически, он сразу же ощутил некий призыв, обращенный лично к нему. Впрочем, выражение это сразу исчезло, как только Бонд показал, что призыв принят. Иссиня-черные волосы тяжело ниспадали на плечи. Скулы высокие и широкий, чувственный рот, в изгибе которого ощущалась какая-то жестокость. Овал лица тонкий и четко очерченный. Челюсть выдает решимость и железную волю. Прямая, удлиненная форма носа подтверждала эти качества. До какой-то степени именно им она и была обязана своей красотой. Это было лицо человека, рожденного повелевать. Лицо дочери француза-колониста и рабовладельца.

Девушка была в вечернем платье из тяжелого белого шелка, классические линии наряда нарушались глубоким вырезом. В ушах — бриллиантовые серьги, а на левом запястье тонкий бриллиантовый браслет. Колец не было. Ногти коротко подстрижены, никакого лака.

Она почувствовала, что Бонд на нее смотрит, и небрежно сложила руки на коленях, так чтобы впадина между грудей, видневшаяся в вырезе, стала еще глубже.

В молчаливом призыве ошибиться было нельзя, и отзыв тоже, наверное, отразился на холодном, бесстрастном с виду лице Бонда, потому что Биг Мэн поднял со стола маленький хлыст с ручкой из слоновой кости и, взмахнув со свистом, резко опустил его девушке на плечи.

Бонд вздрогнул даже сильнее, чем она. Ее глаза на мгновение вспыхнули, затем потухли.

— Сядь как следует, — мягко сказал Биг Мэн. — Ты забываешься.

Она выпрямилась, взяла в руки колоду карт и принялась тасовать их. Затем, может, из куража, послала ему еще один сигнал — сообщничества, а может, больше, чем сообщничества.

Она вытащила валета червей. Потом даму пик. Положила две половины колоды на колени так, чтобы картинки смотрели друг на друга. Свела их вместе, заставив валета поцеловаться с дамой. Затем перемешала карты и снова начала их тасовать.

В ходе этого молчаливого представления, которое вскоре закончилось, она ни разу не посмотрела на Бонда. Но Бонд почувствовал возбуждение, пульс его участился. В стане врагов появился друг.

— Готовы, Солитер? — спросил Бит Мэн.

— Да, карты готовы, — ответила девушка низким, ровным голосом.

— Мистер Бонд, посмотрите этой девушке в глаза и повторите то, что вы мне только сейчас сказали, — что привело вас сюда?

Бонд посмотрел девушке в глаза. Теперь они были совсем пустыми. Да и не глядела она на него. Она глядела сквозь него.

Он повторил свою версию.

Бонд вдруг ужасно занервничал. Неужели девушка действительно ясновидящая? А если так, за него она или против?

На мгновение в комнате нависла могильная тишина. Бонд старался принять равнодушный вид. Он посмотрел на потолок, затем перевел взгляд на девушку.

Глаза ее вернулись в этот мир. Она отвернулась от Бонда и посмотрело на мистера Бига.

— Он сказал правду, — холодно произнесла она.

8. Без чувства юмора

Мистер Биг на секунду задумался, потом, казалось, решился. Он нажал на кнопку селектора.

— Болтун?

— Я, босс.

— У тебя там этот американец, Лейтер?

— Так точно, сэр.

— Дай ему как следует. Потом отвези к больнице Бельвью и выбрось где-нибудь поблизости. Ясно?

— Да, сэр.

— Только не попадайся, смотри, на глаза полиции.

— Конечно сэр.

Мистер Биг выключил селектор.

— Ах ты, гнусный подонок, — яростно крикнул Бонд. — ЦРУ этого так не оставит.

— Спокойно, мистер Бонд. В этой стране они никто. Американская секретная служба всеильна только за границей, в самой стране у нее нет никакой власти. А ФБР с ними не дружит. Ти-Хи, ну-ка, подойди сюда.

— Слушаюсь, босс. — Ти-Хи подошел к столу. Мистер Биг посмотрел на Бонда.

— Какой из пальцев вам нужен меньше всего, мистер Бонд?

Бонд поразился вопросу, мозг его лихорадочно заработал.

— Подумав, вы, наверное, скажете, что это мизинец на левой руке, — мягко заметил мистер Биг. — Ти-Хи, сломай мизинец на левой руке мистера Бонда.

Тут стало понятно, откуда такое прозвище.

— Хи-хи, — закудахтал негр. — Хи-хи.

Развинченной походкой он приблизился к Бонду, а тот изо всех сил вцепился в ручку кресла. Пот выступил на лице Бонда. Он попытался представить себе, что его ожидает, так, чтобы выдержать боль.

Негр медленно отогнул мизинец на левой руке Бонда, которая крепко была привязана к креслу.

Он зажал его между указательным и большим пальцами и начал медленно отводить назад, тупо хихикая.

Бонд рванулся, пытаясь раскачать кресло, но Ти-Хи, действуя другой рукой, крепко прижал его к полу. Пот лил с Бонда градом. Он непроизвольно скрипнул зубами, ощущая все усиливающуюся боль, но вдруг заметил, что девушка пристально глядит на него. Губы ее слегка приоткрылись.

Палец встал под прямым углом к руке, затем начал медленно клониться назад к запястью. И вот его уже ничто не удерживало. Раздался громкий треск.

— Довольно, — сказал мистер Биг. Ти-Хи неохотно отпустил покалеченный палец. Бонд издал хриплый стон и потерял сознание. Девушка бессильно откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

— У этого парня нет чувства юмора, — прокомментировал Ти-Хи.

— У него был пистолет? — спросил мистер Биг.

— Так точно, сэр. — Ти-Хи вынул из кармана бондовскую «беретту» и подтолкнул ее к мистеру Бигу. Тот поднял оружие и осмотрел его с видом знатока. Он прикинул его на вес, плотно обхватил рукоятку. Затем вытащил патроны из магазина, убедился, что патронник пуст, и подтолкнул пистолет к Бонду.

— Приведи его в чувство, — распорядился он, взглянув на часы. Было три утра.

Ти-Хи зашел Бонду за спину и вонзил ему ногти в мочки ушей.

Бонд застонал и поднял голову.

Взгляд его упал на мистера Бига, и Бонд разразился потоком ругательств. — Скажите спасибо, что живы, — бесстрастно произнес мистер Биг. — Любая боль лучше смерти. Вот ваш пистолет. Я вынул патроны. Ти-Хи, верни ему оружие.

Ти-Хи взял пистолет со стола и засунул его Бонду в кобуру.

— Кратко объясню вам, — продолжал мистер Биг, — почему вы остались в живых, почему вы отделались сломанным пальцем, а не пополнили собой кучу отбросов, которые выносит на поверхность Гарлем-ривер.

Он немного помолчал, затем вновь заговорил:

— Мистер Бонд, я умираю со скуки. Я стал жертвой того, что первые христиане называли «accidie» — смертельной летаргией, и в которую погружаются те, у кого есть все и не осталось никаких желаний. Я достиг совершенства в своем деле, мне доверяют те, кто время от времени обращается ко мне за помощью; боятся и мгновенно повинуются те, кто состоит у меня на службе. В пределах тех орбит, по которым я вращаюсь, совершенно не осталось миров, не похороненных мною. А орбиты мне, увы, менять слишком поздно, и поскольку власть есть венец всех усилий, маловероятно, что в иных сферах мне удастся достичь большего, чем здесь и сейчас.

Бонд слушал вполуха, думая совсем о другом. Он ощущал присутствие Солитер, но в ее сторону не смотрел, не отрывая взгляда от крупного землистого лица и немигающих желтых глаз.

Голос вновь зазвучал.

— Мистер Бонд, теперь я нахожу удовольствие только в красоте и изощренности своих операций. Безошибочность, высочайший класс стали для меня прямо-таки манией. Буквально каждый день я поднимаю планку мастерства, технического совершенства, так чтобы каждое из моих дел стало произведением искусства и несло на себе печать автора, как несут его, например, творения Бенвенуто Челлини. Пока с меня хватает того, что я сам способен оценить собственные деяния, но я абсолютно убежден, мистер Бонд, что в конце концов мои достижения войдут в историю.

Мистер Биг помолчал. Бонд заметил, что большие желтые глаза стали еще больше, словно обладателю их явилось какое-то видение. «Да это же безумец, страдающий манией величия, — подумал Бонд. — И тем он опаснее. Обычный преступник, как правило, ведом жадной наживы. Но люди одержимые — это совсем

другое дело. Этот человек — не гангстер. Он — воплощенный ужас». Бонд был поражен и даже испытывал нечто похожее на трепет.

— Я сохраняю инкогнито по двум причинам, — негромко продолжал мистер Биг. — Во-первых, потому что этого требует характер моей деятельности, а во-вторых, потому что мне нравится самоотреченность художника-анонима. Да простится мне тщеславие, но порой я сравниваю себя с теми великими египетскими художниками, кто посвятил жизнь росписи королевских усыпальниц, зная при этом, что для современников они навсегда останутся неизвестными.

Большие глаза на секунду закрылись.

— Вернемся, однако, к нашему делу. Причина, по которой я оставил вас в живых, мистер Бонд, заключается в том, что дыра в вашем животе не доставила бы мне никакого эстетического удовольствия. С помощью этого приспособления, — он кивнул на ящик прямо напротив Бонда, — я проделал множество дыр во множестве животов, так что эта игрушка уже сослужила мне свою службу. К тому же, как вы наверняка предположили и предположили правильно, мне вовсе не хотелось бы иметь дело с разными чиновниками, которые нахлынут сюда, обеспокоенные исчезновением вас и вашего друга мистера Лейтера. Конечно, это всего лишь небольшое неудобство, но по ряду соображений мне хотелось бы и его избежать, ибо я занят сейчас другими делами. Вот я и решил, — мистер Биг взглянул на часы, — оставить отметину и самым серьезным образом предупредить вас. Вам следует сегодня же покинуть эту страну, а мистер Лейтер пусть займется чем-нибудь другим. У меня хватает дел, чтобы думать еще и об агентах из Европы, спешащих на помощь местным деятелям, которые никак не хотят оставить меня в покое. Это все, — закончил он. — Если мы еще раз встретимся, я уж позабочусь, чтобы отправить вас на тот свет каким-нибудь необычным образом. Ти-Хи, отведи мистера Бонда в гараж. Пусть двое ребят отвезут его в Сентрал-парк и бросят в озеро. Если будет сопротивляться, пусть помнут его как следует, но не убивают. Ясно?

— Так точно, сэр, — хихикнул Ти-Хи.

Он освободил Бонду лодыжки, потом кисти рук. Покалеченную руку завел за спину, отстегнул ремень, которым Бонд был привязан к спинке стула. Рывком поднял его на ноги.

— Вставай, — сказал Ти-хи. Бонд бросил последний взгляд на большое землистое лицо.

— Те, кто заслуживает смерти, — тут он сделал паузу, — умирают той смертью, которую они заслужили. Запишите. Это свежая мысль. — Потом он посмотрел на Солитер. Глаза ее были опущены.

— Пошли, — сказал Ти-Хи. Он повернул Бонда лицом к стене и толкнул его. При этом он почти до предела вывернул ему руку. Бонд очень натурально застонал и споткнулся. Он хотел, чтобы Ти-Хи поверил в его совершенную покорность. Надо было, чтобы страшная хватка на его левой руке хоть чуточку ослабла. А любой внезапный рывок привел бы только к перелому.

Ти-Хи потянулся куда-то вверх плеча Бонда и нажал на переплет книги посередине полки. Стеллаж раздвинулся и плавно повернулся. Бонда протолкнули вперед, и Ти-Хи резко пнул ногой тяжелый шкаф. Издав двойной щелчок, шкаф стал на место. По толщине двери Бонд понял, что она звуконепроницаема. Они оказались в начале короткого, покрытого дорожкой коридора, кончавшегося ведущими вниз ступенями.

— Эй, ты ломаешь мне руку, — застонал Бонд. — Потихе, черт возьми, мне сейчас станет плохо.

Он снова споткнулся, пытаясь точно определить расстояние между собой и негром. Он помнил предупреждение Лейтера: «Голень, мошонка, живот, горло. Попадешь в другое место — и тебе просто сломают руку».

— Заткни пасть, — проговорил негр, но все же немного отпустил Бонду руку.

А больше и не надо было.

Они прошли почти половину коридора. Бонд еще раз споткнулся, так что негр почти упал на него. Теперь он все мог точно рассчитать.

Он слегка согнулся, и рука, прямая и твердая, как доска, дернулась вперед-назад. Он понял, что попал точно в цель. Негр пронзительно завизжал, как раненый кролик. Бонд почувствовал, что левая рука у него освободилась. Он круто развернулся, выхватил разряженный пистолет. Негр стоял, вполтину согнувшись, держась руками за живот и издавая короткие стоны. Бонд с силой ударил его по волосатому затылку. Раздалось протяжное «клонг», словно удар пришелся в дверь, и негр с протяжным криком упал на колени, вытянув руки вперед. Бонд зашел ему за спину и изо всех сил ударил башмаком со стальным носом.

Негр издал последний короткий вскрик и заскользил по полу в сторону ступенек. Голова ударилась о железные перила, и сложенное вдвое тело перевалилось через них и рухнуло куда-то вниз. Послышался короткий удар — тело ударилось о какой-то выступ, затем тишина, тупой удар о землю и снова тишина.

Бонд вытер пот и постоял, прислушиваясь. Левую, покалеченную руку он заложил в карман пиджака. Она пульсировала от боли и страшно распухла. Зажав пистолет в правой руке, он ступил на площадку и начал медленно, на цыпочках, спускаться.

От распростертого внизу тела его отделял только один этаж. Спустившись на следующую площадку, Бонд снова остановился и снова прислушался. Откуда-то совсем рядом доносились протяжные звуки — включен был передатчик.

Он убедился, что передатчик работает за одной из двух дверей, выходивших на площадку. Должно быть, там находился центр связи мистера Бита. Бонда охватил азарт охотника. Но пистолет его был не заряжен, и он представления не имел, сколько там может оказаться народу. Может, только наушники помешали операторам услышать шум падения тела Ти-Хи. Бонд медленно пошел вниз.

Ти-Хи был мертв или умирал. Он лежал на спине, раскинув руки. Яркий галстук упал ему на лицо, напоминая раздавленного ужа. Никаких угрызений совести Бонд не чувствовал. Он быстро обыскал убитого, надеясь найти пистолет, и действительно обнаружил его в заднем кармане брюк, сильно пропитавшихся кровью. Это был «кольт» 38-го калибра, со специально обрезанным стволом. Магазин был полон. Бонд засунул ненужную «беретту» в кобуру, а новый пистолет любовно погладил и мрачно улыбнулся.

Перед ним была маленькая дверь, запертая изнутри. Бонд приложил к ней ухо. Донесся приглушенный звук двигателя. Это, должно быть, гараж. Но откуда в столь ранний час работающий двигатель? Бонд цокнул языком. Ну, конечно. Мистер Бит по селектору предупредил, что тут сейчас будут Ти-Хи с Бондом. Так что те, кто внутри, наверное, ожидают, что дверь вот-вот откроется.

Бонд на секунду задумался. На его стороне — преимущество внезапности. Только бы задвижка на двери была хорошо смазана.

Левой рукой он почти не мог действовать. Держа «кольт» в правой, он все же попробовал откинуть первую задвижку больной рукой. Она легко подалась. Вторая тоже. Осталась только ручка. Он нажал на нее и осторожно открыл дверь.

Дверь была толстая, и когда она открылась, шум мотора показался оглушительным. Должно быть, машина прямо у ворот гаража. Так, больше медлить нельзя — любое движение теперь может выдать его. Он распахнул дверь рывком и стал боком, как фехтовальщик, чтобы оставить нападающим как можно меньше шансов. Курок был взведен.

В нескольких метрах стоял черный седан с работающим двигателем. Перед ним были открытые двойные ворота гаража. Яркий свет освещал блестящие бока других

машин. За рулем седана сидел здоровенный негр, к задней дверце прислонился другой. Больше никого не было видно.

При виде Бонда у обоих от изумления челюсти отвалились. У водителя выпала из губ сигарета. Оба потянулись к пистолетам.

Инстинктивно Бонд первым выстрелил в стоящего, словно зная, что тот достанет оружие раньше. В гараже выстрел прозвучал гулко. Негр обеими руками схватился за живот, шагнул на заплетающихся ногах к Бонду и рухнул лицом вниз. Пистолет со стуком упал на бетонный пол.

Водитель вскрикнул, увидев направленный на себя пистолет Бонда. Свой он никак не мог достать — руль мешал.

Бонд выстрелил прямо в распыленный в крике рот, и шофер отвалился в сторону, ударившись головой о боковое стекло.

Бонд обежал машину и открыл дверь. Негр мешком вывалился наружу. Бонд швырнул пистолет на водительское сиденье и оттащил тело в сторону, стараясь не запачкаться в крови. Затем вскочил в машину, благодаря Бога за то, что двигатель включен, захлопнул дверь, положил больную руку на руль и потянул ручку переключателя скоростей.

Но машина стояла на ручном тормозе, и ему пришлось нырнуть под руль, чтобы отпустить его.

Это было опасное промедление. Когда тяжелый автомобиль уже протискивался через ворота, раздался звук выстрела, и пуля ударила в борт машины. Бонд рванул руль правой рукой, и вторая пуля пролетела немного выше. На противоположной стороне улицы разлетелось стекло.

Вспышки возникали где-то внизу, на уровне пола, и Бонд подумал, что первый из двух негров каким-то образом дотянулся до пистолета.

Выстрелы прекратились. Из слепых окон зданий, оставшихся позади, не доносилось ни звука. Переключая скорости, он глянул в зеркальце заднего вида: на темной, пустынной улице не было видно ничего, кроме тонкой полоски света, тянувшейся из гаража.

Где он, в каком направлении едет, Бонду было совершенно неизвестно. Это была широкая, безымянная улица, и Бонд просто двигался вперед. Тут он внезапно обнаружил, что едет по левой стороне, и быстро занял нужную полосу. Рука страшно болела, но все-таки большим и указательным пальцами он мог удерживать руль. Не забыть бы очистить дверь и стекло слева от крови. Единственным, что двигалось на этой бесконечной улице, были тонкие струйки дыма из-под крышек люков, ведущих к тепловым коммуникациям города. Они струились по изуродованному верху машины, и в зеркальце было видно, как в исчезающей дали, извиваясь, призрачно меняя форму, белый пар вновь устремляется вверх.

Бонд удерживал большую машину на скорости пятьдесят миль. Показались светофоры, Бонд проехал на красный. Еще несколько темных кварталов, и вот освещенная улица. Тут уже было какое-то движение, и Бонд остановился, ожидая, пока светофор переключится на зеленый. Он свернул налево, и был вознагражден «зеленой улицей». С каждым кварталом он все больше удалялся от врага. У перекрестка он сбавил скорость и посмотрел на указатель. Угол Парк-авеню и 116-й. На следующем перекрестке он снова сбросит скорость, 115-я. Значит, он едет к центру, удаляясь от Гарлема. Продолжив путь. Бонд свернул на 60-ю. Улица была совершенно пустынна. Он выключил двигатель и поставил машину напротив пожарного крана. Взял с сиденья пистолет, засунул его за пояс брюк и вернулся на Парк-авеню.

Немного спустя Бонд остановил лениво двигавшееся такси, а еще через несколько минут уже входил в дверь отеля «Сент-Реджис».

— Вам записка, мистер Бонд, — сказал ночной портье. Стараясь не

поворачиваться к нему левым боком, Бонд открыл конверт правой рукой. Записка была от Феликса Лейтера, оставлена в четыре утра. «Как придешь, сразу позвони».

Бонд прошел к лифту, поднялся на свой этаж, вошел в 2000-й номер и сел на кресло в гостиной.

Итак, оба живы. Бонд потянулся к телефону.

— Слава Богу, — сказал он с чувством великого облегчения. — На сей раз пронесло.

9. Подлинник или подделка?

Бонд потянулся было к телефону, потом передумал, поднялся и пошел к бару. Он набрал полную пригоршню льда, бросил в бокал, налил до половины виски и принялся методично размешивать, чтобы как следует охладилось. Потом одним длинным глотком едва ли не целиком опорожнил бокал, поставил его на столик и снял пиджак. Левая рука настолько распухла, что он едва стянул рукав. Мизинец был все еще вывернут и уже начал чернеть. Задев им за подкладку, Бонд едва не вскрикнул от боли. Потом, сняв галстук, он расстегнул рубашку, снова поднял бокал, сделал еще один большой глоток и вернулся к телефону.

Лейтер сразу снял трубку.

— Слава Богу, — искренне воскликнул он. — Каковы потери?

— Сломанный палец, — ответил Бонд. — А у тебя?

— Избили, сволочи. Нокаут. Но ничего серьезного. Начали они со всяких штучек. Привязали к воздушному насосу в гараже. Принялись обрабатывать уши, потом взялись за другие части. Никаких новых указаний от Биг Мэна не поступило, им стало скучно, и я пустился в рассуждения о тонкостях джаза с Болтуном, тем самым парнем с шестизарядной игрушкой. Мы добрались до Дюка Эллингтона и сошлись на том, что ударники в качестве солистов оркестра лучше трубачей. Согласились и в том, что рояль или барабан, как никакие другие инструменты, способствуют сыгранности. Вспомнить хоть Киселя Бортона. К слову, я рассказал Болтуну смешную байку о Дюке, он хохотал до упаду. Таким образом, мы стали друзьями. Другой, по прозвищу Фланелька, что-то поскущел, и Болтун сказал, что он может идти, мол, без него обойдется. Тут позвонил Биг Мэн.

— Это я слышал, — сказал Бонд. — Не слишком-то весело звучало.

— Болтун страшно разволновался. Он забежал по гаражу, сам с собой о чем-то беседуя. Затем заработал палкой, и я вырубился. Очнулся только у входа в больницу Бельвью. Было около половины четвертого. Болтун очень извинялся, говорил, что это самое большее, что он может для меня сделать. Я поверил ему. Он просил не выдавать его. Он доложит шефу, что выбросил меня полумертвым. Конечно, я пообещал ему не разглашать наиболее пикантных подробностей. Мы расстались в наилучших отношениях. В отделении скорой помощи меня немного подлатали, и я отправился домой. Я страшно беспокоился за тебя, но тут принялся трезвонить телефон. Звонки были из полиции и ФБР. Похоже, позвонил Биг Мэн и пожаловался, что какой-то англичашка сошел с ума и застрелил трех его служащих — двух шоферов и официанта, — украл машину и скрылся, оставив в гардеробе плащ и шляпу. Биг Мэн требовал принять срочные меры. Конечно, ребятам из полиции и ФБР я все объяснил, но они злы, как черти, и нам лучше как можно скорее убраться из города. В утренние газеты эта история не успеет, но дневные, а также радио и телевидение порезвятся. Не говоря уже о том, что мистер Биг спустит на тебя свору псов. Кое-что я придумал, но сначала расскажи, как ты. Черт, как я рад слышать твой голос.

Бонд, не упустив ни единой мелочи, рассказал, что произошло. Выслушав, Лейтер только присвистнул.

— Ну, парень, — сказал он восхищенно, — ты и впрямь сделал пробоину в корабле мистера Бига. Но тебе повезло! Эта дамочка Солитер — вот кто тебя на самом деле выручил. Может, мы могли бы ее привлечь?

— Пожалуй, но ведь надо еще найти ее, — откликнулся Бонд. — Похоже, он не отпускает девушку ни на шаг.

— Ладно, после подумаем, — сказал Лейтер. — А сейчас надо двигаться. Я перезвоню тебе через пару минут. Прежде всего надо послать к тебе полицейского хирурга. Не уходи никуда минут пятнадцать. Потом я потолкую с комиссаром, надо обговорить всякие полицейские проблемы. Они, пожалуй, могли бы немного ублажить журналистов тем, что нашли машину. А ФБР пусть позаботится, чтобы парни с радио и телевидения не узнали твоего имени и прекратили всю эту болтовню насчет англичашки. Иначе придется вытаскивать из постели британского посла и вообще Бог знает что может случиться. — Лейтер усмехнулся. — Да, позвонил бы ты своему шефу в Лондон. У них там сейчас половина одиннадцатого. Тебе может понадобиться прикрытие. ЦРУ я возьму на себя, но ребята из ФБР никому проходу не дадут нынче утром. Да, тебе может понадобиться другая одежда. Об этом я позабочусь. Только не засыпай. У нас будет полно времени отоспаться в могиле. Ладно, пока, скоро перезвоню.

Он повесил трубку. Бонд улыбнулся. Бодрый голос Лейтера и его готовность сделать все, что нужно, разом стерли и усталость, и все мрачные воспоминания.

Он поднял трубку и заказал международный разговор. Обещали соединить через десять минут.

Бонд прошел в ванную и кое-как разделся. Сначала пустил очень горячую воду, потом — ледяную. Побрился и с трудом натянул свежую сорочку и брюки. Вставил в «беретту» новый магазин, а «кольт» завернул в старую рубашку и положил в чемодан. Он уже заканчивал упаковываться, когда зазвонил телефон.

В трубке слышны были шорохи, к треск, скороговорка операторов, морзянка радиосвязи самолетов и пароходов. Впрочем, все тут же оборвалось. Он легко представил себе большое серое здание на Риджент-парк, огромный пульт, чайные чашки и девушку, откликнувшуюся на звонок: «Слушаю. Универсал экспорт» — адрес, который дал Бонд телефонистке и которым агенты пользовались в экстренных случаях, звоня из-за границы. Она переключит линию на главного оператора, а тот соединит с кем надо.

— Абонент на линии, — раздался голос с международной связи. — Говорите. Лондон, ответьте Нью-Йорку.

На той стороне откликнулись: «Универсал экспорт. Кто говорит?» — Прошу соединить с генеральным директором, — сказал Бонд. — Это его племянник Джеймс из Нью-Йорка.

— Одну минуту. — Бонд представил, как мисс Мани-пенни берет трубку и нажимает на кнопку селектора: «Нью-Йорк, сэр. Кажется, 007».

* * *

— Соедините, — распорядится М.

— Да? — раздался теперь в трубке строгий голос, который Бонд так любил и которому привык подчиняться.

— Это Джеймс, сэр, — сказал Бонд, — мне может понадобиться некоторая помощь с реализацией последней партии товаров.

— Слушаю тебя, — сказал голос.

— Вчера вечером я виделся с нашим главным покупателем, — продолжал Бонд. — Пока я там был, трое его лучших помощников заболели.

— Серьезно заболели?

— Очень серьезно, сэр. Тут эпидемия гриппа.
— Надеюсь, вы ее не подхватили?
— Немного простудился, сэр, но это не в счет. Я напишу. Беда в том, что из-за этой эпидемии федерация считает, что мне лучше уехать из города. — Бонд усмехнулся про себя, представив ухмылку М. — Так что я сейчас уезжаю. Со мной Фелиция.

— Кто? — спросил М.

— Фелиция, — Бонд повторил по буквам. — Моя новая секретарша из Вашингтона.

— А, да-да.

— Может, я съезжу на ту фабрику в Сан-Педро, о которой вы говорили.

— Хорошая мысль.

— Но у федерации могут быть другие предложения, потому и прошу о поддержке.

— Ясно. — сказал М. — Как идут дела?

— Да как будто неплохо. Хотя и медленно. Фелиция сегодня же перепечатает мой полный отчет.

— Хорошо, — сказал М. — Что-нибудь еще?

— Нет, сэр, это все. Благодарю за поддержку.

— Не за что. Не хворай. Всего хорошего.

— Всего хорошего, сэр.

Бонд повесил трубку и ухмыльнулся.

М., наверное, уже звонит начальнику штаба. «У 007 там проблемы с ФБР. Отправился, черт бы его побрал, вчера вечером в Гарлем и прикончил трех людей мистера Бига. Вроде бы и ему досталось, но ничего серьезного. Вынужден уехать из города вместе с Лейтером из ЦРУ. Направляется в Сент-Питерсбург. Надо бы предупредить А и К. Вашингтон, надо полагать, в ближайшее время заявит протест. Пусть А передаст, что я весьма сожалею, но в то же время 007 пользуется моим полным доверием, и я убежден, что он действовал, защищаясь. Больше не повторится, и так далее. Ясно?» Бонд снова ухмыльнулся, представив себе, в какое раздражение придет Дэмон: у него и так полно неулаженных проблем с Вашингтоном, а тут еще эту лапшу на уши вешать придется.

Зазвонил телефон. Снова Лейтер.

— Слушай, — начал он. — Все вроде улаживается. Похоже, ты укокошил весьма гнусную троицу — Ти-Хи Джонсона, Сэма Майями и еще одного парня, зовут его Мактинг. Все были в розыске. ФБР постарается тебя прикрыть. Не особенно охотно, конечно, да и полиция готова с цепи сорваться. Какой-то чин из ФБР уже звонил моему шефу, чтобы ты убирался домой — пусть хоть с постели, говорит, поднимут. Но это мы поломали. Однако же из города надо живо сматываться. Все готово. Вместе нам нельзя, так что ты поезжай поездом, а я полечу. Записывай.

Бонд прижал трубку к плечу и потянулся за карандашом и бумагой.

— Диктуй, — сказал он.

— Пенсильвания-стейшн, 14-й путь, десять тридцать утра, сегодня. «Серебряный фантом». Прямой поезд на Сент-Питерсбург с остановками в Вашингтоне, Джексонвилле и Тампе. У тебя будет отдельное купе. Все удобства. Вагон 2—45. Купе X. Билет у кондуктора, на имя Брайса. Выход номер 14. Пойдешь прямо к поезду и запрешься у себя в купе. И не открывай, пока поезд не тронется. Я вылетаю через час, так что теперь тебе придется действовать в одиночку. Если что-нибудь не так, звони Декстеру, но будь готов к тому, что он тебе голову оторвет. Поезд прибывает на место завтра, около полудня. Бери такси и езжай на Эвергледз-Кабана. Это на острове Сокровищ, там все прибрежные гостиницы. Надо ехать через дамбу. Да таксист знает. Я буду ждать тебя. Все ясно? И ради всего

святого, будь поосторожнее. Биг Мэн, если застукает тебя, своего шанса не упустит, а полицейское прикрытие тебя только выдаст. Возьми такси и никому не показывайся на глаза. Я посылаю тебе шляпу и плащ для маскировки. Чек оплачен. Это все. Вопросы?

— Да вроде нет, все в порядке, — сказал Бонд. — Я разговаривал с М. Вашингтон он возьмет на себя, если там будут слишком нажимать. Ты тоже будь поосторожнее, у них в списке ты под номером два, сразу после меня. До завтра. Пока.

— Буду, буду, — ответил Лейтер. — Пока.

Было половина седьмого. Бонд отдернул шторы и выглянул наружу. Над городом занимался рассвет. Внизу все еще было темно, как в пещере, но кончики огромных бетонных сталагмитов уже порозовели, и солнце освещало окна этаж за этажом, словно целый легион уборщиков трудился над фасадом здания.

Появился хирург из полиции, помучил с четверть часа и удалился.

— Вывих, — сказал он. — Дня через три или четыре все будет в порядке. Как это вы умудрились?

— Дверью прищемил, — ответил Бонд.

— Надо держаться подальше от дверей, — наставительно сказал хирург. — Опасная штука. Их следует запретить по закону. Вам еще повезло, что не шею прищемили в этот раз.

Проводив хирурга, Бонд продолжал упаковывать вещи. Он соображал, когда лучше заказать завтрак. В этот момент зазвонил телефон.

Бонд ожидал услышать грубый голос полицейского или фэбээровца, но нет, голос был женский, глубокий и настойчивый. Спрашивали мистера Бонда.

— Кто говорит? — откликнулся Бонд, стараясь выиграть время. Ответ ему был известен заранее.

— Я знаю, что это вы, — сказал голос, и Бонд понял, что трубку прижали прямо ко рту. — Это Солитер. — Тут голос упал до едва слышного шепота.

Бонд помедлил, напрягая все свое воображение, чтобы представить, что происходит на другом конце провода. Она одна? Неужели настолько глупа, чтобы звонить с домашнего телефона, где к параллельным аппаратам уже прильнули с холодной, зловещей усмешкой другие слушатели? Или в комнате мистера Бита? Смотрит на нее пристально, а у нее под рукой карандаш и блокнотик, куда она под диктовку записывает очередной вопрос.

— Слушайте, — сказал голос. — Мне надо торопиться. Вы должны мне верить. Я звоню из аптеки, но мне надо возвращаться домой. Пожалуйста, верьте мне.

Бонд вынул платок, обернул им трубку и заговорил:

— Если я увижу мистера Бонда, что передать ему?

— Черт бы вас побрал, — воскликнула девушка, и в голосе ее прозвучало истинное отчаяние. — Матерью клянусь, клянусь моими неродившимися пока детьми. Мне надо исчезнуть. Вам тоже. Вы должны взять меня с собой. Я могу помочь. Я знаю кучу его секретов. Но нельзя медлить. Я жизнью рискую, разговаривая с вами. — Послышалось приглушенное рыдание. — Поверьте же мне, ради всего святого. Вы должны мне верить! Должны!

Бонд все еще не раскрывал рта, мысли его метались.

— Слушайте, — заговорила она опять, на сей раз медленно и едва ли не безнадежно. — Если вы не возьмете меня с собой, я покончу самоубийством. Ну что? Хотите, чтобы я убила себя?

Если это был театр, то хороший. Конечно, это безумный риск, но Бонд решился. Он заговорил тихо, но прямо в трубку.

— Если ты водишь меня за нос. Солитер, я тебя и на том свете достану и снова убью, чего бы то мне ни стоило. Есть карандаш и бумага?

— Минуту, — живо откликнулась девушка. — Вот, есть. «Если это ловушка, —

подумал Бонд, — все должно было бы быть давно приготовлено».

— Пенсильвания-стейшн, ровно в двадцать минут одиннадцатого. «Серебряный фантом» до... — он запнулся, — Вашингтона. Вагон 2—45, купе X. Скажи проводнику, что ты миссис Брайс. Билет у него — это на тот случай, если меня еще не будет. Иди прямо в купе и жди меня. Ясно?

— Да, — ответила девушка, — и спасибо большое.

— Смотри, чтобы тебя никто не заметил, — добавил Бонд. — Накинь шаль или что-нибудь в этом роде.

— Конечно, — сказала девушка. — Я обещаю. Правда, обещаю. А сейчас мне надо бежать. — Разговор прервался.

Бонд посмотрел на замолкшую трубку и медленно опустил ее.

— Ну что же, — сказал он, — дело сделано.

Он встал и потянулся. Подошел к окну, выглянул наружу. Ничего не было видно. Мысль его напряженно работала. Он пожал плечами и вернулся к телефону. Посмотрел на часы — семь тридцать.

— Доброе утро, бюро обслуживания, — сказал ясный девичий голос в трубке.

— Завтрак, пожалуйста. Два стакана апельсинового сока. Кукурузные хлопья со сметаной. Яичница с беконом, двойной эспрессо. Тосты и джем.

— Хорошо, сэр, — сказала девушка и повторила заказ. — Сию минуту.

— Спасибо.

— Не за что.

Бонд улыбнулся.

«Приговоренный закатывает шикарный завтрак», — подумал он. Он присел у окна и посмотрел на ясное небо, словно в будущее.

Там, в Гарлеме, сидя перед огромным пультом, Шептун снова включил городскую связь, передавая наблюдателям приметы Бонда: «Все железные дороги и аэропорты. Угол Пятой авеню и Пятьдесят пятой, отель „Сент-Реджис“. Мистер Биг говорит, что надо попытаться счастья на шоссе. Но все железные дороги и аэропорты...»

10. «Серебряный фантом»

Натянув до самых ушей воротник нового плаща, Бонд незамеченным выскользнул из дверей гостиничного магазина, у которого был свой выход на Пятьдесят пятую улицу.

Он постоял на пороге и буквально прыгнул в проезжающее такси, одной, покалеченной, рукой, рванув дверцу, а другой швырнув на переднее сиденье небольшой чемодан. Таксист едва успел притормозить. Негр с ящиком для пожертвований в пользу цветных ветеранов корейской войны и его приятель, копавшийся в моторе припаркованного поблизости автомобиля, оставались на вахте, пока их не сняли, дав два коротких и один длинный сигнал с проезжающего мимо автомобиля.

Но как только Бонд вышел из такси у Пенсильваниястейшн, его сразу заметили. Болтавшийся поблизости негр с плетеной корзинкой в руках быстро подошел к телефонной будке. Было десять пятнадцать.

До отхода поезда оставалось только четверть часа, и все же один из официантов в вагоне-ресторане успел сказать больным, и его заменил другой служащий, уже получивший по телефону детальные инструкции. Шеф-повар поднял было шум, но новый официант шепнул ему что-то, и, сверкнув белками, тот умолк, незаметно потрогав талисман на шее.

Бонд быстро пересек вестибюль, нашел 14-й выход и двинулся к поезду.

Он стоял, серебряной нитью вытянувшись в длину на добрых четверть мили, в

полутьме, на нижнем уровне полотна. Голая лампа освещала зеленые, желтые и красные линии на удлинённом корпусе локомотива — цвета железнодорожной компании. Состав выглядел шикарно. Машинист и кочегар, которым предстояло провести поезд первые двести миль в южном направлении, беззаботно болтали в начищенной до блеска алюминиевой кабине в двенадцати футах над путями, проверяя попутно показания приборов. В огромной бетонной пещере стояла тишина, и каждый звук отдавался эхом.

Пассажиров было немного. Большинство ехало до Нью-Арка, Филадельфии, Вилмингтона, Балтимора и Вашингтона. Вагон 2—45 был в самом хвосте поезда, так что Бонду пришлось пройти сотню с лишним ярдов. Шаги его отдавались на пустынной платформе. У дверей стоял проводник. На носу у него были очки. Лицо не улыбочное, но приветливое. Под нижним обрезом окон большими золочеными буквами было написано: «Ричмонд, Фредериксберг и Потомак», а еще ниже — «Пенсильвания» — название спального вагона. Откуда-то из-под двери с легким шипением вырвалась струйка пара.

— Купе X, — сказал Бонд.

— Мистер Брайс? Прошу вас, сэр. Миссис Брайс только что пришла. В конце вагона, сэр.

Бонд поднялся по лестнке и повернул в унылый коридор, выдержанный в оливковом цвете. На полу была постелена толстая дорожка. Пахло, как и обычно, застарелым сигарным дымом. Висела табличка: «Вам нужна лишняя подушка? Со всеми вопросами обращайтесь к проводнику. Его имя» — и дальше шла карточка с впечатанным именем — Сэмюэл Д. Болдуин.

Он прошел почти половину вагона. Купе E занимала почтенная американская пара, остальные пустовали. Нужная Бонду дверь была закрыта. Он потянул ручку — заперто.

— Кто там? — послышался нервный женский голос.

— Я, — ответил Бонд.

Дверь открылась. Бонд вошел, положил на полку чемодан и запер дверь.

На Солитер был темный костюм, сшитый на заказ. Густая вуаль падала от самых краев маленькой темной соломенной шляпы. Рукой в перчатке она поддерживала вуаль у самой шеи, и даже сквозь ткань Бонд видел, что лицо ее бледно, а в глазах застыл страх. Выглядела она, пожалуй, как француженка, и была очень красива.

— Слава Богу, — проговорила она.

Бонд быстро осмотрелся. Он открыл дверь в туалет и заглянул туда. Пусто.

Снаружи раздался голос: «Отправляемся!» Послышался стук — это проводник поднял складывающуюся металлическую лестнку и закрыл дверь. Поезд медленно покатился. Монотонно замелькали автосигналы, на стыках колеса слегка вздрагивали, но вскоре поезд начал набирать скорость. Как бы то ни было, путешествие началось.

— Где хотите устроиться? — спросил Бонд.

— Мне все равно, — нервно ответила девушка. — Так что выбирайте сами.

Бонд пожал плечами и сел лицом по ходу поезда.

Села и она, все еще несколько испуганно поглядывая на него. Она не шелохнулась, пока не выехали из длинного туннеля, по которому выходят за город линии пенсильванской железной дороги.

Только после этого сняла шляпу, откинула вуаль и положила рядом с собой на сиденье. Затем вытащила заколки, встряхнула головой, и на грудь ей упала тяжелая волна черных волос. Под глазами залегли густые синие тени, и Бонд подумал, что она тоже, должно быть, провела бессонную ночь.

Между ними был столик. Внезапно она потянулась вперед, взяла и поцеловала руку Бонда. Он нахмурился и попытался вырвать руку, но она крепко сжимала ее

своими ладонями.

Она подняла глаза и признательно взглянула на него.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо, что поверили мне. Я знаю, это было непросто. — Только теперь она выпустила его руку и откинулась назад.

— И правильно сделал, — рассеянно откликнулся Бонд, который все-таки никак не мог понять эту женщину.

Он полез в карман за сигаретами и зажигалкой. Это была запечатанная пачка «Честерфилда», и он здоровой рукой начал срывать с нее целлофановую обертку.

Солитер потянулась и взяла у него пачку, надорвала, подцепив длинным ногтем, вытащила сигарету, прикурила и протянула зажженную сигарету и пачку. Бонд улыбнулся.

— Я выкуриваю три пачки в день, — сказал он. — Так что вам придется потрудиться.

— Я буду помогать вам открывать только новые пачки. И вообще не беспокойтесь, я вовсе не собираюсь надоедать вам всю дорогу до Сент-Питерсбурга.

Глаза у Бонда сузились, улыбка погасла.

— Вы же не думаете, будто я поверила, что мы едем только до Вашингтона, — сказала она. — Не зря же вы запнулись, говоря сегодня по телефону. К тому же и мистер Биг уверен, что вы отправитесь во Флориду. Я слышала, как он давал указания своим людям. Он говорил по междугородному телефону с человеком по прозвищу Грабитель. Велел, чтобы тот наблюдал за аэропортом в Тампе и поездами. Может, нам лучше сойти, не доезжая, в Тарпон-Спрингз или в каком-нибудь другом прибрежном городке. Кто-нибудь видел, как вы садились в поезд?

— Насколько мне известно, нет, — сказал Бонд, вновь успокаиваясь. — А у вас? Были какие-нибудь проблемы?

— По этим дням у меня урок пения. Он пытается сделать из меня эстрадную певицу. Один из его людей отвез меня к учителю, и должен будет вернуться к полудню. Раннее время его не удивило. Я часто завтракаю с учителем, только чтобы не трапезничать с мистером Бигом. Он-то считает, что мы всегда должны есть вместе.

Она посмотрела, который час. Бонд отметил про себя стоимость этих часов из платины, с бриллиантами. — Они хватятся меня примерно через час. Я подождала, пока машина уехала, а потом сразу пошла звонить вам. В центре поймала такси. В аптеке купила зубную щетку и другие туалетные вещи. Помимо этого, у меня только драгоценности да сумасшедшие деньги, которые я всегда от него прячу. Около пяти тысяч долларов. Так что обузой я не буду. — Она махнула в сторону окна. — Вы подарили мне новую жизнь.

Поезд пересекал довольно отталкивающую на вид пустынную равнину между Нью-Йорком и Нью-Арком. Если бы не огромные щиты, на которых рекламировался текущий бродвейский репертуар, не кучи железного лома и не кладбище автомобилей, можно было подумать, что едешь по Транссибирской магистрали в предвоенные годы, а за окном бескрайние просторы России.

— Надеюсь, когда-нибудь смогу предложить вам что-нибудь получше, — сказал Бонд, улыбаясь. — Но не благодарите меня. Теперь мы квиты. Вы ведь прошлой ночью спасли мне жизнь. То есть, — с любопытством посмотрел на нее Бонд, — если вы действительно ясновидящая.

— Действительно, — кивнула она. — Во всяком случае что-то в этом роде. Я часто знаю, что должно произойти, особенно с другими. Конечно, я приукрашиваю рассказ, так что на Гаити я спокойно выступала с такими номерами в кабаре. Они там все помешались на потустороннем и были вполне уверены, что я ведьма. Но, честное слово, впервые увидев вас там, в комнате, я сразу поняла, что вы посланы мне во спасение. Мне многое, — тут она покраснела, — открылось.

— Что именно?

— Ну, трудно сказать, — весело ответила она. — Многое. — Поживем — увидим. Но осложнений будет много, — добавила она серьезно, — трудностей и опасностей. У нас обоих. — Она помолчала. — Так что вы уж постарайтесь, чтобы все кончилось благополучно. Хорошо?

— Постараюсь, — ответил Бонд. — Прежде всего надо немного поспать. Давайте выпьем и закусим, а потом вызовем проводника, чтобы принес постель. Нет-нет, ничего такого, не волнуйтесь, — добавил он, увидев, как Солитер нахмурилась. — Но ведь мы едем вдвоем. В течение суток мы будем делить это спальное купе, так что не стоит слишком привередничать. В конце концов вы — миссис Брайс. — Он ухмыльнулся. — И должны вести себя соответственно. По крайней мере до известной степени.

Она рассмеялась, задумчиво посмотрела на него, ничего не сказала и нажала на кнопку звонка под оконной рамой.

Кондуктор появился одновременно с официантом. Бонд заказал виски, сэндвичи с цыплятами и кофе без кофеина, чтобы покрепче заснуть.

— Еда в стоимость билета не включена, мистер Брайс, — сообщил кондуктор.

— Разумеется, — ответил Бонд. Солитер потянулась к сумочке. — Не беспокойся, дорогая, — сказал Бонд, вытаскивая бумажник. — Ты, верно, забыла, что отдала мне деньги перед тем, как ехать на вокзал?

— Да, госпоже понадобится немало денежек на летние наряды, — заметил кондуктор. — Магазины в Питерсбурге дороговаты. И жарница там страшная. А вы как, бывали раньше во Флориде?

— Мы каждый год туда ездим в это время.

— Ну что ж, приятного путешествия, — сказал кондуктор.

Дверь за ним закрылась, и Солитер весело рассмеялась.

— Да я и не беспокоюсь, — сказала она. — Не знаю, что я буду делать, если вы бросите меня на произвол судьбы. Я для начала пойду туда, — она кивнула на дверь, ведущую в туалет. — Выгляжу, должно быть, ужасно.

— Вовсе нет, — сказал Бонд, но она уже исчезла.

Бонд поглядел в окно — мелькали дома в предместьях Трентона. Он любил поезда и с удовольствием предвкушал долгую дорогу.

Поезд замедлил ход. Параллельно бежали запасные пути, на них стояли грузовые составы с наименованиями всех штатов: «Делавер, Лакванна энд Вестерн», «Чиза-пик энд Охайо», «Зи ВЭЛЛИ», «Сиборд фрут экспресс» и празднично раскрашенный «Атчисон, Топека энд Санта Фе» — названия, воплощающие романтику американских железных дорог. «Бритиш райлуэйз», — подумал Бонд, вздохнул и перевел мысли на нынешнее приключение.

К добру ли, к худу ли, но он решил действовать вместе с Солитер или, как он мог бы цинично выразиться, использовать ее. Ответа требовало много вопросов, но пока не время задавать их. А сейчас его грело то, что мистеру Бигу придется испытать еще один удар, причем по самому чувствительному месту — самолюбию.

Что же касается девушки, приятно будет провести с ней время, и Бонд был рад, что они уже пересекли границу, за которой начинается дружба, а, может, не только дружба.

Правда, Биг Мэн сказал, что мужчинами она не интересуется. Но это сомнительно. На вид она создана для любви. По крайней мере у него с ней что-нибудь получиться может. Он с нетерпением ждал, когда она вернется и снова сядет напротив, так, чтобы можно было смотреть на нее и неторопливо, шаг за шагом, изучать эту женщину. Солитер. Приятное имя. Неудивительно, что ее прозвали так в вонючих ночных клубах Порт-о-Пренса. Даже в той явной симпатии, которую она ему демонстрирует, остается нечто не до конца понятное, загадочное. Ему чудилось

одинокое детство на большой, приходящей в упадок плантации, пустынная усадьба, медленно разваливающаяся по частям, зарастающая буйной тропической растительностью. Родители умирают, земля продается. Один или двое слуг, неуютная жизнь в городских квартирах. Красота — единственное ее достояние. Борьба с разного рода сомнительными предложениями стать «гувернанткой», «компаньонкой», «секретаршей» — респектабельные, эвфемизмы обыкновенной проституции. Затем робкие, неуверенные шаги в мир шоу-бизнеса. Вечерние выступления в ночном клубе — сеанс магии, который в глазах людей, верящих в сверхъестественное, должен был сделать ее человеком, внушающим страх. И, наконец, как-то вечером в одиночестве садится за столик огромный мужчина с землистым лицом. Обещает ей работу на Бродвее. Возможность новой жизни, избавление от духоты, вони и одиночества.

Бонд резко отвернулся от окна. Может, нарисованная им картина слишком романтична? Но в этом роде что-то должно быть.

Он услышал, как открывается дверь. Девушка уселась напротив него. Выглядела она посвежевшей и жизнерадостной.

— Вы думали обо мне, — внимательно посмотрела она на Бонда. — Я это почувствовала. Не беспокойтесь. Ничего особенно страшного в моей биографии нет. Как-нибудь, когда будет время, я расскажу вам все. А пока я хочу забыть о прошлом. Скажу вам только свое настоящее имя — Симона Латрель, но вы можете называть меня, как хотите. Мне двадцать пять. И сейчас я счастлива. Мне нравится эта «комнатка». Но хочется есть и спать. Вы какую полку предпочитаете?

Бонд улыбнулся вопросу и задумался.

— Наверное, это не слишком благородно, но я лягу внизу, — сказал он. — Хочу быть ближе к полу, так, на всякий случай. Не то, чтобы был какой-то особенный повод для беспокойства, — добавил он, — но, с другой стороны, у мистера Бига длинные руки, особенно среди черных. И железные дороги тут не исключение. Вы не против?

— Конечно, нет, — сказала она. — Я сама хотела предложить это. Вам ведь все равно не забраться наверх с вашим пальцем.

Негр-официант с деловитым видом принес из вагона-ресторана еду. Вроде, он только и ждал, чтобы ему заплатили и отпустили назад, работать.

Покончив с едой, Бонд позвонил дежурному проводнику. Тот тоже выглядел озабоченным и избегал смотреть на Бонда. Он довольно долго возился с постелями и всячески старался показать, что в купе очень тесно.

Наконец он, похоже, собрался с духом.

— Может, госпожа перейдет в соседнее купе, пока я здесь управлюсь, — сказал проводник, глядя куда-то поверх головы Бонда. — Там никого не будет до самого Питерсбурга. — Он вытащил ключ и не дожидаясь ответа, открыл дверь.

Повинуясь жесту Бонда, Солитер поднялась. Слышно было, как она запирает дверь, ведущую в коридор. А негр захлопнул внутреннюю дверь.

Бонд подождал немного. Вспомнив имя, он спросил:

— Хотите что-то сказать мне, Болдуин? Служащий с облегчением повернулся и посмотрел Бонду прямо в глаза.

— Да, сэр, мистер Брайс. — Стоило ему начать, как речь полилась потоком. — Может, и не должен был я это говорить вам, но что-то не так на этом рейсе. У вас тут враг, мистер Брайс. Да-да, сэр, враг. Я тут кое-что слышал, и мне это вовсе не понравилось. Не могу сказать, что именно, иначе мне плохо придется. Но вам лучше глядеть в оба. Да, сэр. Кому-то вы тут очень нужны, сэр, и это плохой человек. Вот, возьмите-ка. — Он полез в карман и вытащил два деревянных клина, какими закрепляют окна. — Просуньте их под дверь, — сказал он. — Больше я ничего не могу для вас сделать. Мне горло перережут. Но мне не нравится, когда в моем вагоне происходит такое. Бонд взял клинья: «Но...» — Ничего больше не могу для вас

сделать, сэр, — решительно сказал негр, берясь за ручку двери. — Если позвоните мне вечером, принесу вам поужинать. Но больше никому не открывайте.

Бонд протянул ему двадцатку, тот скомкал банкноту и положил в карман.

— Сделаю все, что смогу, сэр. Но не дай Бог, чтобы они меня достали. Тогда мне конец, это уж точно. — Он вышел и быстро закрыл за собой дверь.

Бонд на секунду задумался, потом открыл внутреннюю дверь. Солитер читала.

— Все готово, — сказал он. — У него это заняло немало времени. Все порывался рассказать мне свою жизнь. Я выйду, пока вы забираетесь к себе наверх. Дайте знать, когда можно войти.

Он устроился в соседнем купе и выглянул в окно. Виднелись мрачные предместья Филадельфии, показывающие свои язвы поезду-богачу, словно нищие.

Не стоит пугать ее до времени. Но новая угроза возникла раньше, чем он предполагал, и, если девушку обнаружат, дела ее будут столь же плохи, сколь и его собственные.

Она окликнула Бонда, он вошел в купе.

Тут была полутьма, горела только ночная лампочка которую включила мисс Солитер.

— Спокойной ночи, — сказала девушка.

Бонд снял пиджак и прочно забил клинья под обе двери. Затем осторожно улегся на правый бок и, не думая больше о будущем, под перестук колес погрузился в глубокий сон. Невдалеке, в опустевшем вагоне-ресторане официант-негр перечитывал только что заполненный им телеграфный бланк. Он отправит его из Филадельфии, где поезд будет стоять десять минут.

11. Allumeuse

Было солнечное утро. Поезд, погромыхая на стыках, мчался на Юг. Позади остались Пенсильвания и Мериленд.

В Вашингтоне была большая остановка, и сквозь сон Бонд слышал мерный перезвон колокольчиков — это поезда переводили на другие пути — и приглушенные объявления по вокзальному радио. Дальше — Вирджиния. Здесь погода была мягче, и сумерки — хотя морозный Нью-Йорк был всего в пяти часах езды — пахли едва ли не весной.

Случайная группа негров, возвращаясь с полей домой, услышит отдаленный перестук колес, кто-нибудь вынет часы и скажет: «Фантом» прошел. Шесть вечера. Вроде часы идут правильно". «Точно», — ответит кто-нибудь другой, а шум поезда тем временем станет слышнее, и мелькнут освещенные окна вагонов, бегущих в сторону Северной Каролины.

Они проснулись около семи. Их разбудил протяжный гудок паровоза — большой поезд, оставляя позади поля, приближался к Рэли. Бонд вынул клинья из-под дверей, зажег свет и позвонил проводнику.

Он заказал два сухих «Мартини», и когда принесли две маленьких — «лично для вас» — бутылочки, стаканы и лед, понял, что промахнулся и сразу велел принести еще четыре.

Они немного поспорили о том, что взять на ужин. О рыбе говорилось, будто она «приготовлена из мягчайшего, без костей филе», а о цыплятах — что они «зажарены по-французски и подаются в разделанном виде».

— Чушь собачья, — заметил Бонд, и в конце концов они заказали яичницу с беконом и сосисками, салат и немного местного «камамбера», который всегда так приятно удивляет в американских меню.

Было девять, когда Болдуин пришел убрать тарелки. Он поинтересовался, не нужно ли чего еще.

Бонд подумал.

— Когда мы прибываем в Джексонвилл? — спросил он.

— Около пяти утра, сэр.

— Там есть подземный переход?

— Да, сэр, поезд останавливается почти рядом.

— Вы сможете по-быстрому открыть дверь и спустить лесенку?

Негр улыбнулся.

— Да, сэр. Конечно, сэр. Бонд протянул ему десятку.

— Это на тот случай, если я не увижу вас в Сент-Питерсбурге.

Негр усмехнулся.

— Большое спасибо, сэр. Покойной ночи, сэр. Покойной ночи, мадам.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Бонд поднялся и с силой загнал клинья под двери.

— Ясно, — сказала Солитер, — вот, стало быть, как обстоят дела.

— Да, — откликнулся Бонд, — боюсь, что так. — И он передал ей слова Болдуина.

— Меня все это не удивляет, — сказала девушка, когда он закончил. — Наверное, вас заметили на вокзале. У него целая армия шпионов, которых называют «глазами», и когда они поднимаются по тревоге, ускользнуть незамеченным почти невозможно. Знать бы, кто тут у него на поезде. Наверняка это негр; либо проводник, либо официант из вагона-ресторана. Эти люди послушны малейшему его жесту.

— Похоже, так оно и есть, — сказал Бонд. — Но как это у него выходит? Как он держит их в таком подчинении?

Она выглянула в окно, в расстилающуюся тьму, сквозь которую с грохотом мчался поезд. Затем снова повернулась и посмотрела прямо в спокойные серо-голубые глаза английского разведчика. «Как объяснить это все человеку, — подумала она, — такому рациональному, такому решительному, человеку, который вырос в теплом доме и на освещенной улице. Как объяснить это человеку, никогда не жившему близко к загадочному сердцу тропиков, в полной зависимости от их гнева и тайного яда; человеку, кто не знает, что такое тайна барабанов, не видел чудес и не чувствовал страха, ими внушаемого? Что знает он о каталепсии и обмене мыслями на расстоянии, о шестом чувстве рыб, птиц, негров, об устрашающем смысле, заключенном в белом перышке цыпленка, в сломанной палке, валяющейся на дороге, маленьком кожаном мешочке с костями и травами? А ведь существует еще погоня за тенями, порча и многое другое».

Солитер вздрогнула, целая глыба мрачных воспоминаний навалилась на нее. Особенно хорошо запомнился тот первый раз в Умфоре, куда ее ребенком привезла нянька-негритянка. «С вами ничего дурного не будет, мисси. Эта замечательная штука до самой смерти будет вас охранять». И мерзкий старикашка, и зелье, которое он ей дал. И как нянька заставила выпить его до последней капли, и как целую неделю она ночами кричала и не могла заснуть. И как нянька забеспокоилась, а потом неожиданно все вернулось на свои места, и спать она снова стала спокойно. А спустя какое-то время, переворачивая подушку, нащупала что-то твердое и вытащила из наволочки грязный мешочек с засохшей глиной. Она выбросила его из окна, но утром он исчез. Спала она по-прежнему хорошо, и решила, что нянька нашла мешочек и спрятала его где-нибудь в подполе.

По прошествии многих лет ей рассказали об этом волшебном напитке — смеси рома, пороха, могильной глины и человеческой крови. При воспоминании об этом вкусе ее всегда тошнило.

Что может этот человек знать обо всем этом — и о том, что она сама наполовину верит в чары?

Она подняла взгляд на Бонда, и увидела, что он внимательно следит за ней.

— Вы думаете, я не пойму, — сказал он. — И до известной степени вы правы. Но я знаю, что страх делает с людьми, и знаю, как можно вызвать страх. Я читал немало книг о заклинаниях, и верю в их воздействие. Не думаю, правда, что я сам могу стать объектом такого воздействия, потому что еще в детстве перестал бояться темноты, да и гипноз меня не берет. Но я знаю, что все это действительно существует, и не думайте, что я буду смеяться. Ведь ученые и врачи, которые пишут на подобные темы, не смеются.

— Ладно, — улыбнулась она. — Раз так, достаточно будет сказать, что они верят, будто Биг Мэн — это зомби Барона Субботы. Зомби страшны сами по себе. Это ожившие мертвецы, которые действуют по команде своих хозяев. Барон Суббота — самый грозный из магических духов. Дух тьмы и смерти. Так что если он управляет собственным зомби, все становится еще во много раз страшнее. Вы ведь видели мистера Бига. Огромный рост, землистое лицо и мощная магнетическая сила. Ему вовсе не трудно заставить негра поверить, что он зомби, и страшный зомби. Ну, а следующий шаг уж вовсе элементарен. Мистер Биг заставляет думать, словно он и есть Барон Суббота, постоянно нося его амулет. Да вы видели его.

Солитер помолчала, а потом заговорила вновь, почти беззвучно шевеля губами:

— И могу заверить вас, что все это действует безотказно и трудно найти негра, который бы видел его, слышал его историю и не поверил бы в нее, не испытал бы безумного метафизического страха. Это и понятно, — добавила она. — Вы бы содрогнулись, если б знали, как он поступает с теми, кто осмеливается выказать хоть тень непослушания, как пытается их и умерщвляет.

— Ну а Москва тут при чем? — спросил Бонд. — Это правда, что он агент СМЕРШа?

— Я не знаю, что такое СМЕРШ, — ответила девушка, — но знаю, что он работает на русских; по крайней мере я слышала, как он говорит по-русски с некоторыми из своих гостей. Раз или два он велел мне присутствовать при этих беседах, а потом спрашивал мое мнение об этих людях. В общем, мне казалось, что они говорят правду, хотя я ни слова и не понимала. Но имейте в виду, я знакома с ним только год, а он фантастически скрытен. Если он действительно работает на Москву, русские заполучили одного из самых могущественных людей в Америке. Он способен узнать все, что нужно, а если не получается, кого-нибудь обязательно убивают.

— А его почему никто не убьет? — спросил Бонд.

— Его нельзя убить, — сказала она. — Он уже мертв. Он зомби.

— Ясно, — медленно протянул Бонд. — Да, здорово придумано. Ну, а вы могли бы?

Она поглядела в окно, затем опять на Бонда.

— В крайнем случае, — неохотно призналась она. — Но не забывайте, ведь я с Гаити. Умом я понимаю, что могу убить его, но, — она беспомощно всплеснула руками, — чувства восстают. — Она робко улыбнулась. — Вы думаете, наверное, что я безнадежная дура, — закончила она.

Бонд подумал: «Да нет, ведь я действительно кое-что читал на эту тему». Он прикрыл ее руки ладонями.

— Когда настанет момент, — сказал он с улыбкой, — я осеню пулю крестным знаменем. В старые времена это помогало.

Она задумалась.

— Мне кажется, что если кто и способен справиться с ним, так это вы, — произнесла она. — Прошлой ночью вы ему здорово отомстили, — она сжала его руку. — Так что я должна делать?

— Спать, — ответил Бонд. Он посмотрел на часы. Десять. — Как следует выспаться. Мы выйдем в Джексон-вилле и, если нас засекут, постараемся добраться

до побережья другим путем.

Они поднялись и встали друг против друга в покачивающемся вагоне.

Неожиданно Бонд потянулся и обнял ее правой рукой. Ее руки обвились вокруг его шеи, и они страстно поцеловались. Он прижал девушку к покачивающейся стене. Солитер обхватила его лицо руками и немного отодвинула, тяжело дыша. Глаза ее заблестели и расширились. Она снова прижалась к нему губами и поцеловала долгим страстным поцелуем.

«Проклятый палец, — подумал Бонд, — даже не погладишь толком».

Он высвободил правую руку и ощутил под ладонью отвердевшие соски. Потом скользнул вниз, по спине, задержал там руку, и, по-прежнему прижимая к себе девушку, все целовал и целовал ее.

Она опустила руки и оттолкнула его.

— Я всегда мечтала, что когда-нибудь поцелую мужчину, — сказала она. — И только увидев тебя, сразу поняла, что этим мужчиной будешь ты.

— Ты очень красивая, — проговорил Бонд. — И лучше всех целуешься. — Он посмотрел на повязку, стесняющую левую руку. — Проклятая рука, — объяснил он. — Даже обнять не могу как следует. Очень болит. За это мистеру Бигу тоже придется заплатить.

Она рассмеялась.

Вынув из сумочки платок, она стерла с его губ помаду. Затем отвела ему волосы со лба и еще раз поцеловала, на сей раз мягко и нежно.

— Может, оно и к лучшему, — сказала она. — Слишком много других забот.

Поезд дернулся, и Бонд почти упал на девушку. Он положил руку на ее левую грудь и прижался губами к белоснежной коже ее шеи. Потом поцеловал в губы.

Он почувствовал, что пульс начинает биться ровнее. Взял ее за руку и подтолкнул на середину раскачивающегося купе.

— Пожалуй, ты права, — улыбнулся он. — Я хотел бы как-нибудь остаться с тобой вдвоем, только вдвоем, и чтобы никуда не торопиться. А сейчас есть по крайней мере один человек, который постарается разрушить наше одиночество. Так что сейчас просто не время заниматься любовью. Давай укладывайся, а я потом только поцелую тебя напоследок.

Они обменялись долгим, медленным поцелуем, затем он отступил.

— Надо заглянуть в соседнее купе, может, нас кто сопровождает, — сказал он.

Тихонько вынув клин из-под внутренней двери, он мягко потянул ручку. Достал из кобуры «беретту», взвел курок и жестом велел ей открыть дверь так, чтобы снаружи ее не было видно. Подал сигнал, и девушка резко рванула ручку. Пустое купе насмешливо зевнуло.

Бонд улыбнулся.

— Дай знать, когда уляжешься, — сказал он, вошел в соседнее купе и закрылся.

Дверь в коридор была заперта. Купе ничем не отличалось от того, в котором ехали они. Бонд тщательно осмотрел его на предмет какого-нибудь подвоха. Ничего не было, кроме отдушины для кондиционирования воздуха в потолке. Но Бонд, обычно учитывавший любые возможности, отбросил мысль о том, что через это отверстие можно пустить газ. Ведь тогда задохнутся все пассажиры. Оставались еще трубы в туалете, и хотя их, конечно, можно было использовать, чтобы подложить снизу какое-нибудь смертоносное устройство, исполнитель должен быть отважным и искусным акробатом. Никакой вентиляционной решетки здесь не было.

Бонд пожал плечами. Нет, если кого-нибудь и надо ожидать, то только через двери. Что ж, придется пободрствовать.

Солитер позвала его. Купе пахло дорогими духами. Опершись на локоть, она смотрела на него с верхней полки.

Простыня была натянута до плеч. А под ней она, наверное, совершенно раздета.

Темные волосы волнами ниспадали на грудь. Горела только ночная лампочка, так что лицо девушки оставалось в тени. Бонд поднялся по алюминиевой лесенке и наклонился к ней. Она потянулась к нему, и неожиданно простыня упала с плеч.

— Черт бы тебя побрал, — сказал Бонд. — Ты... Она прикрыла ему рот рукой.

— Allumeuse — вот точное слово, — сказала она. — Мне нравится, что я могу дразнить такого сильного неразговорчивого мужчину. Во мне горит яростное пламя. Это единственная игра, в которую я могу играть с тобой, и долго она не продлится. Когда заживет твоя рука?

Бонд укусил ее мягкую ладонь. Девушка вскрикнула.

— Скоро, — ответил он. — И когда тебе снова придет в голову поиграть в эту игру, ты увидишь, что тебя накололи, как бабочку.

Она обняла его, последовал новый долгий, страстный поцелуй.

Наконец девушка откинулась на подушку.

— Поскорей бы, — сказала она. — А то я уже устала от своей игры.

Бонд спустился и задернул полку шторами.

— Ну а теперь постарайся заснуть, — посоветовал он. — Завтра у нас будет длинный день.

Солитер что-то пробормотала, и он услышал, как она поворачивается на другой бок. Она выключила свет.

Бонд убедился, что клинья на месте. Затем снял пиджак, галстук и улегся. Он потушил свет у себя в изголовье, и лежал, думая о Солитер и прислушиваясь к ровному стуку колес где-то внизу и легкому поскрипыванию вагона, которое так убаюкивает ночью.

В одиннадцать часов поезд был на длинном перегоне между Колумбией и Саванной, штат Джорджия. До Джексонвилла оставалось шесть часов, еще шесть часов темноты, во время которых обязательно что-то должно было произойти: пассажиры спят и можно беспрепятственно передвигаться.

Поезд змеей скользил в ночи, отсчитывая милю за милей, через пустынную равнину «Персикового штата». В просторах саванны звучал яростный стон его двигателей, пронзительные гудки, а паровозная фара рассекала черное полотно ночи.

Бонд зажег свет и немного почитал, но мысли не покидали его, поэтому вскоре он отложил книгу и снова выключил лампочку. Он думал о Солитер, о будущем и о делах ближайших — о Джексонвилле, Сент-Питерсбурге, о Лейтере, с которым предстояло скоро увидеться.

Много позже, около часа. Бонд задремал и чуть было не заснул, и уже по-настоящему. Но тут почти у него над головой что-то негромко вякнуло, он сразу же стряхнул сон и потянулся к пистолету.

Кто-то очень осторожно пытался открыть дверь из коридора. Бонд моментально соскользнул на пол, неслышно шагая босиком. Он бесшумно вытащил клин из-под внутренней двери и так же бесшумно открыл ее. Войдя в соседнее купе, он осторожно потянул ручку двери, выходящей в коридор.

Раздался резкий щелчок. Он рванул дверь, выскочил в коридор, и увидел лишь стремительно удаляющуюся фигуру уже в самом конце вагона.

Если бы у него действовали обе руки, он мог бы убить этого типа, но чтобы открыть дверь, пришлось засунуть пистолет за пояс. Бонд знал, что преследование бессмысленно. В поезде слишком много пустых купе, укрыться можно в любом. Все это Бонд уже обдумал заранее. Он знал, единственный его шанс в том, чтобы либо убить противника, либо заставить его капитулировать.

Бонд двинулся в сторону купе X. На полу валялся небольшой клочок бумаги.

Войдя в свое купе, он тщательно запер дверь и зажег свет в изголовье. Солитер все еще спала. Он развернул бумагу и присел на край полки.

Бумага была вырвана из дешевой тетрадки. Почерк угловатый, написано большими буквами, красными чернилами. Бонд осторожно осмотрел листок, не особенно надеясь, впрочем, что там остались какие-нибудь следы. Это люди аккуратные. Он прочитал:

О, Фея, не убивай меня, Пощади, убей другого.

Божественный трубач вещает, что с рассветом, он станет в честь тебя трубить.

Рано, очень рано, рано-рано.

О, Фея, ты, что убиваешь чад человеческих едва ли не в колыбели, божественный трубач вещает, что с рассветом он станет в честь тебя трубить.

12. Эвергледз

Было около пяти утра, когда они незаметно выскользнули из поезда в Джексонвилле.

Еще не рассвело, на пустые платформы большой по местным масштабам станции падал свет редких фонарей.

Вход в тоннель был буквально в двух шагах от их вагона. Весь поезд еще спал, и их вроде никто не заметил. Бонд велел проводнику запереть за ними дверь и задернуть шторы. Он надеялся, что их отсутствие не будет замечено до самого Сент-Питерсбурга.

Тоннель привел их в вокзальное помещение. Просмотрев расписание, Бонд выяснил, что следующий поезд на Сент-Питерсбург будет в девять утра — «Серебряный метеор», близнец «Фантома». Бонд купил два билета в спальный вагон, взял Солитер под руку, и они вышли из вокзала на теплую темную улицу. Неподалеку были два или три ночных кафе. Они выбрали то, где неонов сияла надпись «Вкусная пища». На самом деле это была обыкновенная забегаловка. За железной стойкой, на которой валялись сигареты, конфетные обертки и комиксы, стояли две измученные официантки. На газовой конфорке подогревался большой кофейник. За дверью с надписью «Туалет» скрывалась, должно быть, всякая мерзость, а рядом была другая дверь — «Для персонала» — наверное, черный ход. Несколько человек в рабочей одежде, рассеявшиеся за грязным столиком, подняли на мгновение головы, посмотрев на вновь прибывших, а затем вернулись к своей беседе. «Аварийная команда», — подумал Бонд.

Справа от входа было четыре маленьких кабины, и Бонд с Солитер выбрали одну из них. Они рассеянно принялись рассматривать грязное меню.

Через некоторое время одна из официанток лениво подошла к ним, облокотилась о перегородку, глаза на дорогой костюм Солитер.

— Апельсиновый сок, кофе, яичница — два раза, — заказал Бонд.

— Сию минуту, — откликнулась девушка и столь же лениво побрела на кухню.

— Яичница будет с молоком, — сказал Бонд. — Но в Америке нельзя есть вареные яйца. Их подают в чайных чашках и, очищенные, они выглядят просто отвратительно. Кто их этому научил? Немцы, что ли? А плохой американский кофе — худший в мире, даже хуже, чем в Англии. Может, хоть апельсиновый сок им не удастся испортить? В конце концов мы во Флориде. — При мысли о том, что предстоит провести четыре часа в этой вонючей дыре, ему стало противно.

— Сейчас в Америке все стараются быстро нажиться, — откликнулась Солитер, — а для клиента это всегда плохо. С вас хотят взять побольше долларов и как можно быстрее от вас избавиться. На побережье и того хуже. Там вас вообще обжуливают, как хотят, особенно в это время года. На Востоке «стригут» только миллионеров. А там, куда мы сейчас едем, всех подряд. Безобразие. Гиблые там места для маленького человека.

— Бог мой, — воскликнул Бонд, — что за поганое место!

— В Сент-Петербурге все скоро просто вымрут, — заметила Солитер. — Это Великое Американское Кладбище. Достигнув шестидесяти, банковский клерк, почтовый служащий или железнодорожный кондуктор получают пенсию или выходное пособие и отправляются в Сент-Петербург понежиться на солнце перед смертью. Его называют «Городом солнца». Климат здесь такой, что вечернюю газету «Индепендент» раздают бесплатно, если ко времени ее выхода не светит солнце. Случается это всего три — четыре раза в году, но реклама отличная. Спать ложатся в девять, а днем пожилые играют в бридж, это здесь прямо мания. Есть пара бейсбольных команд. — «Кидз» и «Кабз» — всем игрокам за семьдесят пять. Еще играют в кегли, но большую часть времени проводят на скамейках, расставленных на тротуарах вдоль всех центральных улиц. Просто сидят, греются на солнце, дремлют или болтают. Тот еще вид — старики и старушки в очках со слуховыми аппаратами и вставными челюстями.

— Да, картинка! — сказал Бонд. — А почему же, черт возьми, он выбрал это место?

— А для него лучше не найдешь, — ответила Солитер серьезно. — Тут практически нет преступности, разве что обжулят друг друга в бридж или в канасту. Так что полиции мало. Правда, крупный пост береговой охраны, но их забота — контрабанда с Кубы в Тампу, да незаконный лов рыбы в Тарпон-Спрингз. Впрочем, чем он здесь занимается, я толком не знаю. Знаю только, что у него тут есть человек по прозвищу Грабитель. Думаю, это связано с Кубой, — добавила девушка задумчиво. — А также с коммунизмом. Похоже, Куба — это как бы придаток Гарлема, агенты красных растекаются отсюда по всему Карибскому бассейну. Словом, — продолжала Солитер, — Сент-Петербург, может быть, самый невинный городок в Америке. Все здесь исключительно «респектабельно» и «мило». Есть, правда, больница для алкоголиков. Но алкоголики, — она рассмеялась, — очень старые и никому уже давно не могут причинить вреда. Тебе там понравится. — Дразнящая улыбка промелькнула на лице девушки. — Может, тебе, захочется остаться там до конца дней своих и именоваться, как все, «стариканом». Они там любят это словечко — «старикан».

— Боже упаси, — живо откликнулся Бонд. — Надеюсь, нам не доведется упражняться в стрельбе с Грабителем и его друзьями. А то, пожалуй, несколько сотен «стариканов» помрут до времени от сердечного приступа. А что, молодых там совсем нет?

— Почему же? — засмеялась Солитер, — полно. Например, все местные жители, которые обируют стариканов. Владельцы мотелей и турбаз. Можно заработать кучу денег, организовав турниры по бинго. Я буду твоим «зазывалой» — девушкой, созывающей зрителей. Дорогой мистер Бонд, — она потянулась и накрыла ладонью его руку, — вы согласны жить со мной в мире, долгой, беспорочной жизнью, до самой старости в Сент-Петербурге?

Бонд откинулся на спинку стула и изучающе посмотрел на нее.

— Для начала я хотел бы пожить с тобой порочной жизнью, — ухмыльнулся он. — Это у меня лучше получается. Но мне нравится то, что там ложатся спать в девять.

Солитер улыбнулась в ответ и отняла руку. Принесли завтрак.

— Да, — сказала она, — ты будешь ложиться в девять, а я тайком прокрадываться через черный ход на свидание с «Кидзами» и «Кабзами».

Завтрак оказался ничуть не лучше, чем Бонд предполагал.

Расплатившись, они вернулись в вокзальный зал ожидания.

Взошло солнце, и тонкие, пыльные струи света проникли в пустынное сводчатое помещение. Они устроились в углу, и в ожидании «Серебряного метеора» Бонд донимал девушку вопросами о Биг Мэне и его делах.

Время от времени он делал заметки, записывал дату или имя, но в общем она мало что могла добавить к тому, что он и так знал. У нее была собственная квартира в том же квартале Гарлема, где жил мистер Биг, и в течение последнего года девушка там содержалась фактически как в плену. С ней в качестве «компаньонки» жили две негритянки, и без сопровождающего ей на улицы выходить не разрешалось.

Иногда мистер Биг приглашал ее в ту самую комнату, где они повстречались с Бондом. Там ей следовало решать, говорят правду или лгут люди, которых, как правило, привязывали к стулу. Она разнообразила ответы, в зависимости от того, хороший это был, на ее взгляд, человек или дурной. Она знала, что ее слово часто может означать смертный приговор, но ей было наплевать на тех, кто казался ей дурным. Почти всегда это были черные.

Бонд записал даты и детали этих встреч.

Все, что она рассказала ему, внесло некоторые новые штрихи в портрет весьма могущественного и решительного человека, жестокого и безжалостного, человека, стоящего во главе разветвленной организации.

О золотых монетах она могла сказать только то, что пару раз ей велели спрашивать, сколько монет и за какую цену было сбыто. Чаще всего в этих случаях, по ее словам, люди лгали.

Сам Бонд предпочитал помалкивать. Его растущая симпатия к Солитер и плотское влечение к ней — это отдельное помещение, и в нем нет внутренней двери, соединяющей его с профессиональной жизнью Бонда.

«Серебряный метеор» прибыл вовремя, и они продолжили путь, с облегчением оставив позади захламленный вокзал.

Поезд мчался через Флориду, через леса и болота, над которыми носились тучи разнообразных насекомых, через цитрусовые сады, растянувшиеся на мили и мили.

В центральной части штата мотыльки придавали окрестностям какой-то мертвый вид. Даже городки, с деревянными, высохшими на солнце домишками, попадавшиеся им на пути, напоминали голые скелеты. И только цитрусовые аллеи, где деревья клонились под тяжестью плодов, выглядели зелеными и живыми. Все остальное словно высохло на солнце.

Глядя на Мрачные, тихие, поникшие деревья, Бонд подумал, что живыми здесь могут быть только летучие мыши и скорпионы, рогатые жабы да черные пауки.

Потом они пообедали, и вскоре поезд неожиданно вырвался на простор — показалось побережье Мексиканского залива, замелькали мангровые деревья, пальмы, бесчисленные мотели, палаточные городки, и Бонд вдохнул аромат другой Флориды, Флориды рекламных плакатов, земли «Цветущих апельсинов».

Они сошли в Клируотере, на последней остановке перед Сент-Питерсбургом. Бонд остановил такси и велел ехать на остров Сокровищ. Это в полчасе езды. Было два часа дня, солнце палило нещадно, на небе не было ни облачка. Солитер потребовала, чтобы он разрешил ей снять шляпу и вуаль: «Она прилипает к лицу. И к тому же меня здесь почти никто не знает».

Здоровенный негр с лицом, покрытым оспинами, остановился у светофора как раз в тот момент, когда миновали перекресток, от которого отходила дорога на остров Сокровищ.

При виде Солитер челюсть у него отвалилась. Он подал свое такси к тротуару и нырнул в аптеку. Там он набрал номер в Сент-Питерсбурге.

— Это Покси, — быстро заговорил он прямо в трубку. — Грабитель, ты? Слушай, вроде Биг Мэн приехал. Что мелешь, как это ты мог только что звонить ему в Нью-Йорк? А я вот действительно только что видел в такси его девчонку. Она ехала к Острову. Конечно, в уме. Как Бог свят. Да разве ее с кем спутаешь? С ней какой-то мужик в синем костюме. На лице у него вроде шрам. Как это, следовать за ними? Должен же я был тебе позвонить, чтобы убедиться, что Биг Мэн действительно здесь.

Ладно, ладно. Я перехвачу такси на обратном пути. Ладно, ладно. Не волнуйся. Я ведь ничего такого не сделал.

Через пять минут человек, которого звали Грабитель, уже разговаривал с Нью-Йорком. Насчет Бонда его предупредили, но при чем здесь Солитер, он понять не мог. Разговор с Биг Мэном в этом смысле ничего не прояснил, но указания он получил совершенно четкие.

Он повесил трубку и забарабанил пальцами по столу. Десять тысяч за работу. Понадобятся двое. Стало быть, ему останется восемь тысяч. Он облизнул губы и позвонил в один из баров Тампы.

Бонд расплатился с таксистом у Эвергледз — опрятного городка, состоявшего из десятка выкрашенных в желтое и белое деревянных коттеджей. Они как бы огибали с трех сторон травянистую лужайку, а от фронтона вниз, к песчаному пляжу сбегала дорожка длиною в пятьдесят ярдов. Отсюда был виден весь Мексиканский залив. Поверхность его была зеркально чиста, и только на горизонте трепетало марево, стиравшее границу между водой и безоблачным небом.

После Лондона, Нью-Йорка и Джексонвилла перемена была разительная.

Бонд толкнул дверь с надписью «Регистратура». Солитер скромно держалась рядом. Он нажал звонок, под которым значилось — «Директор миссис Стьювесант». Появилась дама, больше напоминавшая высохшую креветку, нежели женщину, и бледно улыбнулась:

— Да? Мистер Лейтер? Да, да, он здесь. Вы ведь мистер Брайс, не так ли? Он в первом коттедже, прямо у пляжа. Мистер ждал вас с самого обеда. А?.. — она нацелила очки на Солитер.

— Миссис Брайс, — сказал Бонд.

— Да-да, конечно, — в голосе миссис Стьювесант слышалось явное недоверие. — Вот карточка, прошу заполнить, а потом вы и миссис Брайс, конечно, захотите освежиться после дороги. Полный адрес, пожалуйста. Спасибо.

Она прошла с ними по бетонной дорожке, ведущей к дальнему коттеджу слева. Постучала в дверь. На пороге появился Лейтер. Бонд ожидал шумных приветствий, но Лейтер посмотрел на него с некоторым сомнением. У него даже отвисла челюсть. Соломенного цвета волосы, все еще черноватые у корней, напоминали копну сена.

— Вы ведь не знакомы с моей дамой? — спросил Бонд.

— Гм, да, то есть нет, конечно. Добрый день.

Все происходящее казалось ему каким-то бредом. Позабыв про Солитер, он почти втащил Бонда в комнату. В последний момент он все же вспомнил про девушку и другой рукой тоже втянул ее внутрь, с грохотом захлопнув дверь, так что напутствие миссис Стьювесант: «Желаю вам приятного...» оборвалось до «отдыха».

Очутившись внутри, Лейтер все еще ничего не мог понять. Он только переводил взгляд с Бонда на Солитер и обратно.

Бонд бросил чемодан на пол маленькой прихожей. Там было две двери. Он открыл правую и пропустил Солитер. Это была небольшая, хотя и во всю ширину коттеджа, гостиная, выходившая прямо на море. Она была обставлена симпатичными пляжными креслами из бамбука, с ножками из дутой резины, покрытой вощенным ситцем. На полу циновка из пальмовых листьев. Стены были цвета утиного яйца, а посередине каждой, в бамбуковой рамке, висела цветная открытка с изображением тропических растений. Еще — большой бамбуковый стол в форме барабана, покрытый стеклом. На нем — ваза с цветами и белый телефонный аппарат. Большие окна, а справа — дверь, ведущая на пляж. Жалюзи из пластика были наполовину подняты, чтобы не отсвечивал ослепительно белый песок.

Бонд и Солитер сели. Бонд закурил и бросил пачку с зажигалкой на стол.

Неожиданно зазвонил телефон. Лейтер вышел из оцепенения и взял трубку.

— Да, — произнес он, — у телефона. Пусть лейтенант возьмет трубку. Это вы,

лейтенант? Он здесь. Только что появился. Нет, все в порядке. — Он немного послушал, потом повернулся к Бонду. — Ты где сошел с поезда? — Бонд ответил. — Джексонвилл, — сказал Лейтер в трубку. — Да-да. Конечно. Я все узнаю у него, а потом перезвоню. А вы, может, свяжетесь с отделом убийств и дадите отбой? Спасибо. И в Нью-Йорк. Весьма признателен, лейтенант. Орlando 9000. Хорошо. И еще раз спасибо. Пока.

Он положил трубку, отер пот с лица и уселся напротив Бонда.

Внезапно он перевел взгляд на Солитер и извиняюще улыбнулся.

— Вы, должно быть, мисс Солитер, — обратился он к девушке. — Извините за такой прием. День уж такой выдался. Во второй раз за последние двадцать четыре часа я потерял надежду увидеть этого господина живым. — Он повернулся к Бонду. — Можно продолжать?

— Да, — откликнулся тот. — Солитер теперь с нами.

— Вот это здорово, — сказал Лейтер. — Так. Поскольку ты не видел газет и не слышал радио, для начала сообщу тебе новости. «Фантом» остановили вскоре после Джексон-вилла. Между Уолдо и Окалой. Твое купе буквально изрешетили пулями, да еще и гранату швырнули. Все в клочья. Убили проводника, который в этот момент оказался в коридоре. Других жертв нет. Шум поднялся страшный. Кто это сделал? Кто такие мистер и миссис Брайс? Где они? Конечно, мы все решили, что тебя схватили. Полиция в Орlando поднята на ноги. Проверили: все билетные заказы от самого Нью-Йорка. Выяснилось, что сделаны они людьми из ФБР. Словом, сюрприз за сюрпризом. И тут являешься ты под руку с хорошенькой девушкой и сияешь, как начищенный никель. — Лейтер расхохотался. — Да, что там происходило в Вашингтоне пару часов назад — не описать. Ладно, — сказал он. — Вот тебе и весь отчет — вкратце. Теперь твой черед.

Бонд подробно описал все, что произошло с того самого момента, как они говорили с Лейтером по телефону в «Сент-Реджисе». Дойдя до ночных событий в поезде, он вытащил из бумажника тот клочок бумаги и подтолкнул его к Лейтеру.

Тот присвистнул.

— Ясно, — сказал он. — Надо полагать, это должны были найти на трупе. Ритуальное убийство. Убийцы — друзья тех парней, с которыми ты так невежливо обошелся в Гарлеме. Так это должно было выглядеть. Биг Мэн здесь как бы ни при чем. Да, все продумали. Ладно, этого негодяя с поезда мы найдем. Может, кто-нибудь из вагона-ресторана. На ручке должны остаться следы. Продолжай. А потом я скажу, как он туда пробрался.

— Ну-ка, дайте посмотреть, — Солитер потянулась за бумагой. — Да, — тихо сказала она. — Это уанга, вудуистское заклинание злых духов. Оно в ходу у африканского племени ашанти. Всегда связано с убийством. На Гаити оно тоже распространено. — Она вернула бумажку Бонду. — Хорошо, что ты не сказал мне ничего, а то у меня была бы истерика.

— Сам-то я мало что понял, — признался Бонд. — Только то, что ничего хорошего во всем этом нет. Да, вовремя мы сошли. Бедный Болдуин. Он нам здорово помог. Он закончил рассказ о путешествии.

— Кто-нибудь видел, как вы сходили с поезда? — спросил Лейтер.

— Вряд ли, — ответил Бонд. — Но все же лучше поддержать Солитер в укрытии, пока мы не отправим ее. Лучше всего — завтра на Ямайку. Там о ней позаботятся, пока мы сами не приедем.

— Точно, — согласился Лейтер. — В Тампе мы посадим ее на чартерный рейс. К полудню она будет в Майями, а там переседет на какой-нибудь регулярный рейс — «КЛМ» или «ПанАм». К вечеру будет на месте. Сегодня уже не успеем.

— Ты как, Солитер, не против? — спросил Бонд. Девушка глядела в окно. В глазах ее появилась какая-то отстраненность — Бонду она была уже знакома.

Неожиданно Солитер вздрогнула и перевела взгляд на Бонда. Она вытянула руку и тронула его за рукав. — Да, — произнесла она и, запнувшись, добавила: — наверное, так будет лучше.

13. Смерть пеликана

Солитер поднялась.

— Мне надо привести себя в порядок. А вам, наверное, есть о чем поговорить.

— Разумеется, — сказал Лейтер, вскакивая на ноги. — Я совсем с ума сошел, ведь вы, должно быть, падаете с ног от усталости. Пожалуй, вам лучше устроиться в комнате Джеймса, а мы останемся здесь.

Солитер прошла за ним в маленький холл, и Бонд услышал, как Лейтер объясняет ей расположение комнат.

Вскоре он вернулся с бутылкой виски и ведром льда.

— Я совсем одичал, — сказал он. — Ладно, неплохо бы выпить. Тут рядом с ванной есть небольшая кладовка, там все, что нужно.

Он принес несколько бутылочек содовой, и оба налили себе по полному стакану.

— Расскажи-ка поподробнее, — попросил Бонд, откидываясь на спинку кресла. — Операция, наверное, была проведена отменно.

— Да уж, — согласился Лейтер, — разве что трупов недостаточно.

Он закинул ноги на стол и закурил.

— "Фантом" отошел от Джексонвилла около пяти, — начал он. — Прибыл в Уолдо примерно через час. Как только он тронулся оттуда — тут я вступаю в область предположений, — посланец мистера Бига входит в твой вагон, проникает в соседнее с твоим купе и вешает полотенце между окном и задернутой занавеской. Это должно означать, что «нужное окно — справа от полотенца». Между Уолдо и Окалой, — продолжал Лейтер, — длинный прямой перегон, дорога идет через леса и болота. Параллельно большое шоссе. Примерно через двадцать минут после Уолдо — бам-м! — аварийный сигнал откуда-то из-под днища паровоза. Машинист снижает скорость до сорока миль. Бам-м! И еще раз бам-м! Три подряд. Авария! Надо немедленно останавливаться! Он так и делает, гадая, что могло случиться. Путь прямой. Проехали на зеленый. Ничего особенного не видно. Время — четверть седьмого, начинает светать. Рядом на шоссе стоит седан, сильно подержанный. — Бонд поднял брови. — Краденый, — пояснил Лейтер. — Серого цвета, похоже, «бьюик», фары выключены, двигатель работает. Выходят трое. Цветные. Скорее всего — негры. Идут бок о бок, медленно пересекают лужайку между шоссе и железнодорожным полотном. У крайних — обрезы. У того, что посередине, что-то в руках. Останавливаются напротив вагона 2—45. Двое из обрезов бьют дуплетом в твоё окно. Образуется отверстие для лимонки. Тот, что в середине, швыряет лимонку, и все трое бегом возвращаются в машину. Секунда-другая, и бум! Котлета из купе X. Котлеты, предположительно, и из мистера и миссис Брайс. А на самом деле — котлета из твоего Болдуина, который, едва увидев троицу, выскочил из своего купе и лег на пол. Других жертв нет — только крики и истерика во всех вагонах. Машина быстро отъезжает в сторону болот, где она пребывает до сих пор и, наверное, останется навсегда. Наступает тишина, прерываемая криками. Люди мечутся взад-вперед. Поезд медленно ползет к Окале. Там отцепляют вагон 2—45. Через три часа можно ехать дальше. Сцена вторая: Лейтер один в коттедже, клянет себя за каждое дурное слово, сказанное им своему другу Джеймсу, и рисует себе картину, как его, Лейтера, подадут нынче на обед мистеру Гуверу. Конец. Бонд рассмеялся.

— Да, отлично сработано. Не сомневаюсь, что все детали продуманы, алиби обеспечено. Что за человек! Право, кажется, что именно он командует этой страной. Ладно, — подвел итог Бонд. — Вот уже трижды я от него ускользнул. Скорость

становится немного рискованной.

— Да, — задумчиво ответил Лейтер. — До сих пор промахи мистера Бига можно было пересчитать на пальцах одной руки. А тут три подряд. Ему это явно не понравится. Надо бы добить его, пока он еще не опомнился, а затем по-быстрому сматываться. У меня такой план. Совершенно очевидно, золото попадает в Штаты через это место. Мы уже много раз засекали «Секатур», и он неизменно следует прямо с Ямайки в Сент-Питерсбург, к складам рыбоконсервного завода — как его там называют, «Рабберус», что ли.

— "Уробурос", — поправил Бонд. — Великий угорь местной мифологии. Хорошее название для рыбоконсервного завода. — Внезапно он хлопнул себя по лбу. — Феликс! Ну, конечно, Уробурос — Роббер, то есть Грабитель, неужели не ясно? Это же человек мистера Бига. Ну, конечно, он и есть.

— Боже праведный! — воскликнул Лейтер. — Ясное дело — он. Владельцем считается один грек, помнишь, тот, что фигурирует в отчете, который мы читали в Нью-Йорке. Но это явно декоративная фигура. Может, он даже и не знает, что происходит у него за спиной. А нам нужен его приказчик, Роббер, Грабитель. Ну ясно, он.

Лейтер вскочил.

— Давай, двинулись. Едем туда и осмотримся. Я так или иначе собирался предложить это, ведь «Секатур» всегда швартуется у их причала. Между прочим, сейчас он на Кубе, — добавил Лейтер, — в Гаване. Ушел отсюда неделю назад. Обыскивали его и по прибытии и по отбытии до донышка, но, конечно, ничего не нашли. Решили, что у него двойное дно. Почти отодрали обшивку. Пришлось ремонтировать. Ничего. Ни намека на какую-нибудь контрабанду, не говоря уж о грудe золотых монет. И все же надо пойти туда и принюхаться. Да и на нашего приятеля Грабителя не худо бы посмотреть. Позвоню вот только в Орландо и Вашингтон. Надо доложить им, что к чему. И хорошо бы, чтобы они поскорее взяли этого Бигова головореза с поезда. Только, боюсь, что уже поздно. А ты пойди и глянь, как там Солитер. Скажи, пусть не высовывает носа, пока мы не вернемся. Лучше запри ее. А вечером мы с ней поужинаем в Тампе. У них там лучшая кухня на всем побережье. По дороге остановимся в аэропорту и купим ей на завтра билет.

Лейтер потянулся к телефону и заказал междугородный разговор. Бонд вышел.

Десять минут спустя они уже были в пути. Солитер не хотела оставаться одна. Она приникла к Бонду.

— Я хочу уйти отсюда, — в ее глазах застыл страх. У меня такое чувство... — она оборвала фразу. Бонд поцеловал девушку.

— Не волнуйся, все будет в порядке, — сказал он. — Через часок мы вернемся. А потом уже не расстанемся до самого самолета. Можно даже остаться на ночь в Тампе и на рассвете тронуться в аэропорт оттуда.

— Да, если можно, — нервно откликнулась Солитер. — Так будет лучше всего. Здесь мне страшно. Здесь мы в опасности. — Она обняла его за шею. — Не думай, я не истеричка. — Она поцеловала его. — Ну ладно, иди. Только возвращайся побыстрее.

Послышался голос Лейтера. Бонд вышел из комнаты и запер дверь.

Он проследовал за Лейтером к машине, ощущая какое-то смутное беспокойство. Он не мог представить себе, что девушке что-нибудь грозит в этом мирном, законопослушном местечке или что Биг Мэн каким-нибудь образом выследил ее здесь, ведь Эвергледз — лишь один из многочисленных лагерей такого рода на острове Сокровищ. Но он с доверием относился к ее исключительной интуиции, и ее нервный срыв несколько обеспокоил его.

Впрочем, при виде Лейтеровой машины все эти мысли вылетели у него из головы.

Бонд любил скоростные автомобили, и ему нравилось водить их самому. Большинство американских марок навевало на него тоску, в них не было индивидуальности, личностного характера, какой свойствен европейским машинам. Это были просто «транспортные средства», все на один лад и одной формы. И даже клаксоны у них звучали одинаково. Они изготавливались, чтобы отслужить свое в течение года, а затем частично пойти в уплату за модель года будущего. А вместе с отказом от рычага переключения скоростей, вместе с введением системы автоматического управления ушло удовольствие от вождения. Того чувства единения шофера с машиной и дорогой, того вызова мастерству и нервам, какие хорошо известны европейскому водителю, здесь, в Америке, уже не испытаешь. В глазах Бонда американские машины представляли собой лишь большие, похожие на жуков, ящики, в которых передвигаешься, положив одну руку на руль, включив радио и манипулируя кнопками, автоматически поднимающими и опускающими окна, чтобы уберечься от сквозняка.

Но у Лейтера был старый «корд», одна из немногих американских моделей, сохранивших чувство собственного достоинства, и Бонд с удовольствием залез в низкий салон, услышал резкий звук переключения передач и рев выхлопной трубы.

«Этой марке, наверное, не менее пятнадцати лет, а выглядит она как одна из самых современных машин в мире», — подумал Бонд.

Они выехали на дамбу и двинулись вдоль застывшей морской полосы, отделяющей остров длиной в двадцать миль от большого полуострова, на котором и располагался Сент-Питерсбург с пригородами.

Едва въехав на Сентрал-авеню, протянувшуюся через весь город к яхт-клубу, главной гавани и большим отелям, Бонд ощутил ту особенность местной атмосферы, которой городок обязан своим прозвищем «Пристанище стариков». У всех людей, толпившихся на тротуарах и сидевших на знаменитых скамейках, так живописно описанных Солитер в разговоре с Бондом, были седые волосы или лысины.

Бонду бросилось в глаза, что дамы о чем-то ворчали, даже не закрывая рта, и старики в рубашках «труменовках», выставив под солнце высохшие руки и плечи, не отставали от них. Чтобы услышать эту оживленную болтовню, сплетни, новости, приглашения на вечернюю партию бриджа, похвальбу письмами от детей и внуков, обсуждение цен в магазинах и мотелях, вовсе не обязательно было находиться среди этих людей. Достаточно увидеть, как трясутся их редкие волосенки, как похлопывают они друг друга по спине, как хихикают и перемигиваются.

Увидев, как Бонд в ужасе закатил глаза, Лейтер заметил:

— Да, прямо в гроб хочется залезть, и пусть заколотят крышку. То ли еще будет, когда выйдем из машины. Если на них сзади упадет твоя тень, они припустят с такой скоростью, будто над ними в банке склонился старший кассир. Кошмар. Вроде как если бы младший клерк неожиданно явился домой в полдень и застал жену в постели с президентом банка. А потом вернулся в банк, и сказал сослуживцам: «Ну, ребята, не знаю, как и вырвался, он чуть не застукал меня».

Бонд рассмеялся.

— Ко всему прочему тут у всех в карманах тикают золотые часы, — продолжал Лейтер. — Тут полно всякого рода дельцов, ломбарды набиты золотыми часами и масонскими кольцами, и еще янтарем да медальонами. Возьми хоть «Ломбард тетушки Милли» — там целая толпа этих стариков и старушек; жуют чизбургеры, глазекуют на прилавки и болтают себе. Впрочем, здесь не только старики. Глянь-ка сюда, — и он указал на огромный щит, рекламировавший одежду для беременных.

— Поехали отсюда, — застонал Бонд. — В конце концов это не входит в наши обязанности.

Они подъехали к набережной, повернули направо и двинулись в сторону стоянки гидропланов и поста береговой охраны. Тут на улицах уже не было

стариканов, открывалась обычная картина гавани — верфи, склады, лавки, перевернутые вверх днищем лодки, сохнувшие сети, доносился крик чаек и весьма специфический запах моря. На фоне большого кладбища, которое представлял собой город, надпись над гаражом — «Пэт Грейди. Смеющийся ирландец. Подержанные автомобили» — напоминала о том, что существует и живой, деятельный мир.

— Пожалуй, остановимся здесь и дальше пойдем пешком, — решил Лейтер. — Грабитель — рядом, через квартал.

Они оставили машину прямо у гавани и пошли мимо дровяного склада, рядом с которым стояли нефтяные цистерны. Обогнув его слева, они снова вышли к морю.

Переулок упирался в узкий, покосившийся от непогоды причал, уходивший на двадцать футов в море. Рядом, по правую сторону, было приземистое железное строение — склад. Над двойной дверью красными буквами по белому полю написано: «Уробурос инкорпорейтед. Рыбные консервы. Кораллы, раковины, морские дары тропиков. Только оптовая продажа». В одну из створок была вделана еще одна дверь, поменьше, с французским замком. На ней надпись: «Только для служащих. Не входить».

На кухонном стуле сидел, прислонившись к стене, мужчина с бейсбольной кепочкой на затылке и зубочисткой в зубах. Он чистил ружье — «ремингтон-30», — подумал Бонд. На мужчине была надета грязная (когда-то белая) майка, обнажавшая пучки темных волос под мышками, мятые полотняные брюки и туфли на каучуке. Было ему лет сорок, лицо такое же морщинистое и изрезанное шрамами, как перила на причале, но тонкое, удивленное и губы тоже узкие, бескровные. Весь он был какого-то желтовато-табачного цвета. Вид мрачный и жестокий, как у злодеев в фильмах об игроках в покер золотых приисках.

Человек даже не поднял головы от своего занятия, когда Бонд и Лейтер прошли мимо него на пирс, но Бонд, уже спиной почувствовал на себе пристальный взгляд мужчины.

— Если это не Грабитель, — сказал Лейтер, словно угадав мысли друга, — то его кровный родственник.

Серый пеликан с бледно-желтой головой уселся на самом краешке причала. Он позволил им подойти почти вплотную, затем неохотно взмахнул крыльями и поднялся в воздух. Они смотрели, как он медленно летит прямо над водой. Внезапно птица стремительно ринулась вниз, выставив вперед клюв. И тут же снова появилась с рыбешкой, которую моментально и заглотила. И снова пеликан взмыл в воздух, продолжая охоту на рыб и ориентируясь по солнцу, так, чтобы не спугнуть их своей большой тенью. Когда Бонд и Лейтер повернулись, чтобы идти назад, птица вновь с шумом уселась на мол и принялась задумчиво озирать окрестности.

Мужчина все еще возился с ружьем, тщательно протирая его промасленной тряпкой.

— Добрый день, — поздоровался с ним Лейтер. — Вы директор этой верфи?

— Допустим, — ответил мужчина, не поднимая взгляда.

— Я хотел бы здесь оставить свою лодку. Стоянка яхт-клуба переполнена.

— Не выйдет.

Лейтер вынул бумажник.

— Как насчет двадцатки?

— Не выйдет. — В горле у него что-то булькнуло, и он сплюнул прямо между Бондом и Лейтером.

— Эй, — сказал Лейтер, — а нельзя ли вести себя поприличнее?

Мужчина помолчал. Потом поднял глаза на Лейтера. Они у него были близко посажены и глядели так же безжалостно, как глаза дантиста.

— А как называется ваша лодка?

— "Сибил", — ответил Лейтер.

— Нет здесь такой лодки, — покачал головой мужчина. Он с лязгом вынул из винтовки затвор. Ствол лежал у него на коленях, мушкой в сторону склада.

— У вас, видно, со зрением не все в порядке, — съязвил Лейтер. — Она здесь уже неделю. Шестьдесят футов в длину, два дизельных двигателя. Белого цвета, с зеленым тентом. Оснащена для рыбной ловли.

Ружье принялось описывать ленивые круги. Левая рука лежала на курке, правая поглаживала ложе.

Все молчали.

Мужчина, не меняя позу, тупо следил за вращениями винтовки.

Дуло покачалось перед животом Лейтера, потом сдвинулось в сторону Бонда. Они стояли, застыв, как статуи, не решаясь и рукой пошевелить. Но вот винтовка застыла, глядя на море. Грабитель быстро вскинул глаза, прищурился и потянул курок. Пеликан протяжно крикнул, и все услышали, как тяжелое тело плюхнулось в воду. Эхо от выстрела разнеслось по всей гавани.

— Это еще зачем, черт побери? — раздраженно спросил Бонд.

— Так, практикуюсь, — ответил мужчина, загоняя новый патрон в патронник.

— Должно быть, в этом городке есть отделение общества защиты животных, — предположил Лейтер. — Пошли туда, пусть знают, что тут творится.

— Неужели вы хотите, чтобы я подал в суд за нарушение права владения? — сказал Грабитель, медленно поднимаясь и подкидывая в руке винтовку. — Это частная собственность. Ну, а теперь, — эти слова он словно выплюнул, — убирайтесь отсюда к чертовой матери. — Он отшвырнул стул, открыл дверь, но у порога остановился. — У вас обоих оружие, я это носом чую. Попробуйте только еще раз появиться здесь и последуете за пеликаном, а я скажу, что это была самозащита. Слишком много тут вас, проклятых ищеек, болтается в последнее время. Как же, «Сибил»! — Он презрительно повернулся и с силой хлопнул дверью.

Бонд с Лейтером обменялись взглядами, и последний мрачно усмехнулся, пожав плечами.

— Первый раунд за Грабителем.

Они двинулись назад по пыльной улочке. Над морем полыхал красный закат. Добравшись до главной дороги. Бонд обернулся. Над дверью зажглась большая лампа, так что все пространство перед входом оказалось ярко освещено.

— Теперь нечего и пытаться выйти отсюда, — заметил Бонд. — Но ведь нет складов, у которых только один выход.

— Вот и я так думаю, — откликнулся Лейтер. — Но это мы оставим для следующего визита.

Они сели в машину и медленно поехали назад по Центральной улице.

По пути домой Лейтер забросал Бонда вопросами по поводу Солитер. В конце концов он небрежно заметил:

— Надеюсь, кстати, ты доволен, как мы устроились?

— Естественно, — бодро откликнулся Бонд.

— Ну и прекрасно, — сказал Лейтер. — Я как раз подумал, что у вас теперь появится двойная фамилия.

— Ты начитался Уинчелла.

— Только помни, — вставил Лейтер, — что стены в этих домиках тонкие. И я ушами слушаю, а не ношу на них следы помады.

Бонд поспешно вытащил платок.

— Что это ты делаешь? — невинно спросил Лейтер, глядя, как Бонд усердно трет ухо. — Я вовсе не имел в виду, что у тебя что-то с ушами — с ними все в порядке. Однако же...

Он ткнул Бонда в ребро, и оба покатались со смеху. В том же смешливом

настроении они доехали до дома. На лужайке их встретила суровая миссис Стьювесант.

— Прощу извинить меня, мистер Лейтер, — грозно произнесла она, — но, боюсь, что я не смогу позволить здесь музыкальных концертов. Люди приезжают сюда отдыхать.

Они изумленно посмотрели на нее.

— Извините, миссис Стьювесант, — сказал Лейтер, — но я, право, не понимаю, о чем речь.

— О радиоприемнике, который вы велели доставить сюда. Грузчики едва протиснулись в дверь — таких он размеров.

14. Девушка не оказала большого сопротивления

Когда Лейтер и Бонд, оставив растерянную управляющую на лужайке, примчались к своему коттеджу, комната Солитер оказалась в полном порядке, только простыня немного смята.

Замок сбить ничего не стоило, и вот на пороге вырастают двое с оружием в руках.

— Пошли, леди. Одевайтесь. Да не вздумайте шутить, а то хуже будет.

Затем они заткнули ей рот клепом, запихнули в ящик и заколотили его гвоздями. У задней стены домика остались следы от грузовика. А у входа, почти целиком загораживая его, действительно стоял огромный радиоприемник. Подержанный, наверняка не дороже полсотни долларов. Бонд легко представил себе выражение безумного страха на лице девушки, когда Солитер увидела взломщиков. Он выругался про себя — как можно было оставлять ее одну! Но совершенно непонятно, каким образом они выследили так быстро. Вот еще один пример того, как работает мистер Биг и его компания.

Лейтер уже звонил в местное отделение ФБР.

— Аэропорты, вокзалы, шоссе, — говорил он. — Сейчас позвоню в Вашингтон, и вы получите официальные указания. Не сомневаюсь, что этому делу будет придано первостепенное значение. Большое спасибо. Буду звонить. Хорошо.

Он повесил трубку.

— Слава Богу, они сразу возьмутся за дело, — обратился он к Бонду, который тупо уставился куда-то в морскую даль. — Двоих они посылают сразу, а потом раскинут, насколько возможно, самую широкую сеть. Я переговорю с Нью-Йорком и Вашингтоном, а ты тем временем постарайся выудить подробности у старушенции. Точное время, приметы и так далее. Лучше сказать, что это было ограбление, а Солитер скрылась вместе со взломщиками. Так ей будет понятнее. Давай представим это обычной гостиничной кражей. Скажи, что полиция уже ищет преступников и что к администрации у нас претензий нет. Скандал старухе ни к чему. Согласен?

Бонд кивнул. «Скрылась со взломщиками». Исключить этого нельзя. Но почему-то Бонд не верил в это. Он вернулся в комнату Солитер и тщательнейшим образом осмотрел ее. Еще не до конца улетучился запах духов, напомнивший Бонду о недавнем путешествии. В шкафу лежали шляпа и вуаль, а в ванной — туалетные принадлежности. Вскоре он нашел ее сумку, убедился, что был прав, доверяя девушке. Сумка оказалась под кроватью, и он ясно представил себе, как она незаметно заталкивала ее туда под дулами пистолетов. Он вытряхнул содержимое на кровать и ощупал сумочку. Потом вынул из кармана перочинный нож и сделал несколько легких надрезов. Действительно — пять тысяч долларов. Он спрятал их в бумажник. Так будет надежнее. Если мистер Биг прикончил ее, что ж, деньги понадобятся, чтобы отомстить за ее смерть. Со всей возможной тщательностью он

уничтожил следы надрезов, вернул в сумочку содержимое и затолкнул ее на прежнее место, под кровать.

Затем он направился в контору. Было уже восемь вечера, и персонал ушел. Бонд с Лейтером пропустили по одной, а потом пошли в столовую, где с десяток гостей кончали ужинать. Они поймали на себе любопытствующие, немного испуганные взгляды. Что этим довольно-таки подозрительным типам здесь надо? А женщина где? И чья она жена? И что, собственно, произошло нынче вечером? Бедная миссис Стьювесант выглядит совсем расстроенной. К тому же, что, они не знают, что ужин в семь? Кухня заканчивает работу. Тем хуже для них — будут есть холодное. Надо уважать чужой труд и чужое время. Миссис Стьювесант говорила, что это, наверное, правительственные чиновники из Вашингтона. Ну и что им здесь надо?

Все сошлись на том, что нечего им здесь делать и что они могут только испортить репутацию узкого круга здешних клиентов. Бонда и Лейтера проводили к неудобному столику, прямо у входа на кухню. Ужин был стандартный: томатный сок, вареная рыба в белом соусе, кусок мороженой индейки с клюквенной подливкой и творожная масса в сметане. Они принялись мрачно поглощать все это. Тем временем стариканы один за другим уходили, прислуга начала выключать настольные лампочки. Завершающим штрихом ужина стала чашечка для ополаскивания рук, в которой плавал лепесток гибискуса.

Бонд ел молча. Когда ужин был закончен, Лейтер через силу улыбнулся.

— Пошли напьемся, — предложил он. — Отметим скверный конец дня, который был еще хуже. Или, может, хочешь сыграть в бинго со стариканами? Я смотрю, там нечто вроде турнира.

Они вернулись к себе и мрачно уселись за стол, потягивая виски и глядя на песчаный пляж, отсвечивавший под полной луной белизной цвета человеческой кости. За ним расстился бесконечный черный залив. Выпив достаточно, чтобы отогнать дурные мысли, Бонд пожелал приятелю спокойной ночи и отправился в комнату Солитер, в которой решил переночевать. Он лег на постель, казалось, еще хранившую тепло тела девушки, и перед тем, как заснуть, принял твердое решение: ранним утром он отправится к Грабителю и любой ценой выколотит из него правду. Он был слишком занят своими мыслями, чтобы обсуждать этот план с Лейтером, к тому же Бонд был и без того убежден, что Грабитель сыграл немалую роль в похищении Солитер. Он вспомнил жестокий взгляд этого человека и бледные тонкие губы. И вдобавок тощая шея, которая, как у черепахи из панциря, высывалась прямо из грязного воротника рубахи. Бонд почувствовал, как под одеялом мощно напряглись мышцы. Он сбросил напряжение и заснул.

Проснулся он в восемь, взглянув на часы, выругался. Наскоро принял душ, сначала горячий, потом ледяной и, обернувшись полотенцем, пошел к Лейтеру. Несмотря на задернутые шторы, в комнате было достаточно светло, чтобы убедиться, что тут никто не ночевал.

Бонд решил, что Лейтер прикончил бутылку и улегся спать на кушетке в гостиной. Туда он и пошел, но и гостиная была пуста. На столе, лишь наполовину опорожненная, стояла бутылка виски, а вокруг валялась масса окурков. Бонд подошел к окну, поднял шторы и распахнул ставни. Стояло прекрасное утро, но Бонд едва заметил это, сразу же отступив в глубину комнаты, и вдруг увидел конверт, который лежал на стуле рядом с дверью, куда вошел Бонд. В конверте была записка, нацарапанная карандашом:

"Что-то не спится. Сейчас около пяти утра. Пройдусь к рыбоконсервному заводу. Да и я вообще ранняя птаха. Странно, что этот снайпер был там, когда похищали Солитер. Словно он знал о нашем присутствии в городе и готов был ко всему, если затея провалится. Если не вернусь к десяти, звони в полицию. Тампа 88.

Феликс".

Бонд не стал ждать. Еще бреясь и одеваясь, он заказал кофе с гренками и такси. Обжигая рот, проглотил содержимое чашки и через десять минут был у выхода. В этот самый момент в гостиной зазвонил телефон. Бонд вернулся.

— Мистер Брайс? Говорят из больницы Маунд Парк. Отделение скорой помощи. Доктор Роберте. У нас тут некий мистер Лейтер, он справляется о вас. Можете приехать прямо сейчас?

— Боже мой, — испуганно воскликнул Бонд. — А что с ним? Он в опасности?

— Нет, нет, ничего страшного, — послышался ответ. — Попал под автомобиль. Водитель, кажется, скрылся. У вашего друга легкая контузия. Так как, можете приехать? Он хочет вас видеть.

— Разумеется, — с облегчением сказал Бонд. — Выезжаю.

«Что там, черт возьми, могло случиться, — раздумывал он по пути. — Должно быть, избили и бросили на дороге. Хорошо хоть так, могло быть хуже».

При повороте на дамбу мимо проехала карета «скорой помощи» с включенной сиреной.

«Еще какая-то беда, — подумал Бонд. — Все время сталкиваешься с каким-нибудь несчастьем».

Они пересекли весь Сент-Питерсбург по Седьмой авеню и свернули как раз там, где они с Лейтером сворачивали вчера. Подозрения Бонда усилились, когда выяснилось, что больница находится всего в паре кварталов от «Уробурос».

Бонд расплатился с таксистом и взбежал по ступенькам массивного здания. В углу просторного холла была регистратура. За столом сидела симпатичная сестра, погруженная в чтение рекламного раздела местной газеты.

— Мне нужен доктор Роберте, — обратился к ней Бонд.

— Доктор кто? — переспросила девушка, сочувственно глядя на него.

— Доктор Роберте из отделения скорой помощи, — нетерпеливо повторил Бонд. — Пациента зовут Лейтер. Феликс Лейтер. Доставлен сегодня утром.

— У нас нет доктора Робертса, — сказала девушка, и, пробежав глазами список, лежащий на столе, добавила: — И нет пациента по фамилии Лейтер. Минуту, я позвоню в палату. Как, извините, ваше имя?

— Брайс, Джон Брайс.

На лбу у Бонда выступили крупные капли пота, хоть в холле и было прохладно. Он отер о брюки влажные ладони, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. Да нет, эта скверная девчонка просто не знает своего дела. Слишком хорошенькая для того, чтобы быть медсестрой. Тут нужен более толковый работник. Он сжал зубы, прислушиваясь к тому, как она щебечет по телефону.

Девушка положила трубку.

— Весьма сожалею, мистер Брайс. Это какое-то недоразумение. Ночью не было никаких происшествий, и никто не знает, кто такие доктор Роберте и мистер Лейтер. Может, вы просто не в ту больницу попали?

Бонд молча повернулся и, стирая пот с лица, пошел к выходу. К счастью, как раз подъехало такси. Бонд велел ехать в Эвергледз, да поживее. Ясно одно: Лейтера схватили, а его, Бонда, удалили из дома. Понять смысл происходящего Бонд не мог, но ясно было, что дела идут скверно, инициативу вновь перехватили мистер Бит и его организация.

Увидев подъезжавшее такси, миссис Стьювесант заспешила навстречу Бонду.

— Ваш бедный Друг, — сказала она без всякого сочувствия. — Ему следовало бы быть повнимательнее.

— Да, разумеется, миссис Стьювесант. А что случилось? — нетерпеливо спросил Бонд.

— Сразу как вы уехали, появилась машина «скорой помощи». — Даже по глазам женщины можно было сказать, что новости у нее дурные. — Похоже, мистер Лейтер

попал в автокатастрофу. Пришлось доставить его сюда в карете «скорой помощи». У них за главного очень симпатичный цветной. Он сказал, что с мистером Лейтером ничего страшного, но его ни в коем случае нельзя беспокоить. Бедняга. Все лицо в бинтах. Сказали, что первая помощь оказана, а доктор будет позже. Если могу чем-нибудь быть полезна..

Бонд не дослушал. Он помчался через лужайку коттеджу и ворвался к Лейтеру в комнату.

На кровати виднелись очертания мужского тела. Оно было покрыто простыней. Ни малейшего признака жизни.

Наклонясь над изголовьем. Бонд стиснул зубы. Может, хоть легкое движение удастся уловить?

Он сорвал простыню с лица. Но лица не было. Только какой-то куль из грязных бинтов, напоминающий белое осиное гнездо.

Бонд осторожно потянул простыню дальше. Снова бинты, еще грубее повязанные, сквозь них проступают рыжие пятна крови. А затем горловина мешка, заключающего нижнюю часть тела. Все пропитано кровью.

Из щели на том месте, где должен быть рот, высовывается клочок бумаги.

Бонд вырвал его и наклонился. Щеки его коснулось едва ощутимое колебание воздуха. Он рванул трубку телефона Людям в Тампе не сразу удалось объяснить, что к чему. Но затем они по тону поняли, что дело серьезное, и обещали быть через двадцать минут.

Бонд положил трубку и невидяще взглянул на бумагу. Это был клочок обертки. Большими буквами карандашом нацарапано:

«Он не поладил с тем, что его сожрало» И внизу помельче:

«Постскриптум: у нас полно еще и не таких шуток» Медленно, как лунатик, Бонд положил записку на ночной столик и вернулся к кровати. Он боялся даже прикоснуться к телу — а что если слабое дыхание прервется. Но кое-что надо все же выяснить. И он принялся с максимальной осторожностью разбинтовывать повязку на голове. Показались клочья волос. Они были влажные. Бонд приложил палец к губам и ощутил вкус соли. Он вырвал пару волосков и пригляделся. Сомнений больше не было.

Он вспомнил выцветшие, соломенного цвета волосы, копной нависавшие над серыми насмешливыми глазами, он вспомнил чуть скошенное, ястребиное лицо техасца, с которым они свершили столько славных дел. Запихав прядь волос под повязку, он сел на край другой кровати и грустно посмотрел на тело своего друга, раздумывая, что от него могло остаться.

Появились два детектива и полицейский хирург, и Бонд совершенно бесцветным голосом рассказал все, что ему было известно. Сразу после звонка Бонда они послали на пирс, к Грабителю, группу полицейских, и теперь с минуты на минуту ожидали доклада. Хирург тем временем занимался своим делом в соседней комнате.

Закончив осмотр, он вернулся в гостиную. Вид у него был весьма озабоченный. Бонд вскочил на ноги, и хирург, устало опустившись в кресло, взглянул на него.

— Я думаю, выживет, — сказал он. — Впрочем, шансы у него — пятьдесят на пятьдесят. Да, беднягу отделали на совесть. Нет руки, нет ног до колен. Лицо — сплошное месиво, но тут пострадал только кожный покров. Хотел бы я знать, кто это сделал. Единственное, что приходит в голову, — животное или большая рыба. В общем, кто-то или что-то рвало его на части. В больнице после осмотра картина прояснится. Должны остаться следы от зубов, кому бы они ни принадлежали. «Скорая помощь» будет с минуты на минуту.

Наступило мрачное молчание, которое прерывало дребезжание телефона. «Нью-Йорк, Вашингтон. — Полиция Сент-Питерсбурга возмущалась. Что, черт

побери, творится на верфи?» Но ей велели не совать нос в это дело, так как этим занимаются федеральные власти.

Наконец появился лейтенант, начальник отряда, посланного к Грабителю.

Они там все прочесали, но не нашли ничего, кроме холодильников с рыбой и ящиков с кораллами и раковинами. Грабитель и еще двое, которые приглядывали за насосами и температурой нагрева воды, арестованы и подвергнуты часовому допросу. Алиби у них, казалось, было железное. Грабитель возмущенно потребовал вызвать адвоката, и когда тот появился, всех сразу пришлось отпустить. Обвинений не было и не могло быть. Со всех сторон тупик, разве что в миле отсюда, рядом с яхт-клубом обнаружили машину Лейтера. Полно отпечатков, но к этим троим они не имели никакого отношения. Идеи?

— Пока ничего, — сказал старший офицер, представившийся капитаном Фрэнксом. — Никуда не отлучаться. Вашингтон приказал взять этих парней во что бы то ни стало. Ночью сюда вылетают лучшие розыскники. Так, пора связаться с полицией. Пусть задействуют своих ребят из Тампы. Это не только местное дело. Ладно, пока.

Было три часа пополудни. Приехала из полиции «скорая» и тут же умчалась, взяв хирурга и тело, в котором едва теплилась жизнь. Уехали и двое полицейских, пообещав держать Бонда в курсе дела. А у него какие планы? Бонд отвечал уклончиво. Сказал, что надо переговорить с Вашингтоном. А пока нельзя ли взять машину Лейтера? Да, ее доставят, как только будут пересняты все отпечатки.

Распровавшись с ними, Бонд задумался. На кухне было полно сандвичей, Бонд закусил немного и приготовил крепкий коктейль.

Зазвонил телефон. Междугородный. Начальник отдела ЦРУ, в котором работает Лейтер. Смысл сказанного им заключался в том, что Бонду немедленно надо отправиться на Ямайку. Все очень вежливо. Да, они уже связывались с Лондоном, там не возражают. Что передать Лондону, когда Бонд вылетит на Ямайку?

Бонд знал, что завтра будет рейс Транскарибской компании через Нассау и решил лететь им. Какие-нибудь новости? О, да. Господин из Гарлема и его подружка отбыли ночью самолетом в Гавану. Частный рейс из местечка на восточном побережье под названием Веро Бич. Документы в порядке, а чартерная компания такая незаметная, что ФБР, устанавливая наблюдение за аэропортами, даже и не подумало обратить на нее внимание. Агент ЦРУ на Кубе подтвердил прибытие. Да, скверно. Да, «Секатур» все еще там. Время отправления неизвестно. Да, ужасно жаль Лейтера. Отличный работник. Надеюсь, выкарабкается. Стало быть, Бонд будет на Ямайке завтра? Отлично. Чертовски жаль, что все так складывается. Всего.

Бонд вынул пистолет, прочистил его, и стал ожидать наступления темноты.

15. Ночью с червями

Около шести Бонд упаковал чемодан и расплатился. Миссис Стьювесант распрощалась с ним с явным облегчением. Со времени последнего урагана в Эвергледзе не было таких волнений.

Машину Лейтера оставили на бульваре. Бонд поехал в город. Он остановился у скобяной лавки и сделал кое-какие покупки. А потом съел поистине гигантский бифштекс с жареной картошкой, запив его четвертью пинты пива и двумя чашками очень крепкого кофе. Заправившись таким образом, он немного взбодрился.

До десяти он переваривал съеденное и выпитое. Потом принялся изучать карту города. Покончив с этим занятием, Бонд сел в машину, сделал большой крюк и в конце концов остановился в квартале от дома Грабителя. Он подогнал машину к самой кромке берега и вышел.

Светила яркая луна, здания и склады отбрасывали огромные тени. Никого

вокруг, казалось, не было, и ни звука, только мелкие волны тихонько набегали на прибрежные камни, да вода плескалась под настилами.

Вдоль берега шла невысокая стенка шириной фута в три. Она тянулась на сотню с лишним ярдов, как раз отделявшие Бонда от темных очертаний «Уробураса». Бонд влез на стенку, и осторожно двинулся вперед. Слева от него были здания, справа — море. Чем ближе он подходил, тем слышнее становился высокий жалобный вой, а когда Бонд соскочил на цементный пол позади склада, вой перешел в приглушенный визг. Нечто в этом роде Бонд ожидал услышать. Звук исходил от воздушных насосов и обогревательного оборудования, которое, Бонд знал, было необходимо, чтобы рыбы не передохли ночью, когда резко холодает. Он также был уверен, что крыша окажется стеклянной — проницаемой для дневного света; а также, что все помещение будет хорошо вентилироваться.

Так и оказалось. Вся южная стена склада в верхней своей части, примерно на уровне его роста, была сделана из стекла, большая крыша — тоже, и сквозь нее внутрь проникали лунные лучи. Высоко над головой — не достанешь — были распахнуты в ночь широкие створки окон. Как предполагали Бонд с Лейтером, обнаружилась и маленькая дверца внизу, но она была заперта на замок и задвижку, а какие-то свинцовые проволоочки около петель указывали на наличие охранной сигнализации.

Впрочем, дверь Бонда не интересовала. Чутье с самого начала подсказывало ему, что пробираться придется через стекло, и он подготовился соответствующим образом. Он огляделся в поисках какого-нибудь предмета, на который можно встать. Всякой дряни и мусора здесь было полно, так что искать долго не пришлось. Это оказалась старая шина. Он подкатил ее к стене и снял башмаки.

Под низ пришлось подложить кирпичи — для устойчивости. Мерный звук насосов создавал ощущение защищенности, и Бонд принялся за работу, орудуя небольшим стеклорезом, который он вместе с замазкой купил перед обедом. Сделав два глубоких вертикальных надреза, он положил на стекло плотный слой замазки, придав ей форму выступа. А затем принялся за боковины подоконника.

Не прекращая работы, Бонд выглянул наружу и увидел огромную территорию, залитую лунным светом. Виднелись бесконечные ряды баков на деревянных подставках. Пройти между ними почти невозможно, но в центре помещения проход пошире. Под козлами стояли другие баки и тянулись желоба, проделанные в полу. Прямо под ними из стены выступали ряды полок с морскими раковинами. Большинство баков были темными, но в иных виднелись лучики света, которые, преломляясь в пузырях, поднимались из водорослей и с песчаного дна. Над каждым из баков подвешена легкая металлическая пластина, и Бонд решал, что их поднимают, чтобы загрузить в бак улов либо удалить отбросы. Это было окно в странный мир и в странный род деятельности. Только подумать, как извиваются ночами все эти черви, угри, рыбы, как из сотен жаберных щелей доносятся недоступные человеческому уху звуки и множество живых антенн, не останавливаясь ни на мгновение, передают эти тонюсенькие сигналы дремлющим нервным окончаниям.

После четверти часа тщательной обработки Бонд услышал негромкий треск, и стекло легко поддалось, повиснув на замазке, как на крючке.

Он слез и аккуратно положил стекло на землю, подальше от шины. Затем обернул башмаки рубашкой. У него только одна здоровая рука, так что предосторожность не помешает. Бонд прислушался. По-прежнему раздавался лишь шум насосов. Он поднял голову — может, какое облачко скроет луну? Но нет, небо было абсолютно чистое, только звезды раскинули свой яркий шатер. Бонд снова взобрался на шину и пролез наполовину в проделанное им отверстие.

Развернулся, ухватился за металлическую перекладину над головой и, перенеся

тяжесть тела на руки, выбросил вперед ноги, так что они лишь на несколько дюймов не дотянулись до полки с раковинами. Отжимаясь на руках, он в конце концов уперся в ребристую поверхность раковин и принялся отодвигать их, чтобы расчистить поверхность по всей ширине полки. Потом осторожно стал на ноги. Полка выдержала, а через мгновение Бонд был уже на полу, внимательно вслушиваясь, не раздастся ли какой звук помимо шума насосов. Но ничего подозрительного не было слышно. Он развернул башмаки со стальными носами (дополнительное оружие), поставил их на полку и двинулся по бетонному полу, освещая себе путь карманным фонариком в форме карандаша.

Бонд попал в помещение, где стояли аквариумы, и, наклоняясь, чтобы разобрать надписи, улавливал яркие вспышки, идущие из глубины объемистых сооружений, а порой сокровище из плоти и крови приходило в движение и испуганно бросалось от него в сторону.

Кого тут только не было — меченосцы, гуппи, неоны, бурбусы, данио, а также множество видов золотых рыбок. Ниже во вделанных в пол и покрытых проволоочной сеткой аквариумах располагались всяческие моллюски: мидии, креветки, устрицы и так далее. Мириады крошечных глазок впились в Бондов фонарик.

Ощущался острый запах мангрового дерева, а температура приближалась, должно быть, к семидесяти по Фаренгейту. Бонд слегка вспотел, его неудержимо потянуло назад, на свежий ночной воздух.

Он уже приближался к проходу, рассекавшему помещение надвое, когда наткнулся, наконец, на то, что искал: ядовитые рыбы. Прочитав о них в досье Главного полицейского управления в Нью-Йорке, он решил, что неплохо бы побольше узнать об этой стороне занятой деятельности компании «Уробурос Инкорпорейтед».

Здесь резервуары были поменьше, и, как правило, в каждом содержался лишь один вид. Глаза, холодные и полуприкрытые, наблюдали за Бондом равнодушно: у одного из пасти торчал обнаженный клык, у других к хвосту немного раздваивался позвоночник.

На каждом аквариуме нарисованы мелом череп и скрещенные кости и большими буквами написано: «Смертельно опасно», «Держись подальше».

Тут была по меньшей мере сотня аквариумов различных размеров от крупных, вмещающих электрических скатов, до относительно небольших, где помещались угри, ильные рыбы, обитающие в Тихом океане, и страшные вест-индские рыбы-скорпионы, каждый из шипов которых представлял собою мешочек с ядом, с таким же сильным действием, как у гремучей змеи.

Бонд прищурился, заметив, что примерно половину всех этих аквариумов занимал толстый слой ила или песка.

Он подошел к аквариуму, где плавала рыба-скорпион в шесть дюймов длиной. Он немного знал о повадках этих страшных существ, например, то, что первыми они не нападают и яд выпускают только при соприкосновении.

Верхний край аквариума приходился Бонду по пояс. Он вытащил из кармана купленный в этот же день острый нож и отогнул длинное лезвие. Затем нагнулся над аквариумом и, засучив до локтя рукав, направил нож прямо в середину покато́й головы, между глаз. Как только рука коснулась поверхности воды, белые шипы угрожающе поднялись и крапчатое брюшко окрасилось в бурый цвет. Широкие стрелчатые грудные плавники слегка приподнялись.

Бонд сделал резкий выпад вперед, корректируя удар по отражению на поверхности воды. Он попал прямо в приподнятую голову. Рыба яростно ударила хвостом, и Бонд медленно подтянул ее к себе, вытащил из аквариума, отступив в сторону, швырнул на пол, где она продолжала биться и подпрыгивать, хоть голова ее и была рассечена надвое.

Бонд наклонился и запустил руку в ил.

Точно, они были здесь. Предчувствие не обмануло его насчет ядовитой рыбы. Глубоко внизу под слоем ила Бонд нащупал монеты, они стояли столбиком, в плоской банке, как в кассе. Он вытащил одну монету и очистил ее, а заодно руку от ила. Посветил на кружок. Монета была большая, величиной в современный пятак, и почти такой же толщины, только золотая, с выбитым изображением Филиппа II и силуэтом испанского оружия.

Бонд прикинул размер аквариума. В таком могут поместиться тысячи монет, и ни один таможенник не подумает сюда заглянуть. От десяти до двадцати тысяч долларов под охраной единственного Цербера с ядовитым клыком. Вот груз, доставленный «Секатором» на прошлой неделе. Сто аквариумов. Выходит, сто пятьдесят тысяч долларов золотом за рейс. Вскоре аквариумы будут погружены в фуры, и где-нибудь по дороге люди, вооруженные щипцами в резиновой оболочке, вытащат этих гадин и бросят их обратно в море, либо уничтожат. Воду выльют, ил выбросят, а золотые монеты промоют и погрузят в мешки. Затем мешки отправятся к перекупщикам, и тонкой струйкой деньги потекут на рынок, причем каждая монета будет строго учтена компанией Биг Мэна.

Вот практическое воплощение философии мистера Бига. Отличная, технически совершенная, почти полностью исключаящая риск схема.

«Да, можно только восхищаться», — подумал Бонд. Он нагнулся, проткнул рыбий бок и бросил ее назад в аквариум. Совсем ни к чему, чтобы противник знал, что секрет его раскрыт.

Он уже отходил от аквариума, когда на складе внезапно вспыхнул свет и раздался резкий повелительный голос:

«Не двигаться!» Нырнув под аквариум. Бонд успел заметить длинную фигуру Грабителя. Тот стоял в двадцати ярдах, у главного входа, и глядел в прорезь прицела. Стремительно наклоняясь, Бонд лишь молил Бога, чтобы Грабитель промахнулся и чтобы нижний аквариум оказался закрытым. Бог услышал его молитвы. Аквариум закрывала металлическая сетка. Бонд с размаху прыгнул на нее, пополз в следующий проход, и тут что-то ударило ему в грудь. От выстрела разлетелся на куски аквариум и из него хлынула вода.

Бонд со всех ног помчался, лавируя между аквариумами, к своему единственному укрытию. Нырять за угол, он услышал очередной выстрел, и рядом с ним брызнул стеклянным дождем другой аквариум.

Теперь он был в противоположном от Грабителя конце склада.

Их разделяло полсотни ярдов. До окна на другой стороне прохода ему никак не дотянуться. Бонд постарался отдышаться и собраться с мыслями. Ясно, аквариумы защищают только верхнюю часть тела, а в остальном, мелькая в узких проходах между окнами, он представляет собой отличную мишень. Но оставаться на месте в любом случае нельзя. Подтверждение не замедлило последовать: пуля пролетела у него прямо между ног, и куски от разбитой раковины зажужжали вокруг, как потревоженные осы. Бонд помчался вправо, и рядом опять взвизгнула очередная пуля. Она ударилась в пол и срикошетила в гигантскую бутылку, где шевелились моллюски; бутылка раскололась, ее содержимое вывалилось на пол. Огромными шагами Бонд бросился назад. Пересекая центральный проход, он вытащил «беретту» и дважды наугад выстрелил. Бонд увидел, как над головой Грабителя разлетелся аквариум, и тот поспешил в укрытие. Раздался крик, заглушенный грохотом разбившегося стекла и вытекающей воды. Бонд злорадно ухмыльнулся.

Он молниеносно опустился на колено и дважды выстрелил, целя Грабителю в ноги, но пятьдесят ярдов — слишком большое расстояние для его малокалиберного пистолета. Разбился еще один аквариум, а вторая пуля вообще попала во входную дверь.

Грабитель снова начал стрелять, а Бонд мог только уворачиваться. В конце концов пуля раздробила ему коленную чашечку.

Время от времени он отвечал отдельными выстрелами, чтобы удержать Грабителя на месте, но ясно было, что сражение проиграно. У противника патронов, похоже, сколько угодно, а у Бонда остались только два в магазине да одна запасная обойма в кармане.

Задевая на бегу тела экзотических рыб, безумно извивающихся на бетонном полу. Бонд подумал даже, не использовать ли в качестве метательного снаряда тяжелые королевские раковины. Попробовал. Упав в аквариум рядом с Грабителем, они подняли целую бурю, но это только добавило шума в замкнутом пространстве, ограниченном стенами из гофрированного железа, толку от этого не было, конечно, никакого. «Может, выстрелить в лампу, — подумал Бонд, — но их тут по меньшей мере двадцать».

Наконец Бонд решил прекратить все это. У него в запасе был еще один трюк. Смена тактики в этой смертельной игре давала больше шансов, чем изнурительное метание раковин на проигрышной стороне площадки.

Проскакивая мимо аквариумов, один из которых, совсем рядом с ним, был уже разбит, он толкнул его на пол. В нем еще оставались сиамские боевые рыбки. При падении остатки стеклянного ящика произвели оглушительный шум. Бонду это было на руку. Подставка освободилась и, молниеносным рывком сорвав свои ботинки, Бонд отпрыгнул назад и выпрямился.

Мишень на мгновение исчезла, выстрелы прекратились, и наступила тишина, нарушаемая лишь вздохами насоса, звуками воды, вытекающей из разбитых аквариумов, да трепетом подыхающих рыб. Бонд надел башмаки и крепко завязал шнурки.

— Эй, англичашка, — лениво окликнул Грабитель, — вылезай, а то я примусь за лимонки. Я готовился к этой встрече, так что в запасе у меня много чего есть.

— Да, похоже, надо сдаваться, — прокричал в ответ Бонд, сложив руки «лодочкой». — Но только потому, что ты размозжил мне колено.

— Стрелять не буду, — продолжал Грабитель. — Бросай оружие и выходи на середину, только руки не забудь поднять. Тогда мы спокойно потолкуем.

Спрыгивая на пол, Бонд застонал и, подняв руки на уровень плеч, приволакивая левую ногу, с трудом захромал к проходу и остановился, немного не доходя. «Беретта» со звоном упала на пол. Бонд вытащил из кармана золотую монету и зажал ее в загипсованной левой ладони.

Грабитель, пригнувшись, целя Бонду в живот, медленно двинулся в его сторону. Приблизившись ярдов на десять, он остановился, небрежно поставив ногу на какую-то выпуклость в бетонном полу.

— Выше, — хриплым голосом приказал он, взмахнув стволом винтовки.

Бонд застонал и немного поднял руки, как бы защищая лицо.

Сквозь пальцы он заметил, как нога Грабителя резко дернулась. Послышался слабый щелчок, словно открылась какая-то задвижка. У Бонда блеснули прикрытые руками глаза, напряглись мышцы лица. Теперь он знал, что случилось с Лейтером.

Грабитель придвинулся, его жилистая фигура прикрывала то место, где он только что останавливался.

— Ради Бога, — сказал Бонд, — я должен присесть. Ноги не держат.

Грабитель отступил на несколько шагов. — Нет уж, постоишь, а я задам тебе несколько вопросов. — Он обнажил пожелтевшие от табака зубы. — А потом уж ляжешь — надолго. — Грабитель внимательно посмотрел на Бонда. Бонд согнулся. Прикидываясь беспомощным, он тщательно, до дюйма высчитывал расстояние.

— Ах ты, мерзкая ищейка, — начал Грабитель.

В этот момент Бонд разжал пальцы, и золотая монета зазвенела по полу.

На долю секунды Грабитель перевел взгляд вниз, но этого оказалось достаточно, чтобы Бонд резко выбросил вперед правую ногу. От удара у Грабителя едва не вылетела из рук винтовка. И в тот самый момент, когда он нажал на спуск, а пуля, не причиняя Бонду никакого вреда, ударилась в стеклянный потолок, Бонд рванулся вперед, и нанес противнику мощный удар обеими руками в живот.

Удар пришелся во что-то мягкое. Послышалось утробное рычание. Боль пронзила левую руку, и Бонд едва не застонал, почувствовав, как приклад с силой опустился ему на спину, но он не отпустил противника и не обращал внимания на боль. Опустив голову, Бонд замолотил противника обеими руками, стараясь отшвырнуть его назад. Почувствовав, что Грабитель теряет равновесие, Бонд слегка разогнулся и снова пустил в ход ботинок со стальным носком. Удар пришелся Грабителю в коленную чашечку. Послышался страшный крик, и Грабитель, стараясь удержаться на ногах, выпустил наконец ружье. Он уже падал, когда мощным апперкотом Бонд отбросил его еще на несколько футов назад.

Тот рухнул как раз посреди прохода, напротив — сейчас это было хорошо видно — откинутой задвижки.

Под тяжестью упавшего тела секция пола, повернувшись вокруг оси, резко отошла в сторону, и Грабитель почти исчез в черной пасти вделанной в бетон двери-ловушки.

Почувствовав, что проваливается. Грабитель издал крик ужаса, и пальцы его заскребли по полу, в поисках хоть какой-нибудь опоры. Ему удалось ухватиться за край — и вовремя: тело уже провалилось, и шестифутовая бетонная панель, замедляя вращение, застыла на прямоугольных опорах, поддерживающих ее с обеих сторон.

Опустив руки. Бонд немного отдышался. Затем справа подошел к разверстой дыре и заглянул вниз.

Зубы Грабителя выбивали дробь, глаза бешено вращались, перекосившееся от ужаса лицо было обращено к Бонду.

Бонд, не замечая его, вгляделся в открывшееся пространство, но ничего не увидел. Однако же слышался плеск воды о фундамент здания и виднелось слабое свечение. «Наверное, тут есть выход к морю через решетку, либо проволочную сетку», — решил Бонд.

Сквозь звуки слабеющего голоса Грабителя Бонд расслышал, как внизу что-то шевелится, потревоженное светом. «Рыба-молот либо тигровая акула», — подумал Бонд.

— Вытащи меня, отсюда, приятель. Дай мне шанс. Вытащи. Долго я так не продержусь. Я сделаю все, что скажешь. Все расскажу. — В хриплом голосе Грабителя звучала мольба.

— Что с Солитер? — Бонд посмотрел вниз в расширившиеся от ужаса глаза молящего о пощаде.

— Это Биг Мэн. Он приказал мне выкрасть ее. Я послал двоих из Тампы. Звать их Бутч и Лайфер. Это сторожа в спортивном клубе. С ней все в порядке. Вытащи меня, приятель.

— А что с американцем, Лейтером? Умоляющий взгляд.

— Ему просто не повезло. Он разбудил меня рано утром, сказал, что склад горит. Мол, заметил огонь, проезжая мимо. Он заставил меня привести его сюда. Хотел обыскать это помещение. И попал в ловушку. Несчастный случай. Клянусь, он сам виноват. Но мы успели вытащить его. Он выкарабкается.

Бонд холодно посмотрел на побелевшие пальцы, отчаянно цепляющиеся за острый край бетонного пола. Он не сомневался, что Грабитель откинул задвижку и каким-то образом заманил Лейтера в ловушку. Он прямо-таки слышал торжествующий хохот этого типа, когда пол провалился под Лейтером, видел

жестокую усмешку, с которой он карябает записку и запихивает ее в бинты, которыми обернули полусъеденное тело.

На момент его захлестнула слепая ярость.

Он с силой ударил дважды.

Из глубины донесся короткий крик. Затем всплеск — и великое молчание моря.

Бонд вернулся к двери-ловушке и толкнул поднятую бетонную плиту. Она легко повернулась вокруг своей оси.

Перед тем как плита стала на свое место, закрывая черную бездну. Бонд услышал устрашающее хрюканье, будто чавкает гигантских размеров кабан. Бонду был знаком этот звук — его издает акула, когда ее отвратительная морда высовывается из воды, а серповидные челюсти смыкаются на проплывающем мимо предмете. Бонд содрогнулся и одним ударом загнал задвижку на место.

Он поднял с пола монетку и «беретту», прошел к выходу и на секунду обернулся, обозревая поле битвы.

Похоже, ничто не свидетельствует о том, что тайна сокровища открыта. Верхняя часть аквариума, в котором была рыба-скорпион, снесена, так что, когда сюда придут утром, никто не удивится, что она сдохла. В акульем логове они обнаружат останки Грабителя и доложат мистеру Бигу, что того убили и что следует заплатить столько-то долларов за ремонт помещения, чтобы принять следующий груз «Секатура». Они найдут пули, выпущенные из пистолета Бонда, и решат, что все это его работа.

О том, что произошло в подполе склада, Бонд решил не думать. Он выключил свет и вышел наружу.

Небольшая часть счета за Солитер и Лейтера оплачена.

16. Ямайская версия

Было два часа ночи. Бонд отъехал от склада и двинулся через город к Четвертой улице, переходившей в шоссе на Тампу.

Он медленно ехал по четырехрядной дороге, через бесконечные скопища мотелей, палаточных городков и разнообразных лавок, в которых торгуют пляжными принадлежностями, морскими ракушками да всякого рода забавными фигурками.

Он остановился у ночного бара и заказал двойное виски со льдом. Пока его наливали. Бонд прошел в туалет и привел себя в порядок. Повязка на левой руке покрылась грязью, в самой руке пульсировала боль. Гипс раскололся от удара о живот Грабителя, и склеить его было невозможно. Глаза у Бонда покраснели от напряжения и бессонницы. Он вернулся к стойке, залпом выпил виски и заказал еще порцию. Бармен был похож на студента, подрабатывающего на каникулах. Он явно хотел поболтать, но у Бонда уже не было сил на болтовню. Он сидел, тупо уставясь на стакан и думая о Лейтере и Грабителе, в ушах звучало тошнотворное чавканье акулы.

Он расплатился и продолжил свой путь. Вскоре машина въехала на мост Гэнди, пахло свежим воздухом залива. В конце моста Бонд повернул влево, на дорогу, ведущую в аэропорт, и остановился у первого же мотеля, в котором горел свет.

Бонд придумал историю, будто у него прокололась шина на дороге Сарасота — Сильвер-Спрингз. Но хозяйев гораздо больше интересовала его десятка. Он подвел машину к домику номер 5, и служитель отворил дверь, зажег свет. Двухспальная кровать, душ, комод и два стула. Покрывало, бледно-голубого цвета, выглядело свежим. Бонд поставил сумку, поблагодарил и пожелал сопровождающему покойной ночи. Он разделся и небрежно швырнул одежду на стул, наскоро принял душ, прополоскал рот, почистил зубы и лег. Заснул мгновенно. Это была первая ночь с тех пор, как он приехал в Америку, которая при пробуждении не обещала нового боя.

Бонд проснулся в полдень и пошел в кафетерий, где ему быстро приготовили вкусный трехслойный сэндвич и кофе. Затем вернулся к себе и написал отчет для отделения ФБР в Тампе. О золоте в аквариумах с ядовитыми рыбами он не упомянул из опасения, что Биг Мэн может приостановить свои операции на Ямайке. Бонд отдавал себе отчет в том, что урон, нанесенный им организации в Америке, не связан прямо с сутью его задания — обнаружением источников золота и, по возможности, освобождением от самого мистера Бига.

Он приехал в аэропорт буквально за несколько минут до отлета серебристого четырехмоторного лайнера. Машину Лейтера он оставил, как и было сказано в отчете ФБР, на стоянке. Впрочем, в этом не было нужды, подумал он, увидев, как у сувенирного магазина болтается без видимой нужды человек в плаще, явно неуместном в такую погоду. Право, эти плащи стали опознавательным знаком ФБР. Бонд понял: они хотели убедиться, что он улетел. И были бы счастливы больше не видеть его никогда. После каждого из его визитов в Америку оставались трупы. Прежде чем сесть в самолет. Бонд успел еще позвонить в больницу в Сент-Питерсбурге. Лучше бы не звонил: Лейтер не пришел в сознание и ничего пока сказать невозможно. Да, они телеграфируют ему, когда появится какая-нибудь ясность.

Было пять вечера, когда, сделав круг над Тампой, самолет лег на курс — восток. Солнце нависло над горизонтом. Мимо проплыл, приближаясь к аэропорту, оставляя в почти неподвижном воздухе струи дыма, большой реактивный лайнер. Вскоре, замкнув предпосадочный круг, он приземлится на берегу залива, с его стариканами в «труменовках». Бонд от души радовался, что оставляет это огромное жестокое Эльдorado, направляясь в зеленые, мягкие дали Ямайки.

Самолет летел над Флоридой, внизу мелькали, освещая сгущающуюся тьму, зеленые огоньки бескрайних лесов и болот, без малейших признаков человеческой жизни. Вскоре показался Майами в своем ослепительном неоновом блеске. Вилась, уходя к побережью и далее, через Палм-Бич и Дантону к Джексонвиллу, глазная дорога штата, по обеим сторонам которой бежала золотистая лента мотелей, теснились автозаправки и киоски, в которых торговали фруктовыми соками. Бонд подумал, что еще трех дней не прошло, как он завтракал в Джексонвилле, а сколько с тех пор всего случилось. Скоро, после короткой остановки в Нассау, он полетит над Кубой, может быть, над тем самым местом, где мистер Бит спрятал Солитер. Она услышит рев самолета, и, может, интуиция подскажет ей, что надо поглядеть на небо — ведь он здесь.

«Доведется ли, — подумал Бонд, — им еще раз встретиться и довести до конца начатое? Но это позже, когда будет покончено с работой — приз в конце опасной дороги, которая началась три недели назад в лондонском тумане».

Самолет приземлился в Нассау. И после коктейля и раннего ужина Бонд провел полчаса на богатейшем острове в мире, на этом клочке песчаной земли, где под столиками для канасты были зарыты сокровища стоимостью в сотни миллионов фунтов стерлингов и где в бунгало, покрытых тонким слоем пандануса, из рук в руки переходили гигантские суммы.

Платиновый пяточок остался позади, и вскоре они уже летели над переливающимися перламутровыми огнями Гаваны, столь отличными в своей пастельной мягкости от грубой яркости американских ночных городов. Самолет летел на высоте пятнадцать тысяч футов, когда, едва Куба осталась позади, разразилась одна из тех неистовых тропических гроз, которые превращают комфортабельный лайнер в смертельную ловушку. Огромное тело самолета то взмывало, то ныряло, мощные двигатели то ревели как бы в пустоте, то словно вгрызались в невидимую стену уплотнившегося воздуха. Все внутри звенело и дребезжало, посуда в кухне падала с полок, и мощные струи дождя наотмашь били по плексигласовым стеклам.

Бонд с такой силой вцепился в ручки кресла, что левая ладонь отозвалась сильной болью, Бонд выругался про себя.

Он бросил взгляд на обложки журналов и подумал: не очень-то все это поможет. Когда на высоте пятнадцать тысяч футов крошится стальной одеколон в ванной, ни еда на ваш персональный вкус, ни безопасная бритва, ни «орхидея для вашей дамы», которая (орхидея) сейчас хранится в холодильнике, не нужны. Не говоря уж о пристяжных ремнях и спасательных жилетах со свистком, которые, как продемонстрировала стюардесса, действительно свистят, ни симпатичные красные лампочки над сиденьем.

Нет, когда напряжение для перегруженного металла становится слишком велико, когда наземный механик, в Лондоне или Айдлуайлде, Гандере или Монреале, отвечающий за противообледеняющее устройство, слишком влюблен, чтобы как следует заниматься своими обязанностями; в этих, а также в разных других случаях уютная «коробочка» с пропеллерами в передней части падает с неба в море или на землю — ведь она тяжелее воздуха, и она способна падать, и в ней есть какая-то безнадежность. А сорок человек тоже намного тяжелее воздуха, тоже наделены способностью падать, тоже, будучи малой частью целого, отданных во власть безнадежности, падают вместе с самолетом и проделывают маленькие отверстия в земле, либо производят слабый всплеск на морской поверхности. Впрочем, если им так назначено судьбой, чего же волноваться? Ты зависишь от нерадивого механика в Нассау в такой же степени, как от дурачка-водителя, который, перепутав красный свет с зеленым, врзается прямо в лоб твоего автомобиля, когда ты спокойно возвращаешься домой с любовного свидания. С этим ничего не поделаешь. Умирать начинаешь, едва появляясь на свет. Вся жизнь — карточная игра со смертью. Так что не падай духом. Закури сигарету и радуйся, что все еще жив и все еще можешь глубоко затягиваться. Звезды были к тебе благосклонны, ведь ты прошел уже немалый путь с тех пор, как покинул лоно матери и издал первый крик. Может, они и сегодня доведут тебя до Ямайки? Ведь бодрые голоса из диспетчерской весь день повторяют: «Идет на посадку БОАК», идет на посадку «Пэн Эм», идет на посадку «Ка-Эл-Эм»? Почему бы так же не объявить: «Идет на посадку „Транс Каррибиан“?» Не теряй веры в свою звезду. Не забывай, что еще прошлой ночью ты смотрел в лицо смерти. И все же ты жив. Ты выскочил. Просто пришлось напомнить себе, что умение обращаться с оружием еще не делает человека неуязвимым. Вот и запомни этот урок. Эту удачную посадку в аэропорту Палисадос удалось совершить благодаря милости твоих звезд. Не забудь поблагодарить их.

Бонд расстегнул привязной ремень и отер пот со лба. «К черту», — подумал он, спускаясь по трапу на землю. Стрейнджуэйз, глава карибской резидентуры ЦРУ, пришел его встретить, так что Бонд быстро прошел все формальности.

Почти одиннадцать, теплый воздух оставался недвижимым. Из кактусовых зарослей по обе стороны дороги доносился стрекот цикад. Бонд с наслаждением впитывал звуки и запахи тропиков, а военный пикап между тем, огибая Кингстон, вез его к залитому лунным светом подножию Голубой горы.

Путь до уютного белоснежного домика рядом с Каменным Холмом, где жил Стрейнджуэйз, они проделали почти в молчании, обмениваясь лишь односложными репликами.

Приехав, они устроились на веранде, Стрейнджуэйз налил по доброй порции виски с содовой и со всей возможной обстоятельностью изложил ямайскую, так сказать, часть дела.

Это был сухощавый, жизнерадостный тридцатипятилетний мужчина, бывший офицер военно-морской разведки. На одном глазу у него была черная повязка, в другом горел орлиный взгляд, каким он считается и должен быть у моряка на капитанском мостике эсминца. Под загаром угадывались глубокие морщины, и по

отрывистым фразам и жестам собеседника Бонд увидел всю меру его напряженности и обеспокоенности. Толковый работник, чувством юмора не обделен, не выказывал ни малейшей обиды на то, что кто-то из центра вторгается на его территорию. Бонд почувствовал: они сработаются.

Вот что рассказал Стрейнджуэйз.

Тут всегда ходили слухи, будто на острове Сюрпризов зарыты сокровища, и все, что было известно о Кровавом Моргане, укрепляло эти слухи. Крохотный островок находился точно в середине Залива Акул, в который упиралась Джанкшн-Роуд, пересекающая Ямайку по центру от Кингстона до северного побережья.

Знаменитый пират устроил в Заливе Акул штаб. Его привлекала возможность обозревать отсюда весь остров, до самого Порт-Руаяля, так что он мог совершенно незаметно входить в ямайские воды и покидать их. Губернатора это тоже устраивало. Корона предпочитала закрывать глаза на действия Моргана до тех пор, пока испанцы окончательно не уйдут из карибского бассейна. Когда эта цель была достигнута, Моргану, в знак признательности, было пожаловано рыцарское звание и пост губернатора Ямайки. Но до поры от Моргана, естественно, приходилось отмежевываться, чтобы не спровоцировать войну на континенте с Испанией.

Так, на протяжении долгого времени, пока браконьер не превратился в инспектора по надзору, Морган использовал Залив Акул в качестве боевого укрепления. На земле близлежащего поместья он выстроил три дома и переименовал местечко, назвав его по имени деревеньки в Уэльсе, где родился, — Ланрамни. В развалинах здесь все еще попадаются разные предметы домашней утвари и монеты. Его суда всегда бросали якорь в Заливе Акул и швартовались под прикрытием острова Сюрпризов, этой массы кораллов и известняка, вертикально вырастающей из воды прямо посередине залива и окруженной лесистым участком площадью примерно в акр.

В последний раз Морган отбыл с Ямайки в 1683 году. Уже был выдан ордер на его арест, и ему предстоял суд равных по обвинению в нанесении ущерба короне. Его сокровища остались где-то на Ямайке, и он умер в нищете, так и не раскрыв их местонахождение. Сокровища, должно быть, несметные — результат многочисленных пиратских рейсов на «Эспаньоле», захвата множества торговых судов, направляющихся на Плату, ограблений в Панаме и Миракайбо. И все пропало бесследно.

Считалось, что клад находится где-то на острове Сюрпризов, но двухсотлетние поиски на суше и дне морском не дали никаких результатов. А потом, по словам Стрейнджуэйза, всего лишь полгода назад на протяжении двух недель произошли два события. Из местной деревушки бесследно исчез молодой рыбак, и анонимный нью-йоркский синдикат купил остров за тысячу фунтов у его прежнего хозяина из Ланрамни, который стал богатым скотопромышленником и владельцем банановых плантаций.

Несколько недель спустя в Заливе Акул бросило якорь и пришвартовалось у старого причала Моргана судно под названием «Секатур». Команда целиком состояла из негров. Они принялись за работу и сделали в скале лестницу, а на вершине построили несколько приземистых хижин.

Продовольствия у них, похоже, было вдоволь, ибо у местных рыбаков они покупали только воду и свежие фрукты.

Эти неразговорчивые и тихие люди никому и ничем не досаждали. Таможенникам, находившимся неподалеку, в Порт-Мария, они объяснили, что ловят тропических рыб, особенно ядовитых, а также собирают редкие ракушки для компании «Уробурос Инкорпорейтед» в Сент-Питерсбурге. И действительно, устроившись в этих краях, они принялись скупать их в больших количествах у местных рыбаков. В течение недели они проводили на скале взрывы для того, чтобы,

как было сказано, расчистить место для большого аквариума.

Яхта «Секатур» начала совершать регулярные двухнедельные рейсы в Мексиканский залив, и наблюдатели подтверждали, что перед каждым отплытием на борт погружались целые партии аквариумов. Лодкам, приближавшимся к острову, не давал причалить охранник, целыми днями рыбачивший с пристани, у которой во время стоянок бросала якорь «Секатур», — здесь яхта была хорошо защищена от дующих в этих краях северо-восточных ветров. Никому не удавалось пристать к островку в дневное время. Тогда, после двух трагически закончившихся попыток, кое-кто искал удачу ночью.

Первую из этих попыток предпринял молодой рыбак из местных; слухи о сокровищах продолжали циркулировать, и никакие разговоры о тропических рыбах никого не могли обмануть. Он отправился в рейд темной ночью, а на следующее утро его останки вынесло на рифы. Акулы не оставили ничего, кроме скелета.

Как раз тогда, когда, по расчетам, он должен был достичь островка, деревня была разбужена жутким шумом. Казалось, он исходил откуда-то с островка. Все решили, что бьют ритуальные барабаны. Сначала звук был низким, а потом начал медленно подниматься, достигнув наконец оглушительной силы. Потом снова пошел вниз и вскоре затих. Это продолжалось около пяти минут.

С тех пор остров считался заколдованным, так что даже при свете дня никто не решался к нему приблизиться.

Именно тогда Стрейнджуэйз проявил интерес и послал в Лондон полный отчет. Начиная с 1950 года Ямайка превратилась в важный стратегический пункт; компании «Рейнолдс металз» и «Кайзер корпорейшен» разрабатывали обнаруженные на острове крупные залежи бокситов. Стрейнджуэйз полагал, что все эти операции на острове могут означать строительство базы для маленьких подлодок на случай войны, тем более что Залив Акул был расположен недалеко от курса, которым суда, принадлежащие компании «Рейнолдс», направлялись к новому месторождению бокситов в Очо Риос, в нескольких милях от берега.

Лондон переправил отчет в Вашингтон, и выяснилось, что нью-йоркский синдикат, купивший остров, целиком принадлежит мистеру Бигу.

Это узнали три месяца назад. Стрейнджуэйз получил указание во что бы то ни стало проникнуть на остров и выяснить обстановку на Нем. Он разработал целую операцию. Взял в аренду землю на западном берегу Залива Акул. Тут сохранились остатки одного из знаменитых Больших Домов на Ямайке постройки начала XIX века, а также современный пляжный домик как раз напротив стоянки «Секатура» на острове Сюрпризов. Стрейнджуэйз вызвал двух отличных пловцов с военно-морской базы на Бермудах и установил круглосуточное наблюдение за островом. Ничего подозрительного обнаружить не удалось, и одной безветренной ночью он отправил пловцов провести подводный осмотр острова.

Они не вернулись, а на следующее утро их, или, вернее, то, что оставили от них акулы и барракуды, обнаружили в разных местах побережья.

Тут Бонд перебил Стрейнджуэйза.

— Одну минуту, — сказал он. — Что-то я не понимаю насчет этих акул и барракуд. Ведь в здешних водах они не отличаются особенной свирепостью. Да и вообще у берегов Ямайки их немного, и они редко охотятся ночью. И уж, во всяком случае, на человека нападают, только если тот ранен и у него идет кровь. Ну, еще иногда из любопытства могут ухватить за ногу. Что-нибудь подобное было у Ямайки раньше?

— Да нет, с 1942 года, когда акула отхватила у девушки ногу в Кингстонской гавани, ничего похожего не было, — ответил Стрейнджуэйз. — Она каталась на водных лыжах, так что ее ноги то погружались в воду, то выскакивали наружу. А белая нога показалась, должно быть, особенно аппетитной. Да еще нужна

подходящая скорость. Словом, в принципе вы совершенно правы. К тому же у моих людей были гарпуны и ножи. Я считал, что принял все меры предосторожности. Жуткая история. Можете представить мое самочувствие. С тех пор мы лишь пытаемся найти какой-нибудь законный предлог для доступа на остров через администрацию и Вашингтон. Ведь остров теперь принадлежит американскому гражданину. Чертовски медленное дело, особенно если учесть, что зацепиться абсолютно не за что, у этих ребят, похоже, неплохое прикрытие в Вашингтоне и совсем не глупые специалисты по международному праву. Лондон велел мне пока ничего не предпринимать и дожидаться вас. — Стрейнджуэйз отхлебнул виски и выжидательно посмотрел на Бонда.

— А что с «Секатуром»? — спросил тот.

— Все еще на Кубе. По сведениям ЦРУ, выходит через неделю.

— И сколько рейсов уже сделано?

— Около двадцати.

Бонд умножил сто пятьдесят тысяч долларов на двадцать. Если его расчеты верны, мистер Бит уже выкачал с острова миллион фунтов стерлингов золотом.

— Я тут кое-что для вас приготовил, — сказал Стрейнджуэйз. — На побережье у меня домик. Он ждет вас. Арендовал машину. Новые покрышки. Большая скорость. Это «санбим талбот» — модель для этих дорог самая подходящая. Нашелся и нужный человек вам в помощь. Зовут его Куоррел. Лучший пловец и рыбак во всем карибском бассейне. Парень сметливый и симпатичный. И еще я снял номер в доме отдыха Вест-Индской цитрусовой компании. Это на противоположной стороне острова. Вы там с недельку можете отдохнуть, ну и потренироваться в ожидании «Секатура». Вам надо быть в форме, чтобы проникнуть на остров Сюрпризов, а без этого, уверен, нам ничего не узнать. Чем-нибудь еще могу быть полезен? Разумеется, я всегда под рукой, но мне придется оставаться в Кингстоне, чтобы поддерживать связь с Лондоном и Вашингтоном. Они ведь потребуют отчета о каждом шаге. Так как, нужно вам что-нибудь еще?

Бонд задумался.

— Да, — ответил он. — Надо бы попросить Лондон связаться с Адмиралтейством, чтобы нам прислали водолазный костюм с полным снаряжением, побольше запасных баллончиков с воздухом и пару хороших подводных ружей. Лучше всего французское — «чемпион». Затем — мощный подводный фонарь. Нож, которым обычно вооружают отряды коммандос. Всяческую отраву для барракуд и акул — всю, какую только можно найти в музее естественной истории. И еще разные там вещества, которыми отпугивают акул в Тихом океане. Пусть пришлют все ближайшим прямым рейсом. — Бонд помолчал, затем добавил, — да, возможно, еще понадобится какая-нибудь из тех штукозин, какими пользовались во время войны охотники за кораблями. Я имею в виду мины-присоски.

17. Ветер гробовщика

Папайя с долькой лимона, оранжевые бананы, ярко-красные яблоки, мандарины, яичница с беконом, кофе, какой умеют готовить только на Ямайке, конфитюр, желе из гуавы.

Облачившись в шорты и сандалеты, поглощая на веранде завтрак и лениво поглядывая на залитую солнцем панораму Кингстона и Порт-Руаяля, Бонд думал, что ему повезло и что в его опасной профессии есть немало того, что эту опасность и тяготы искупает.

Бонд хорошо знал Ямайку. Он был здесь в длительной командировке сразу после войны, когда коммунистическая разведка на Кубе пыталась проникнуть в здешние профсоюзы. Это была грязная и к тому же не слишком успешная работа, но

он с тех самых пор проникся любовью к большому зеленому острову и его доброжелательным и жизнерадостным жителям. И как же приятно было теперь снова быть здесь, да еще имея впереди неделю отдыха перед тем, как вновь начнется его беспощадная работа.

После завтрака на веранде появился Стрейнджуэйз в сопровождении высокого смуглого мужчины в выцветшей голубой рубашке и старых саржевых штанах.

Это был Куоррел, с острова Кайманов, и Бонду он сразу понравился. В жилах его текла кровь кромвелевских солдат и пиратов, скуластое лицо излучало силу и уверенность, форма рта выдавала некоторую суровость. Глаза серые. И только нос лопаткой да бледные ладони выдавали негроида.

Бонд протянул ему руку.

— Доброе утро, капитан, — поздоровался Куоррел.

Потомок знаменитого рода мореплавателей, он не знал титула выше этого. Но в голосе его не было ни угодливости, ни подобострастия. Он говорил как помощник капитана, и в манерах его сквозили прямота и искренность.

У них сразу установились отношения подобные возникающим между шотландским помещиком и его старшим ловчим: безусловное уважение и ни намека на раболепие.

Обсудив планы, Бонд сел за руль автомобиля Куоррела, и они поехали по Кингстон-Роуд, оставив Стрейнджуэйза заниматься тем, о чем просил Бонд.

Они выехали около десяти, так что в горах, которые пересекали остров вдоль, словно позвоночник крокодила, было еще прохладно.

Дорога кольцами уходила вниз к равнине на севере и шла через поразительные по красоте места — вокруг цвели тропические растения, на каждой высоте — свои. Зеленъ холмов, сплошь покрытых бамбуком, изредка перемежающимися темно-зеленым хлебным деревом, пониже уступала место рощам черного и красного дерева, магайи и кампешевого дерева. А когда они добрались до долины Агуальты, открылось зеленое море сахарного тростника и бананов; оно уходило вдаль, к горизонту, где яркими вспышками бросались в глаза пальмовые аллеи, бегущие берегом океана.

Куоррел оказался хорошим спутником и отличным гидом. У знаменитых пальмовых садов Кастлтона он рассказывал о домашних пауках, а потом — о сражении между гигантской сороконожкой и скорпионом, которую ему пришлось наблюдать. Он описывал различные ядовитые растения и целебные травы, показывал, как легким нажатием ладони можно расколоть кокосовый орех, называл длину клюва колибри, объяснял, как крокодилы носят своих детенышей в пасти, укладывая их, как сардины в банке.

Куоррел говорил на хорошем английском, хотя часто вставлял местные выражения. По пути, продолжая беседу, он все время поднимал руку, приветствуя прохожих, и те отвечали ему.

— Вас, похоже, знает здесь масса народа, — заметил Бонд, когда водитель здорового автобуса, на ветровом стекле которого большими буквами было выведено «Романс», поприветствовал Куоррела двумя протяжными гудками.

— Я наблюдаю за островом Сюрпризов уже три месяца, капитан, — откликнулся тот, — и дважды в неделю проезжаю по этой дороге. Вас тоже скоро все будут знать на Ямайке. У них хорошая память на лица.

К половине одиннадцатого они миновали Порт-Руайаль и свернули на узкую проселочную дорогу, ведущую вниз, к Заливу Акул. Тот так неожиданно открылся за поворотом, что Бонд даже притормозил.

Залив шириной примерно в три четверти мили имел серповидную форму. Его голубая поверхность была подернута легкой зыбью от северо-восточного ветра, зарождающегося в пятистах милях отсюда, над Мексиканским заливом, и

отправляющимся оттуда в свое длинное путешествие по всему миру.

В миле от того места, где они стояли, у рифа, словно сторожившего залив, проходила линия бурунов; между ними была узкая полоска тихой воды, представлявшая собой единственный проход к стоянке. В самом центре залива, прямо из воды, вырастал вверх на сто футов остров Сюрпризов; с востока на его берег лениво накатывались небольшие волны.

Остров, почти идеально круглый, выглядел как большой сероватого цвета торт, лежащий на голубой фарфоровой тарелке, увенчанный сахарной глазурью.

Прямо за прибрежными пальмами теснились хибары рыбаков, а в полумиле от них виднелся зеленый склон острова. Куоррел протянул руку в сторону тростниковых крыш избушек, терявшихся среди деревьев. Бонд взял у него бинокль и взгляделся. Кроме тонкой струйки дыма, уносимого ветром, не было видно никаких признаков жизни.

У самого берега вода имела бледно-зеленоватый отлив, и сквозь нее просвечивал белый песок. Дальше начиналась темно-синяя полоса, которая приобретала бурый оттенок у нижнего обреза рифа, находившегося в пятидесяти ярдах от острова и обращенного к нему широким полукругом. Затем вновь вода становилась темно-синей с аквамариновыми пятнами. Куоррел сказал, что осадка «Секатура» составляет примерно тридцать футов. Слева, посередине западной оконечности залива, сразу за узкой полоской пляжа, среди деревьев пряталось местечко под названием Бью Дезерт. Здесь будет штаб боевых действий. Куоррел описал его местоположение, и Бонд в течение десяти минут изучал трехсотярдовую полосу воды между деревушкой и стоянкой «Секатура».

В общей сложности Бонд потратил полчаса на разведку, а затем, не приближаясь к своему новому дому и даже к деревушке, вернулся вместе со спутником к машине, и они поехали назад по главной дороге вдоль берега.

Они проехали через прелестный, весь утопающий в банановой листве городок Оракабесса и через Очо Риос с его гигантским заводом по переработке бокситов. Затем два часа спустя показался Монтегю Бэй. Был февраль, курортный сезон в полном разгаре. Деревушки и большие отели переживали пору золотой лихорадки, которая будет кормить их в течение остальной части года. Они остановились у дома отдыха на другой стороне широкого залива, пообедали, а затем тронулись вновь, направляясь к западной его оконечности. Предстояло еще два часа езды по полуденной жаре.

Местность была болотистой, и с тех пор, как Колумб ненадолго бросил якорь в заливе Манате, ничего, по сути дела, здесь не изменилось. Индейцев племени ороки сменили ямайские рыбаки, но в остальном время, кажется, остановилось.

Бонд подумал, что красивее пляжа он в жизни не видел: пятимильная гряда белого песка, с одной стороны уходившая в море, в сторону бурунов, а с другой, до самого горизонта, — бесконечные пальмы. К ним были привязаны выкрашенные в серый цвет лодки, громоздились розоватые кучи старых ракушек, а из соломенных рыбачьих хижин, расположенных в тенистых местах между болотами и морем, вился дымок.

Среди хижин, в густых зарослях травы, на сваях стоял дом — по виду коттедж, куда в выходные дни наезжают служащие Вест-Индской цитрусовой компании. Сваи понадобились как средство защиты от термитов, а окна были забраны сетками от москитов. Бонд проехал по разбитой дороге и остановился у дома. Пока Куоррел приводил в порядок его будущее жилище. Бонд обмотался полотенцем и пошел через пальмы к берегу, находящемуся буквально в двадцати ярдах от дома.

Целый час он плавал и лежал в теплой, ласковой воде, раздумывая об острове Сюрпризов и его тайне, проходя в уме шаг за шагом эти триста ярдов, вступая в сражение с барракудами, акулами и иными морскими хищниками, со всеми, кто

вошел в гигантскую книгу моря, которую никому в жизни не прочитать до конца. На пути назад, в маленькое деревянное бунгало. Бонда впервые атаковали москиты.

— Увы, избавить вас от этого не могу, капитан, — увидев пятнышки у него на спине, ухмыльнулся Куоррел. — Но скажу, что сделать, чтобы кожа не чесалась. Прежде всего надо принять душ и смыть соль. Вообще-то они больно кусаются только вечером, но соль — их всегдашнее лакомство.

Когда Бонд вышел из ванной, Куоррел достал старую мензурку и протер укусы какой-то бурой жидкостью, пахнувшей креозотом.

— Нигде в мире нет столько мошкеры и москитов, — сказал Куоррел, — но если у вас есть эта штука, — он кивнул на мензурку, — ничего не страшно.

Наступили короткие тропические сумерки, а затем на небе зажглись звезды, появилась луна в три четверти, и море сделалось почти безмолвным. Однако неожиданно в вышине столкнулись два сильных потока воздуха, и от этого зашелестели пальмы.

Куоррел мотнул головой в сторону окна.

— Ветер Гробовщика, — заметил он.

— Как это? — удивленно спросил Бонд.

— Моряки называют его ветром «взад — вперед», продолжал Куоррел. — В ночное время, с шести до шести, Гробовщик выдувает с острова дурной воздух. Затем каждое утро начинает дуть Ветер Лекаря и накачивает остров свежим морским воздухом.

Куоррел хитровато взглянул на Бонда.

— Похоже, у вас с Гробовщиком одна и та же работа, капитан, — сказал он полушутя-полусерьезно. Бонд отрывисто рассмеялся.

— Хорошо хоть работаем мы в разное время.

Снаружи запели сверчки и цикады, а огромные мотыльки облепили металлические сетки на окнах, жадно вглядываясь в две керосиновые лампы, свисающие с потолка.

Время от времени мимо домика, направляясь к единственному здесь бару у оконечности залива, проходили рыбаки или весело щебечущие девушки. Никто не ходил поодиночке из страха перед привидениями и телятами-перекати-поле, ужасными огнедышащими существами, со связанными цепями ногами, которые набрасываются на прохожих из травы.

Куоррел готовил сочное блюдо из рыбы, яиц и овощей — обычной в этих краях пищи, — а Бонд, устроившись под лампой, перелистывал книги, которые достал для него в библиотеке местного института Стрейнджуэйз: две книги — Биба и Аллина — о тропических водах и их обитателях и две — Кусто и Хасса — о подводной охоте. Впереди — трехсотярдовое путешествие водой, и подготовиться к нему следует должным образом, ничего не оставляя на авось. Бонд знал, с кем имеет дело, и можно было не сомневаться, что с технической точки зрения оборона острова Сюрпризов организована идеально. Вряд ли тут используется обычное оружие, вроде винтовок или взрывчатки. Контакты с полицией мистеру Биту ни к чему. От закона он предпочитает держаться подальше.

На следующий день Бонд приступил к тренировкам под строгим наблюдением Куоррела. Каждое утро он проплывал милю в сторону пляжа, а оттуда бегом возвращался к бунгало. Около девяти они отчаливали, и влекомая единственным парусом лодка живо доставляла их к побережью двух других заливов — Кровавого и Апельсинового, — где песчаная полоса обрывалась у отвесных скал и небольших пещер, а почти рядом с берегом из воды вырастали рифы.

Здесь они оставляли лодку, и в маске, вооруженный гарпуном и старомодным подводным ружьем, Бонд под руководством Куоррелла отправлялся в захватывающее подводное путешествие. Условия были близки к тем, с которыми ему предстояло

столкнуться в Заливе Акул.

Они плыли почти рядом. Куоррел, погружаясь в стихию, давно ставшую для него вторым домом, двигался без видимых усилий. Вскоре и Бонд научился не бороться с морем, но двигаться в едином ритме с течениями и потоками, как бы применяя тактику дзюдо, только под водой.

В первый день Бонд вернулся домой, весь исцарапанный. Куоррел ухмыльнулся и принялся обрабатывать ему кожу какими-то снадобьями. Каждый вечер он в течение получаса массировал Бонда, втирая ему в тело пальмовое масло и рассказывая между делом о рыбах, встретившихся сегодня, о повадках обитателей моря, о том, например, как рыбы меняют цвет, попадая в воду, окрашенную кровью.

Он тоже никогда не слышал, чтобы рыбы нападали на человека, разве что от отчаяния, либо если почуяли запах крови. Он сказал, что в тропических водах рыбы редко бывают голодны и используют свою грозную амуницию, как правило, не для нападения, а для защиты. Правда, признал он, есть одно исключение — барракуда.

— Подлая рыба, — так отозвался о ней Куоррел. — Бояться ей нечего, кроме болезни, ибо никто больше не может развить в воде скорость в пятьдесят миль в час и ни у кого нет таких острых и ядовитых зубов. Однажды они подстрелили десятифунтовую барракуду. Она долго кружила вокруг, то отплывая и сливаясь с общим серым фоном, то вновь возвращаясь — спокойная, почти недвижимая в верхних слоях воды, она как бы всматривалась в них своими тигриными глазами с такого близкого расстояния, что видно было, как шевелится бахрома жабр, блестят на немного опущенной, страшной нижней челюсти, острые, как у волка, зубы.

В конце концов Куоррел выхватил у Бонда ружье и выстрелил рыбине прямо в полосатое брюхо. Попадание было точным, челюсти барракуды широко разомкнулись — словно гремучая змея распахнула свою пасть. Бонд стремительно рванулся, целясь гарпуном в брюхо. Он промахнулся, и гарпун вошел прямо в пасть. Зубы барракуды сразу же сомкнулись на стальном черенке. Бонд не удержал его, но как раз в этот момент Куоррел вонзил другой гарпун в бок рыбине, она яростно рванулась, из пропоротого брюха полезли внутренности. Барракуда яростно стремилась избавиться от вонзившегося в ее тело гарпуна, и Куоррел едва удерживал в руках леску; но ему все же удалось подвести рыбу к находившемуся рядом рифу. Он влез на камни и медленно вытащил рыбину на сушу.

Когда Куоррел перерезал ей горло и они вытащили гарпун, на нем оказалось несколько глубоких зазубрин.

Они отбуксировали рыбу подальше на берег, Куоррел отрезал чудовищу голову и, пользуясь корягой, словно рычагом, открыл пасть. Челюсти широко распахнулись, так что верхняя встала почти под прямым углом к нижней, и обнажился густой ряд острых, отточенных, как лезвия, зубов, переплетенных между собой. Несколько даже загибались внутрь, почти вплотную прижимаясь к языку, а спереди, как у змеи, торчали два чудовищных клыка.

Рыба, хоть и весила всего десять фунтов, была более четырех футов длиной — словно пуля, сделанная, правда, из мышц и толстой прочной кожи.

— Все, за барракудами больше не охотимся, — сказал Куоррел. — Если бы не вы, я месяц провалялся бы в больнице, а может, вообще без лица остался. Это я свалил дурака. Надо было просто подплыть к ней, и она бы удрала. Так всегда бывает. Они же трусихи, как и все рыбы. Но вы можете не беспокоиться. — Он показал на зубы барракуды. — Больше таких встреч не будет.

— Надеюсь, — произнес Бонд, вспомнив о Лейтере. К концу недели Бонд загорел и набрал хорошую форму. Он сократил норму курения до десяти сигарет в день и не выпил ни капли спиртного. Он легко проплывал две мили, рука его совершенно поправилась, и он вполне стряхнул с себя пыль больших городов. Куоррел был доволен.

— Все, капитан, вы готовы к встрече с островом Сюрпризов, — подытожил он. — И не хотел бы я быть рыбой, которая попытается закусить вами.

На восьмой день, вечером, вернувшись в бунгало, они обнаружили там Стрейнджуэйза.

— У меня для вас хорошие новости, — приветствовал он их. — Ваш друг Феликс Лейтер выздоравливает. То есть, во всяком случае, он выживет. Пришлось ампутировать руку и ногу, а сейчас ему делают пластическую операцию лица. Мне позвонили вчера из Сент-Питерсбурга. Он потребовал связаться с вами. Во всяком случае едва придя в сознание, он сразу же вспомнил о вас. Жаль, говорит, что не может быть с вами, и просит передать, чтобы вы не простудились — по крайней мере не так сильно, как он.

Бонд был растроган до глубины души. Он посмотрел в сторону.

— Передайте, чтобы поправлялся поскорее, — отрывисто сказал он. — Передайте, что мне не хватает его. — Бонд повернулся к Стрейнджуэйзу. — Ну, а теперь, как там с нашим хозяйством? Все в порядке?

— Да, прислали все, что вы просили, — ответил Стрейнджуэйз. — А «Секатур» завтра отплывает к острову Сюрпризов. Разгрузится в Порт-Мария и вернется сюда где-нибудь к полуночи. На борту мистер Биг — это лишь второй раз за все время. Да, с ним женщина. Зовут ее, по сведениям ЦРУ, Солитер. Что-нибудь знаете о ней?

— Немного, — ответил Бонд. — Но хорошо бы выручить ее. Она из другой команды.

— Девушка в беде, — романтически заметил Стрейнджуэйз. Но Бонд уже вышел на веранду, вглядываясь в звездное небо. Никогда в жизни не играл он по такой высокой ставке. Раскрыть тайну сокровищ, покончить с крупным преступником, разорвать шпионскую сеть коммунистов, обрезать щупальца этого жестокого хищника — СМЕРШа — вот задача. А Солитер — как ценный приз.

Звезды, мерцая, передавали свою таинственную морзянку, однако ключа от шифра у Бонда не было.

18. Бью Дезерт

Стрейнджуэйз уехал после ужина, а Бонд решил последовать за ним на рассвете. Стрейнджуэйз оставил ему новейшие книги и брошюры об акулах и барракудах, и Бонд принялся изучать их с величайшей тщательностью.

Однако же они мало что добавляли к тому, что уже рассказал, опираясь на практический опыт, Куоррел. Все они принадлежали перу ученых и во многом основывались на эпизодах из жизни океанских курортов, где рыб нередко провоцируют сами любители покачаться в волнах прибоя.

Но большинство сходило на том, что любители подводного плавания подвергаются гораздо меньшей опасности. На них, правда, иногда тоже нападают акулы самых разных видов, особенно если почуют запах крови либо уловят судорожные движения раненого, но их можно отпугнуть шумом — даже звуками голоса под водой — и они нередко стремительно уплывают, словно пловец их преследует.

Согласно исследованиям, проведенным научным центром военно-морского флота США, наиболее эффективным средством борьбы с акулами является смесь уксусной кислоты и красителей — ингредиенты этой смеси используются ныне в спасательных жилетах, принятых для экипировки флота.

Бонд позвал Куоррела. Тот слушал весьма скептически, пока Бонд не дошел до того места, где говорилось об исследованиях, проведенных министерством морского флота в конце войны. Речь шла о стаях акул, поставленных в «экстремальные условия массового психоза». «Акул подманили к корме рыболовного судна запахом

тухлой рыбы, — читал Бонд. — Налетела целая стая, производившая невероятный шум в воде. Мы заготовили целую лохань свежей рыбы, а в другой сосуд с такой же рыбой подмешали отравляющее вещество. Оператор приготовился к съемке. В течение тридцати секунд я совком кидал в воду свежую рыбу, и акулы яростно пожирали ее. Затем ту же самую операцию повторил три раза подряд с лоханью, куда была подмешана отравляющая смесь. В первый раз акулы жадно пожирали рыбу прямо у кормы судна. Но уже через пять секунд после того, как в воду попал репеллент, они отплыли. Затем мы сменили последовательность — сначала опрыскивали лохань смесью, затем пустили в нее рыбу. Несколько акул вернулись. Через полчаса мы повторили опыт. Секунд тридцать акулы с прежней жадностью пожирали рыбу, но, едва почуяв запах смеси, снова отплыли и, пока этот запах не улетучился из воды, не возвращались. На третий раз они уже не подплывали ближе, чем на двадцать ярдов к корме».

— Ну, что скажете? — спросил Бонд. Куоррелу пришлось согласиться.

— Да, эта штука может вам пригодиться.

Бонд был того же мнения. Из Вашингтона пришла телеграмма, в которой сообщалось, что необходимое средство для отпугивания акул выслано. Но раньше чем через двое суток оно сюда не придет. Ладно, ничего страшного, даже если придется обойтись без него. В конце концов Бонд пришел к выводу, что ему ничего не грозит, если в воде не будет запаха крови или если рыба, которая вознамерится напасть на него, не почувствует, что ее боятся. Что же касается осьминогов, рыб-скорпионов и муррен, надо просто быть повнимательнее. На его взгляд, самым неприятным в подводном плавании были уколы черных, в три фута длиной, морских игл, но вряд ли они всерьез могут помешать его планам.

Они стартовали еще до рассвета и к половине одиннадцатого были в Бью Дезерте.

На красивой старой плантации площадью около тысячи акров сохранились развалины элегантного старого особняка, откуда открывался вид на весь залив. Со времен Кромвеля здесь разводили стручковый перец и цитрусы, окаймлял плантацию густой строй пальм и сосен. Романтическое имя дали усадьбе в XVIII веке, когда на Ямайке были приняты такие названия — Бельэр, Бельвью, Боскрбель, Хаомони и так далее.

Неширокая дорога, незаметная с острова, вела через деревья к избушке прямо на берегу. После спартанской недели в Монтегю Бэй ванная и мебель из бамбука показались едва ли не роскошью, а яркие цветные циновки задубевшими подошвами Бонда ощущались как бархат.

Через просветы в ставнях виднелся небольшой сад, полыхающий гибискусом, бегонией и розами. Он плавно переходил в песчаную косу, почти скрытую густыми пальмами. Бонд уселся на ручку кресла и медленно, дюйм за дюймом, обвел глазами открывающееся ему морское пространство во всей его цветовой гамме, задержался немного на рифе и в конце уперся взглядом в основание острова, целиком покрытое пальмами. Под жарким солнцем, отбрасывая мрачную тень, высился лишь мощный утес.

Куоррел приготовил обед на примусе, так чтобы дым не выдал их присутствия. Потом Бонд поспал, а ближе к вечеру пришла посылка из Лондона, переправленная Стрейнджуэйзом из Кингстона.

Бонд примерил тонкий черный резиновый костюм, который облегал его, начиная со шлема, снабженного отверстиями для глаз, и кончая длинными черными ластами. Все сидело, как перчатка на руке, и Бонд поблагодарил соответствующую службу их ведомства.

Затем они с Куоррелом проверили два двойных цилиндра, в каждом из которых было по тысяче литров воздуха, сжатого под давлением 200 атмосфер, и Бонд нашел,

что управляться с этим оборудованием достаточно несложно. На той глубине, где он собирается работать, этого запаса воздуха хватит ему на два часа.

Тут же были новое мощное подводное ружье и нож, каким вооружают командос — модель его была разработана Уилкинсом еще во время войны. И, наконец, в коробке с надписью «Осторожно» помещалась тяжелая мина с присоской и взрывателем конической формы. Она была так сильно намагничена, что прилипала, словно моллюск, к любой металлической поверхности. Находился тут и десяток стреловидных металлических и стеклянных запалов, которые срабатывали во временном диапазоне от десяти минут до восьми часов. Инструкции по обращению с этим оборудованием были такими же простыми и четкими. На самом дне — коробка с анаболиками, которые должны поддерживать бодрость духа и физическое состояние во время операции, а также целый набор подводных фонариков, в том числе и совсем крохотный, отбрасывающий луч не толще лезвия.

Бонд с Куоррелом все тщательно просмотрели, проверили контакты и соединения. Убедившись, что все в порядке, Бонд вышел наружу и до боли в глазах принялся вглядываться сквозь просветы между деревьями в водную даль, измеряя глубину, прокладывая маршрут мимо обтесанного волнами рифа, прикидывая местоположение луны, по которой он только и сможет ориентироваться во время своего смертельно опасного путешествия.

В пять появился Стрейнджуэйз с известиями о «Секатуре».

— Они отплыли из Порт-Мария и через десять минут появятся у входа в залив. У мистера Бига паспорт на имя Галлиа, с ним девушка — Латрель, Симона Латрель. Она не выходила из каюты, капитан-негр сказал, что у нее морская болезнь. Может, так оно и было. На борту полно пустых резервуаров для рыб. Больше сотни. Помимо этого — ничего подозрительного, им дали добро. Сначала я хотел подняться на борт под видом офицера таможни, но потом передумал — пусть все будет как обычно. Мистер Биг не выходил из своей каюты. Когда к нему зашли проверить документы, он читал. Как снаряжение?

— Отлично, — ответил Бонд. — Операцию, скорее всего, проведем завтра ночью. Надеюсь, подует хоть какой-нибудь ветерок. Иначе будут заметны пузырьки от воздуха на воде и нам придется туго.

Вошел Куоррел.

— Яхта огибает риф, капитан.

Они приблизились к берегу на максимально безопасное расстояние и нацелили окуляры биноклей.

Яхта, что и говорить, была красива: в нижней части — черная, сверху — сероватая, семьдесят футов в длину. Она была словно специально создана для быстрого передвижения. «По меньшей мере двадцать узлов», — прикинул Бонд. Он знал ее «родословную». Судно построили в 1947 году по заказу миллионера: дизельный двигатель, стальной корпус, новейшее оборудование, включая беспроводную телефонную связь «яхта — берег» и автоматический навигатор. На салингах развевались алые вымпелы, а на корме — американский флаг. Сейчас яхта двигалась со скоростью три узла, приближаясь к пролому в рифе шириной в двадцать футов. Она проскользнула сквозь риф и направилась к той части острова, которая выходила в открытое море. Там судно сделало полуоборот и пришвартовалось. Трое негров в парусиновых штанах бегом спустились по каменным ступеням утеса к узкому молу и приготовились поймать конец каната. Швартовка была проведена умело и быстро, два больших якоря проскрежетали по кораллам, вросшим в дно, и яхта замерла прямо напротив наблюдателей. Она была хорошо защищена от северного ветра. По расчетам Бонда, под килем у нее было не менее двадцати футов. В этот момент на палубе появилась мощная фигура мистера Бига. Он ступил на причал и медленно пошел вверх по ступеням, часто останавливаясь, и

Бонд подумал, что сердце в этом крупном теле больное, и ему трудно качать кровь.

За мистером Бигом следовали двое негров с легкими носилками, к которым был привязан какой-то человек. В бинокль Бонд разглядел черные волосы Солитер. От ее близости забило в волнении и тревоге сердце. Он молил небо, чтобы носилки оказались лишь мерой предосторожности, благодаря которой Солитер невозможно узнать с берега.

Затем на трапе выстроилась цепочка из двенадцати человек. Они принялись передавать из рук в руки резервуары. Куоррел насчитал сто двадцать штук.

Затем таким же образом проследовали наверх ящики.

— На этот раз груз у них небольшой, — заметил Стрейнджуэйз, когда операция была кончена. — Только с полдюжины. Обычно бывает штук пятьдесят. Вряд ли они задержатся здесь надолго.

Едва он умолк, как один резервуар, наполовину заполненный, как они разглядели в свои бинокли, водой и песком, живо вернули назад на судно, передавая его, как и раньше, из рук в руки. Затем еще и еще — с пятиминутными интервалами.

— Вот те на, — сказал Стрейнджуэйз. — Уже грузятся. Значит, отбывают утром. Может, они решили вообще убраться отсюда, и это их последний рейс?

Бонд какое-то время внимательно наблюдал за происходящим, а затем они со Стрейнджуэйзом медленно побрели к дому, оставив Куоррела на посту.

Они устроились в гостиной. Стрейнджуэйз готовил себе коктейль, а Бонд глядел в окно, собираясь с мыслями.

Было шесть часов, и появились первые светлячки. Бледно-желтая луна уже высоко поднялась на востоке, день стремительно угасал. Под легким бризом на берег набегали мелкие волны. Пара облачков, ярко-оранжевых в лучах заходящего солнца, медленно проползала прямо у них над головой, и на прохладном Ветре Гробовщика лениво колебались листья пальм.

«Ветер Гробовщика», — подумал Бонд и криво улыбнулся. Итак, все произойдет сегодня ночью. Это единственный шанс, и условия почти идеальные. Разве что эта противоакуля смесь не успеет прийти. Но это так, изыск. Надо действовать. Ради этого он проделал путешествие длиной в две тысячи миль, ради этого позади остались пять трупов. И все же он вздрогнул при мысли о мрачном приключении в подводном царстве — приключении, уже отложенном им до завтра. Неожиданно море и все, что с ним связано, показалось ему мерзким и страшным. Миллионы крохотных антенн, которые будут шевелиться и отмечать каждый его шаг этой ночью, глаза, которые станут за ним наблюдать, пульс, сбившийся на тысячную долю секунды и затем возобновивший свой ровный ритм, мокрые усики, которые, зашевелившись, потянутся к нему, слепые как ночью, так и при свете дня.

Его окружают миллионы таинственных вещей и существ. Впереди — триста ярдов в холоде и одиночестве, он будет пробираться через лес загадок к цитадели смерти, чьи стражники уже отправили на тот свет троих. Он, Джеймс Бонд, после недельной подготовки под бдительным надзором «няньки», ступит нынче ночью, через несколько часов под черный покров моря совершенно один. Это чистое безумие. Кожа у Бонда покрылась мурашками, ногти впились во влажные ладони.

В дверь постучали, вошел Куоррел. Бонд встряхнулся и отошел от окна, отступив в глубь комнаты, где Стрейнджуэйз при свете затененного ночника попивал свое виски.

— Они включили освещение, капитан, — сказал Куоррел с ухмылкой. — По-прежнему каждые пять минут поднимают новый резервуар. Пожалуй, работы часов на десять. К четверем утра закончат. Раньше шести не отплывут — слишком опасно идти через пролом в рифе без хорошего освещения.

Куоррел не отрываясь смотрел на Бонда своими мягкими серыми глазами в ожидании приказаний.

— Я отправляюсь ровно в десять, — услышал Бонд собственные слова. — Вхожу в море у скал и двигаюсь налево. Нельзя ли сейчас закусить, а потом вынести снаряжение? Погода отличная. Я буду готов через полчаса. — Он посчитал на пальцах. — Мне понадобятся мины с заводом на пять — восемь часов. И одна с заводом на пятнадцать минут, если что-нибудь получится не так. Ясно?

— Разумеется, разумеется, капитан, — откликнулся Куоррел. — Можете быть спокойны.

Он вышел.

Бонд посмотрел на бутылку виски, решился и налил полстакана, добавив три кубика льда. Потом вытащил коробочку с анаболиками и бросил в рот таблетку.

— За удачу, — поднял он бокал и сделал большой глоток. Затем уселся, чувствуя, как по всему телу разливается тепло от виски, которого он не пил уже больше недели. Сколько им времени понадобится, чтобы ошвартоваться и пройти через пролом в рифе? Это последний рейс, не забудь, что на борту на шесть человек больше, чем обычно, да ящики в придачу. Ну-ка, попробуем оценить ситуацию.

Бонд погрузился в море практических деталей, и страх отступил и растворился где-то в густой чаще пальм.

Ровно в десять, испытывая лишь острое предчувствие предстоящих приключений. Бонд, облаченный в темный блестящий подводный костюм, соскользнул, как летучая мышь, со скалы в воду и исчез в глубине.

— Удачи, — сказал Куоррел, обращаясь к тому месту, где только что стоял Бонд, и перекрестился. Затем они со Стрейнджуэйзом вернулись в дом и погрузились в тяжелый беспокойный сон. Что-то принесет им эта опасная ночь?

19. Долина теней

Бонда сразу же потянуло ко дну — к груди у него была надежно прикреплена липкой лентой мина-присоска, вокруг талии затянут свинцовый пояс, чтобы удерживать на плаву компрессоры.

Он не позволил себе и секундной передышки, напротив, сразу же энергично заработал руками и ногами, чтобы побыстрее миновать первые пятьдесят ярдов, где на дне лежал лишь чистый песок. Если бы не все, что было на нем навешено, да еще и ружье в придачу, он с помощью длинных ласт плыл бы вдвое быстрее, чем теперь. Впрочем, и так он двигался довольно проворно и уже через минуту остановился отдохнуть в тени гигантского коралла.

Он попробовал проанализировать свои ощущения. В резиновом костюме было тепло, теплее, чем если бы он плавал днем при ярком свете солнца. Движения свободны, и дышится легко, если только поддерживать ровный темп и не сбиваться. Он посмотрел, как по стенкам коралла фонтаном серебристых жемчужин поднимаются предательские пузырьки, надеялся, что благодаря легкому волнению на поверхности моря никто ничего не заметит. Видимость была отличной. Струился мягкий молочный свет, который, пробившись сквозь морскую поверхность, расчерчивал дно, словно шашечную доску. Однако его было недостаточно, а у рифа залегли глубокие и густые тени.

Бонд рискнул на мгновение включить ручной фонарик, и тут же ожило гигантское брюхо буроватого коралла. Розовые актинии наставили на Бонда свои бархатные усики, целая колония морских ежей распрямила, готовая к бою, свои стальные шипы, а волосатая морская сороконожка замерла, вопросительно задрав безглазую голову. В песке, у самого основания коралла, мягко втянул свою отвратительную бородавчатую головку фахак, а несколько цветоподобных морских червей живо свернулись, сделавшись совершенно незаметными. Стая нарядно раскрашенных рыб-бабочек и ангельских рыб потянулась к свету, и еще Бонд заметил плоский

панцирь морской звезды.

Бонд выключил фонарик и засунул его за пояс.

Сверху, прямо над ним, море переливалось ртутью. Оно мягко потрескивало, словно блин на сковороде. Луна бросала свет на глубокую, изгибающуюся долину, уходившую вперед и вниз, — этим путем и предстояло ему следовать. Бонд выплыл из защитной тени коралла и двинулся вперед. Теперь плыть стало труднее. Свет колебался, прерывался, и в застывшем коралловом лесу было полно разного рода тупиков и заманчивых, но никуда не ведущих тропинок.

Иногда ему приходилось, чтобы выбраться из коралловых зарослей, подниматься почти к самой поверхности, и тогда он сверял направление по луне, которая, пробивая изломанную поверхность моря, бледно мерцала, подобная удаляющейся ракете. Иногда ему удавалось, пользуясь каким-нибудь прикрытием, отдохнуть немного, зная, что тонкая струйка поднимающихся пузырьков сольется с легкой зыбью на поверхности. И тогда он замечал фосфоресцирующие следы деловой ночной жизни под водой — целые колонии и популяции занимались своими мельчайшими заботами.

Больших рыб не было видно, но из нор выползло множество лобстеров. Их гигантские стеблевидные красноватые глаза вперились в Бонда, а спинные хрящи-антенны длиною с фут как бы спрашивали пароль. Иногда они быстро-быстро, поднимая мощными ударами хвоста песок со дна, отползали на своих мохнатых ножках назад в щели и замирали там в ожидании, когда опасность минует. Однажды совсем близко проплыла стая крупных боевых «португалок». Они едва не задели Бонда, и тот вспомнил, как в Манати-Бэй его обожгла своими усиками одна из таких рыбешек. Если ожог придется в область сердца, он может стать смертельным. Попалось несколько зеленых и пятнистых муррен — они извивались в песке, как большие темно-желтые змеи, а зеленые, спрятавшись где-нибудь в расселине скалы, разевали пасти, затем — голубые рыбки, на вид напоминающие коричневых сов с огромными бледно-зелеными глазами. Бонд наставил ружье, и рыбка немедленно раздулась до размеров футбольного мяча, ошетинившись всеми своими белесыми иглами. Нередко в местах, куда не достигал свет луны, раздавался тяжелый всплеск, возникало какое-то движение, загорался и тут же гас взгляд чьих-то огромных глаз. Тогда Бонд разворачивался, положив палец на курок ружья, и вглядывался во тьму. Но пока он продирался сквозь острия гигантского рифа, стрелять ему так и не пришлось, ибо никто на него не нападал.

Путь в сто ярдов через коралловый лес занял у него четверть часа. Наконец Бонд присел передохнуть на большой круглый голыш и с облегчением подумал, что теперь у него впереди только сто ярдов чуть замутненной воды. Он все еще был совершенно бодр, а таблетка анаболика придавала мыслям ясность и четкость; в то же время рискованное путешествие отняло у него немало сил и к тому же Бонду все время приходилось смотреть, как бы не порвалось его резиновое облачение. Теперь лес острых, подобно бритве, кораллов остался позади, но вместо этого Бонда ждали акулы и барракуды, а может, и внезапный взрыв динамитной шашки, брошенной в центр воронки, образованной пузырьками воздуха на поверхности воды.

Сидя на корточках, Бонд разрабатывал план дальнейших действий, когда внезапно почувствовал, как на обеих щиколотках ног сомкнулись щупальца осьминога, приковывая его к основанию большого кораллового дерева. Еще не успев толком понять, — что произошло, разведчик заметил, как вокруг левой ноги начинают обвиваться — одно за другим — красноватые в тусклом свете щупальца.

подавив страх и отвращение, Бонд вскочил, попытавшись резким рывком освободиться. Но осьминог не уступил ни дюйма, более того, судорожные движения жертвы дали ему возможность крепче прижать ноги Бонда к выступу округлой скалы. Хватка этой твари была на удивление сильной, и Бонд почувствовал, что еще минута

— и ляжет лицом на дно, и тогда с этой чертовой миной на груди и цилиндром на спине он будет совершенно бессилён что-либо предпринять.

Бонд вытащил из-под пояса нож и ударил, целясь куда-то между ног; но движения его стеснял отвес скалы и к тому же он боялся пропороть себе резиновый костюм. Неожиданно что-то облепило его сверху и прижало ко дну. Ноги потащило в широкую расселину. Пальцы заскребли по песку, Бонд попытался развернуться и поднять выпавший из рук нож. Но мешала мина, прикрепленная к груди. Охваченный паникой, Бонд вспомнил про ружье. Раньше он отказывался от мысли воспользоваться им из-за слишком малого расстояния до цели, но теперь другого выхода не было. Ружье лежало на дне, где он оставил его. Разведчик потянулся к нему и снял с предохранителя. Мина мешала как следует прицелиться. Он протолкнул ствол между ног и прикоснулся им к ступням, стараясь отыскать безопасную щель между ними. К стволу немедленно потянулись щупальца, затягивая его вниз. Ружье скользнуло между его скованными ногами, и тут Бонд спустил курок, стреляя наугад.

Вязкая, тягучая масса чернильного цвета облепила ему лицо. Но одна нога освободилась, а затем и другая. Бонд выпрямился, и ему удалось ухватиться за трехфутовый стержень гарпуна, ушедшего куда-то под скалу. Он изо всех сил, сдирая на ладонях кожу, тащил его, пока, наконец, гарпун полностью не вышел из черной тучи, повисшей над входом в пещеру. Тяжело дыша, Бонд поднялся и отступил от скалы. Под маской пот струями стекал у него по лицу. Наверху скопились предательские пузырьки, и Бонд молча выругался по адресу жуткого черного осьминога, засевшего у себя в логове и накинувшегося на него.

Впрочем, на переживания не было времени. Бонд перезарядил ружье и двинулся вперед. Луна оставалась справа от него.

Теперь разведчик быстро двигался во взбаламученной воде, стараясь плыть как можно ближе ко дну и держать голову так, чтобы не отклониться в сторону. Боковым зрением он заметил ската величиной с пинг-понговый стол; кончики его больших пятнистых крыльев трепетали, как у птицы, длинный рогоподобный хвост хищно извивался. Но Бонд не обратил на него внимания, помня о том, что говорил Куоррел: «Скаты никогда не нападают, только защищаются». Он решил, что скат, скорее всего, вылез, чтобы отложить яйца или «русалочки кошельки», как говорят местные рыболовы, имея в виду форму этих яиц: на песчаном дне они напоминают подушки с крепко перевязанными на всех четырех углах узлами.

Над песком, под лунным светом скользили тени рыб, иные были длиною с Бонда. Одна из них увязалась за ним и плыла с минуту десятью футами выше. Подняв взгляд, Бонд увидел акулье брюхо, напоминающее белесый, сужающийся по концам дирижабль. Отесанный нос акулы пылливо следовал за струйкой воздушных пузырьков. Широкая серповидная пасть напоминала ссохшийся шрам. Акула отклонилась немного в сторону, повела на разведчика тяжелым розоватым глазом, а затем ударила о воду огромным, похожим на косу хвостом и медленно скрылась в сером тумане. Бонд вспугнул семейство головоногих, от крупных — футов на шесть, до крошечных — весом в несколько унций. Эти тихие, светящиеся существа висели в воде почти вертикально, образуя утончающийся книзу ряд. Они тут же выправили строй и рванули в сторону со скоростью ракеты.

Бонд еще раз остановился немного отдохнуть, а затем двинулся дальше. Появились барракуды, крупные, до двадцати фунтов весом. Выглядели они так же устрашающе, как и те, что уже попадались Бонду. И сам разведчик, и поднимающиеся от его баллона пузырьки воздуха привлекали их внимание, поэтому они скользили тесным строем прямо над ним, словно серебристые подлодки или стая волков, злобно следя за человеком своими хищными глазами.

К тому моменту, когда Бонд достиг первых коралловых отростков — а это

означало близость острова — рыб набралось штук двадцать.

Бонд весь сжался под резиновой шкурой, но ничего поделать было нельзя, и он сосредоточился на своей цели.

Внезапно где-то прямо над ним показалось длинное металлическое тело; сразу за ним виднелся круто уходящий вверх выступ.

Это был киль «Секатура». У Бонда екнуло сердце.

Он посмотрел на часы. Три минуты двенадцатого. Из набора мин, которые были у него с собой. Бонд выбрал заведенную на семь часов и вставил ее в соответствующее отделение своего костюма. Остальные зарыл в песок, чтобы не выдать себя, если попадетсЯ.

Продвигаясь вперед с миной в руках, он все время ощущал позади сильное волнение воды. Вплотную к нему, едва не задев, проплыла барракуда; пасть ее была полуоткрыта, глаза вперились в человека. Но Бонда сейчас интересовал только киль яхты и в особенности точка в трех футах выше центра.

Последние несколько футов мина буквально тащила его за собой, влекомая страстным зовом металлического корпуса. Бонд приложил немалые усилия, чтобы приладить ее осторожно, без шума. А потом, когда он освободился от груза, пришлось изрядно поработать, чтобы поскорее уйти вглубь, подальше от поверхности.

Разворачиваясь в сторону укрытия в скале, разведчик неожиданно почувствовал, что позади происходит нечто страшное.

Целая стая барракуд, казалось, сошла с ума. Они вертелись и подпрыгивали в воде, как бешеные псы. К ним присоединились три акулы и тоже пустились в яростный танец, только движения их были более неуклюжи. Вода буквально кишела жуткими рыбинами. Бонда что-то ударило в лицо и отбросило на несколько ярдов. В любой момент ему могли порвать и резиновую, и собственную кожу, а там уж на него накинется и вся стая.

«Эффект толпы в экстремальных условиях», — в сознании мелькнула фраза из доклада министерства морского флота. Вот когда ему могла бы помочь эта противоакуля смесь. А без нее ему жить осталось всего несколько минут.

Разведчик отчаянно замолотил руками и ногами; ружье было всего лишь игрушкой перед лицом этих взбесившихся морских каннибалов. Бонд сразу же заметил ряд острых сверкающих зубов, так как пасти рыб были приоткрыты.

Наконец разведчику удалось спрятаться за небольшой выступ подводной скалы. Грудь тяжело вздымалась, язык от страха прилип к гортани, а глаза расширились при виде этого жуткого представления.

Хищницы метались вокруг коричневого облачка, ползущего вниз с поверхности моря. Неожиданно рядом с ним одна из барракуд на мгновение застыла, ухватила зубами что-то коричневое и блестящее и, сделав мощный глоток, рванулась назад, в самую гущу своих соплеменниц.

В тот же самый момент все вокруг стремительно потемнело. Разведчик поднял взгляд и, уже догадываясь, в чем тут дело, увидел, что серебристая поверхность моря постепенно принимает устрашающе алый оттенок.

Рядом с ним потянулись какие-то нити. Бонд подцепил их стволом ружья и подтянул прямо к стеклянной маске.

Сомнений не оставалось.

Кто-то наверху поливал море кровавой струей и сбрасывал требуху.

20. Пещера Кровавого Моргана

Бонд моментально сообразил, почему вокруг острова было так много акул и барракуд и как их, потчужа таким роскошным ужином, доводили до неистовства и

почему тела троих мужчин полуобглоданными вынесло на берег. Мистер Биг поставил морские силы себе на службу.

Весьма характерная для него выдумка — неординарная, технически безупречная и в то же время весьма простая операция.

Не успел Бонд как следует оценить ее, как что-то с огромной силой ударило его в плечо, и двадцатифунтовая барракуда метнулась в сторону. Из пасти у нее торчали обрывки резины и человеческая кожа. Боли Бонд не ощутил. Рванувшись к скале, он почувствовал только страшную слабость в нижней части живота при мысли о том, что частичка его тела попала в разверстую пасть этой гарпии. Между подводным костюмом и кожей начала медленно просачиваться вода. Вскоре она поднимется к шее и зальется за маску.

Он уже был готов оставить все попытки и всплыть на поверхность, как заметил в скале, прямо перед глазами широкую щель. Рядом лежал большой валун, за которым Бонд кое-как пристроился. Он быстро огляделся — и как раз вовремя, ибо на него стремительно надвигалась та же самая барракуда. Распахнув пасть так, что верхняя челюсть стала под прямым углом к нижней, она готовилась нанести убийственный удар.

Бонд выстрелил, почти не целясь, и гарпун вонзился в эту огромную разверстую пасть, пробив рыбину насквозь. Барракуда изо всех сил дернулась и безумно заметалась из стороны в сторону, увлекая за собой и ружье, и резиновый трос, на котором крепился гарпун. Бонд знал, сейчас ее растерзают другие рыбы.

Он вознес хвалу Господу за то, что поле битвы переместилось. Однако у него самого из плеча текла кровь, и буквально через считанные секунды другая рыба может почувствовать ее запах. Он обогнул валун, намереваясь вылезти под прикрытием причала наверх и придумать какой-нибудь план действий.

Но тут Бонд увидел пещеру, вход в которую и загораживал этот камень.

Это был действительно вход — у основания острова виднелось нечто вроде двери. Если бы не смертельная опасность, Бонд мог спокойно войти в нее. В сложившейся же ситуации он быстро нырнул внутрь и остановился, только когда до мерцающего отверстия оставалось лишь несколько ярдов. Он стал на песчаное дно, выпрямился и включил фонарик. В принципе акула могла последовать за ним и сюда, но в замкнутом пространстве ей фактически нечего делать. И уж во всяком случае, у входа она помедлит, потому что даже акулам с их толстой кожей страшновато передвигаться среди зазубренных камней. А поэтому у него будет достаточно времени, чтобы проткнуть ей глаз.

Бонд направил луч света на потолок и стены пещеры. «Очевидно, это творение рук человеческих и, наверное, ведет откуда-нибудь с острова», — подумал Бонд, и ему вспомнились недавно прочитанные строки:

«Осталось не меньше двадцати ярдов, ребята, — сказал Кровавый Морган надсмотрщикам. И вдруг кирки и лопаты, не встречая больше сопротивления, провалились в глубину. Вода залила легкие, и десятки переплетенных ног и рук прижало к скале. Рабы разделили участь других свидетелей».

Огромный валун поставили, наверное, затем, чтобы закрыть выход в море. Тот рыбак с Акульего Залива, что исчез полгода назад, скорее всего, случайно наткнулся на этот валун, когда волна прилива после шторма отодвинула камень в сторону. Он обнаружил клад и понял, что в одиночку ему не справиться. Белый наверняка обманет. Лучше обратиться к знаменитому гангстеру-негру в Гарлеме и попробовать заключить с ним максимально выгодную сделку. Золото принадлежало черным, которые отдали жизнь, чтобы укрыть его. Оно и вернуться должно к черным.

Сейчас, слегка покачиваясь в этом подводном царстве, Бонд как наяву увидел: в муть Гарлем-ривер с шумом падает очередной бочонок с цементом.

Как раз в этот миг разведчик услышал бой барабанов. Когда Бонд еще был

снаружи, среди рыб, до него сквозь толщу воды доносились какие-то приглушенные звуки, которые сделались громче, как только он вплыл в пещеру. Но тогда он подумал, что это всего лишь волны бьются о берег острова, и к тому же голова у него была занята вовсе не тем. А теперь Бонд различал четкий ритм. Звук нарастал и обволакивал его, переходя в приглушенный рев. Ощущение было такое, словно его самого поместили внутрь огромного барабана. Казалось, и вода содрогалась в ритм этому звучанию. «Тут двойная цель», — решил разведчик. С одной стороны, барабанный бой созывает и возбуждает рыб-хищниц, когда в окрестностях появляются незванные гости. Куоррел рассказывал ему, что рыбаки ночью колотят веслами по борту лодки, чтобы привлечь заснувших рыб. И в то же время это напоминает людям на берегу о злом духе, и напоминание это тем более внушительно, что на следующее утро волны выносят труп.

«Еще одна выдумка мистера Бита, — подумал Бонд. — Еще одно порождение этого незаурядного ума».

Ладно, по крайней мере теперь разведчик знал, как обстоят дела: барабанный бой означал — он замечен. Что придумают Огрейнджуэйз и Куоррел, услышав этот грохот? Им остается только сидеть на месте и с ума сходить от страха за своего посланника. Бонд уверял их, что барабаны — это просто какой-то трюк, и взял с них слово, что они не станут ничего предпринимать, разве что «Секатур» благополучно отойдет от пристани и судно придется перехватывать где-нибудь в открытом море.

Теперь враг настороже, но ему неизвестно, кто пробрался в его тыл и жив ли этот человек еще. Но надо довести все до конца, хотя бы ради того, чтобы любым способом снять Солитер с обреченного судна.

Бонд посмотрел на часы. Половина первого. Ровно неделю назад он пустился в это одинокое и смертельно опасное путешествие.

Он нащупал под резиновым костюмом «беретту», соображая, работает ли она еще — ведь в дырку, проделанную барракудой, залилось изрядно воды.

Затем, под усиливающийся гром барабанов, двинулся в глубь пещеры, освещая себе путь тонким лучом фонарика.

Через десять ярдов разведчик уловил наверху какое-то слабое мерцание. Бонд осторожно двинулся в этом направлении. Песчаное дно пещеры начало подниматься, и с каждым мигот свет становился все ярче. Вокруг сновали дюжины рыбешек, а впереди их было еще больше — они приплыли сюда на свет. Из небольших щелей в пещере глазели крабы, а к потолку прилип крохотный осьминожек.

Уже был виден конец пещеры, а за ним обширная, с блестящей поверхностью заводь, на дне которой, как при свете дня, белел песок. Гром барабанов все нарастал. Бонд остановился в тени около входа и обнаружил, что почти достиг поверхности. Свет здесь бил прямо в глаза.

Положение тяжелое. Еще шаг, и он окажется на виду у каждого, кому придет в голову глянуть вниз. Размышляя, что же делать, он вдруг с ужасом увидел, что из плеча у него течет тонкая струйка крови, образуя у входа целую лужицу. Он совершенно забыл про рану, но теперь она напомнила о себе, и когда Бонд пошевелил рукой, ее пронзила резкая боль. И к тому же наверх поднимались пузырьки воздуха. Впрочем, Бонд надеялся, что они растают, не достигнув входа в пещеру.

Он немного подался назад, но будущее его было предрешиено.

Над головой у него раздался громкий всплеск, и он увидел двух негров. На них ничего не было, кроме масок, и они надвигались на него, выставив вперед длинные, как копыта, ножи.

Он не успел и шевельнуться, как они схватили его за руки и потащили наверх.

Бонду ничего не оставалось, как дать вытащить себя на плоский берег. Его рывком подняли на ноги и стащили резиновый костюм. С головы сорвали шлем, с

плеча кобуру, и вот Бонд неожиданно для себя очутился среди множества черных — как змея, с которой содрали кожу, совершенно нагой, если не считать плавок. Кровь струйками била из раненого плеча.

Когда сняли шлем, барабанная дробь стала почти оглушительной. Гремело вокруг и этот шум болью отдавался и внутри Бонда. Кровь пульсировала в ритм барабанам. Казалось, грохот способен был разбудить всю Ямайку. Бонд поморщился и весь напрягся, пытаясь хоть как-то устоять в этой неистовой буре звуков. Тут стражники развернули его, и глазам разведчика открылся вид столь неожиданный, что все, казалось, вдруг смолкло.

Впереди, за зеленым карточным столиком, на котором было полно всяких бумаг, откинувшись на спинку складного стула сидел мистер Биг. Да, мистер Биг в отлично сшитом желтовато-коричневом тропическом костюме, белой рубашке и тщательно повязанном черном шелковом галстуке. Опустив широкий подбородок на левую руку, он не спускал с Бонда глаз, и его взгляд напоминал взгляд босса, которого оторвал от очень важного дела мелкий служащий, пришедший попросить прибавки к жалованью. В правой руке мистер Биг держал карандаш.

Рядом с ним, так же неподвижно вперив из-под котелка взгляд на Бонда, на каменном возвышении, нелепое в своей злобе застыло чучело Барона Субботы.

— Доброе утро, мистер Джеймс Бонд, — прозвучал бесстрастный голос негра на фоне затухающей барабанной дроби. — Сколько мухе ни летать, все равно угодит в паутину, или, может, лучше сказать, сколько рыбешке ни плавать, все равно кит проглотит? У рифа было слишком много пузырьков. Он откинулся на спинку стула и помолчал. Барабаны выбивали негромкую дробь.

Значит, роковой для Бонда оказалась схватка с осьминогом. Он автоматически отметил этот факт, а глаза его между тем оглядывали помещение, в котором он оказался.

Оно напоминало огромную церковь, высеченную в скале. Посередине, занимая чуть ли не половину всего пространства — бассейн с прозрачной водой. Оттуда его и вытащили. Глубже, у черного отверстия, соединявшего «церковь» с морем, вода имела аквамаринный, а дальше голубой оттенок. Затем — узкая полоска песка. Остальная часть дна представляла собой гладкий камень, на котором здесь и там росли серые и белые сталагмиты.

Находившиеся немного позади мистера Бига крутые ступени вели к сводчатому потолку, откуда свисали небольшие сталактиты. С их белых сосцов непрерывно падали капли, попадая то в бассейн, то на кончики тянущихся навстречу сталагмитов. На стенах, почти под потолком, был укреплен с десятков дугowych ламп, в свете которых весьма эффектно выглядели обнаженные торсы негров, стоявших от Бонда по левую руку на каменном полу. Вращая зрачками, они внимательно наблюдали за чужаком, и губы их кривились в злорадной усмешке.

Обтекая их черные ноги с розовыми подошвами, удерживая на поверхности обломки дров и проржавевшие обручи, высохшие куски кожи и клочья брезента, колыхалось целое море блестящих золотых монет — горы, насыпи, каскады золотых кругляшей. Казалось, эти черные ноги застыли посреди пламени, сквозь которое хотели пройти.

Рядом аккуратной горкой выросли плоские деревянные подносы. Иные, уже наполненные золотом, стояли на полу; Еще один, тоже полный — монеты были разложены четыремя аккуратными башенками цилиндрической формы — держал в руках негр, стоявший на нижней ступеньке; он походил на торговца этим золотом.

"Еще дальше, в левом углу комнаты, стоял пузатый железный котел. Под ним три паяльные лампы уже накалили его дно докрасна. У котла стояли двое негров, в руках они держали железные шумовки с длинными черенками, наполовину покрытые жидким золотом. Рядом виднелась целая куча разбросанных золотых предметов:

тарелки, алтарные украшения, сосуды, кресты и слитки различных размеров. Неподалеку, вдоль стены расставлены железные лотки для охлаждения металла — их изогнутая поверхность отливала желтизной, — а на полу около котла стоял пустой поднос и черпак с длинной, забрызганной золотом ручкой.

Возле мистера Бига сидел на корточках негр, держа в одной руке нож, а в другой инкрустированный драгоценностями бокал. Рядом на оловянном блюде в свете дуговых ламп всеми оттенками красного, голубого и зеленого переливалась гора жемчуга.

В этой большой каменной комнате было жарко и душно. Но все равно, пытаясь охватить взглядом всю эту потрясающую картину, яркие бледно-фиолетовые лампы, отливающие бронзой потные тела, тусклый блеск золота, радужная поверхность алмазов, молочно-белая и аквамариновая вода бассейна, Бонд задрожал — так неправдоподобно прекрасна была эта застывшая сцена в храме сокровищ Кровавого Моргана.

Разведчик перевел взгляд на зеленый прямоугольник стола, на крупное лицо зомби, не мигая, с трепетом, близким к благоговению, посмотрел в большие желтые глаза.

— Пусть барабаны умолкнут, — приказал Биг Мэн ни к кому не обращаясь.

Они и так уже перекликались едва слышно, медленно, в такт человеческому пульсу. Один из негров, с трудом передвигая ноги в куче золота, нагнулся. На полу был переносной фонограф, а рядом к стене прислонен мощный усилитель. Послышался щелчок, и барабаны смолкли. Негр закрыл крышку фонографа и вернулся на место.

— Занимайтесь своим делом, — сказал мистер Биг, и мгновенно все фигуры пришли в движение, словно это был театр марионеток и в прорезь бросили монету. В котле начали помешивать черпаком, золото со звоном полетело в ящики, а негр с подносом продолжил свой путь по лестнице.

Бонд остался стоять все так же неподвижно. С тела у него стекали кровь и пот.

Биг Мэн наклонился над списками, лежавшими на столе, и написал две цифры.

Бонд пошевелился, и тут же почувствовал острое прикосновение ножа в районе почек.

Биг Мэн отложил перо, медленно поднялся и отошел от стола.

— Садись сюда, — показал он одному из Бондовых стражников. Тот обогнул стол, сел в кресло мистера Бига и поднял перо.

— Отведи его наверх.

И мистер Биг медленно начал подниматься по каменной лестнице.

Бонд почувствовал, как в бок ему уперся нож. Разведчик переступил через лежавший у его ног резиновый костюм и последовал за неспешно идущей впереди фигурой.

Никто не оторвался от своего дела. Никто даже не обратил внимания, что Бонд исчез из виду.

За все отвечал Барон Суббота.

Пещеру покинул только его зомби.

21. «Доброй вам ночи»

Через люк в потолке они поднялись футов на сорок и очутились на широкой площадке, высеченной в скале. Здесь, светя себе ацетиленовой лампой, огромный негр устанавливал подносы с золотом в центре аквариумов, в которых уже плескались страшные рыбы.

После резкого подъема Биг Мэн остановился передохнуть, в этот момент появились еще двое негров, они взяли готовые аквариумы и удалились.

Бонд решил, что аквариумы наполняют песком и водорослями, а также пускают в них рыбу где-нибудь наверху, а затем, спрятав в них золотые слитки или драгоценные камни, сгружают на судно. Разведчик попробовал подсчитать приблизительно стоимость всего этого богатства, цифра выходила не менее четырех миллионов фунтов. Мистер Биг, опустив глаза, дышал глубоко и ровно, отдохнув, он двинулся дальше.

Еще через двадцать ступеней открылась другая площадка, поменьше. Сюда выходила дверь с новой цепочкой и висячим замком. Сама же дверь, сделанная из листового железа, была покрыта ржавчиной.

Мистер Биг снова остановился, и все участники этого подъема сгрудились на узком пространстве каменной площадки.

У Бонда мелькнула мысль о побеге, но, словно бы прочитав ее, один из стражников отодвинул пленника от мистера Бига и прижал его к скале. Разведчик понял, что долг его сейчас заключается в том, чтобы добраться до Солитер и каким-нибудь образом не дать ей остаться на обреченном судне, где кислота уже начала разъедать взрыватель мины замедленного действия.

Сверху, через шахту, налетел сильный порыв свежего воздуха, и Бонд почувствовал, как на теле высыхает пот. Он потрогал раненое плечо, не обращая внимания на то, что стражник ткнул его кончиком ножа в бок. Кровь свернулась и засохла, большая часть руки потеряла чувствительность.

Мистер Биг заговорил.

— Этот ветер, — он ткнул пальцем в отверстие, — на Ямайке называют Ветром Гробовщика.

Бонд молча пожал плечами.

Мистер Биг повернулся к двери, достал из кармана ключ, отпер ее и вошел внутрь. Бонд со стражником последовали за ним.

Они оказались в узком длинном переходе, где внизу к стенам с интервалом примерно в метр были прикреплены кандалы.

В дальнем конце коридора, на полу, освещенная лампой-"молнией", покрытая одеялом, неподвижно застыла чья-то фигура. Во влажном воздухе стоял запах вековой муки и гибели.

— Солитер, — мягко позвал мистер Биг. У Бонда подпрыгнуло сердце, он рванулся вперед и тут же почувствовал мощную хватку у себя на руке.

— Стоять! — резко приказал стражник и завел ему руку за спину, поднимая все выше. Бонд попытался было лягнуть негра левой ногой, попал в голень, но противник, видно, даже не почувствовал удара.

Мистер Биг повернулся. В его огромной ладони почти целиком поместился небольшой пистолет.

— Оставь его, — сказал он спокойно. — Если вам мало одного пупка, мистер Бонд, я вполне могу проделать еще несколько. У меня тут шесть пуль в запасе.

Бонд метнулся мимо мистера Бига. Увидев его. Солитер зарыдала и, скинув покрывало, рванулась к нему и едва не упала прямо у его ног. Их пальцы сцепились.

— Мне понадобятся веревки, — произнес мистер Биг и шагнул к порогу.

— Все в порядке, Солитер, — попытался успокоить девушку разведчик, зная, что это совсем не так. — Все в порядке. Я с тобой.

Он немного отстранился и посмотрел на нее. Она была бледна, волосы растрепаны. На лбу глубокая царапина, под глазами синие круги, а на бледной коже щек размазанная от слез косметика. На ней был грязно-белый парусиновый костюм и сандалии.

— Что этот мерзавец сделал с тобой? — прошептал Бонд, прижимая девушку к груди.

Она приникла к нему, уткнувшись лицом в его плечо, но неожиданно

отстранилась и посмотрела себе на руку.

— Да у тебя же кровь, — заметила девушка рану. — Что случилось? — И Солитер, осознав внезапно, что для них все кончено, снова заплакала, отчаянно и безнадежно.

— Привяжи их, — распорядился мистер Биг. — Вот здесь, под лампой. Мне надо им кое-что сказать.

Негр приблизился к ним. Бонд повернулся. Может, стоит рискнуть? Ведь у негра только веревка. Но Биг Мэн, отступив немного в сторону и поигрывая пистолетом, внимательно наблюдал за происходящим.

— Не надо, мистер Бонд, — спокойно предупредил зомби.

Разведчик посмотрел на здорового негра-стражника и подумал о своей раненой руке.

Негр подошел вплотную, и Бонд покорно позволил затянуть себе веревкой руки за спиной. Узлы получились на славу. С такими ничего не поделаешь, только еще большее будет.

Бонд подмигнул Солитер и улыбнулся. Это была чистая бравада, но он заметил, что сквозь слезы в глазах девушки мелькнуло выражение надежды.

Негр повел Бонда к стене.

— Здесь, — указал Биг Мэн на кандальную пару.

Неожиданным и резким ударом в голень негр лишил пленника равновесия, тот упал на больное плечо. Негр подтянул его на веревке к кандалам, подергал их, затем пропустил веревку через кольцо и крепко затянул ее на лодыжке Бонда. Вынув нож, негр отрезал свободный конец веревки и вернулся к Солитер.

Бонд остался лежать на каменном полу с вытянутыми ногами и со связанными за спиной руками. Из открывшейся раны снова полилась кровь. Слава Богу, не прошло еще действие анаболика, а то бы он давно потерял сознание.

Солитер связали точно таким же образом и посадили прямо напротив Бонда так, что они едва не уперлись друг в друга ногами.

Мистер Биг взглянул на часы.

— Можешь идти, — оказал он стражнику, закрыл за ним железную дверь и прислонился к ней.

Бонд и девушка смотрели друг на друга, а мистер Биг — на них обоих.

Выдержав по привычке продолжительную паузу, он обратился к Бонду. Разведчик поднял голову. При свете лампы «молнии» голова, насаженная на мощное туловище и покачивающаяся в воздухе, словно гигантский футбольный мяч, наводила на мысль о жутком привидении, вышедшем из самых недр земли. Трудно было поверить, что в этом теле бьется сердце, работают легкие, а на землистой коже выступает пот. Неужели это всего лишь человек, из крови и плоти, да, большой, с мощным интеллектом, человек, который ходит по земле, отправляет естественные нужды, обыкновенный смертный человек с больным сердцем?

Плотные резиновые губы раздвинулись, обнажив крупные зубы.

— С таким сильным противником мне еще не приходилось встречаться, — размеренно прозвучал бесцветный голос мистера Бига. — Вы уничтожили четверых моих помощников. Мои последователи отказываются в это верить. Давно пришла пора расквитаться. То, что случилось с тем американцем, — не в счет. Предательство этой девушки, — он все еще не отводил взгляда от Бонда, — которую я вытащил из помойки, собирался сделать своей правой рукой, поставило под сомнение мою непогрешимость. Я как раз думал, какую ей уготовить смерть, когда Провидение, — или, как верят мои последователи. Барон Суббота, — швырнуло на жертвенный алтарь и вашу голову.

Мистер Биг помолчал, не сжимая, однако, губ. Можно было видеть, как в гортани формируется следующее слово.

— Так что лучше будет, если вы умрете вдвоем. Это произойдет в мною определенной форме, — Биг Мэн взглянул на часы, — через два с половиной часа. В шесть утра, плюс-минус несколько минут.

— Лучше плюс, — сказал Бонд. — Мне нравится жить.

— В истории негритянского освобождения, — перешел мистер Биг на непринужденный светский тон, — уже были великие спортсмены, великие музыканты, великие писатели, великие врачи и ученые. Придет срок и появятся — как и в истории всех других народов — великие люди во всех иных сферах жизни. — Он помолчал. — Вам не повезло, мистер Бонд, — вам и этой девушке, в том смысле, что ваши пути пересеклись с дорогой первого великого негритянского преступника. Это вульгарное слово, мистер Бонд, и я употребляю его просто потому, что и вы, как своего рода полицейский, употребили бы его же. А вообще-то я считаю себя человеком, чьи интеллектуальные и психические свойства позволяют вырабатывать собственные законы и жить по этим законам, отвергая нормы толпы. Вы, несомненно, читали книгу Троттера «Стадный инстинкт в дни мира и дни войны». Ну, так я по природной склонности — волк и живу по волчьим законам. Естественно, овцы считают такого человека «преступником». — Он сделал паузу, а затем продолжал: — Тот факт, что я, борясь в одиночку против миллионов овец, всегда побеждаю, объясняется современными методами, о которых я рассказывал вам при последней встрече, а также моей бесконечной работоспособностью. Только работоспособностью не в рутинном, буквальном смысле. Я работаю как художник, как артист. И я обнаружил, мистер Бонд, что овец, сколько бы их там ни было, победить совсем не трудно, при том условии, конечно, что ты предан своей цели и природа наделила тебя неординарными волчьими качествами.

Позвольте привести вам образчик работы моего ума. Речь пойдет о способе вашего умерщвления. Это современная модификация того метода, который во времена моего доброго покровителя сэра Генри Моргана назывался «насадкой на киль».

— Любопытно, — вставил Бонд.

— На борту яхты у нас есть параван, — продолжал мистер Биг с видом хирурга, объясняющего ход сложной операции студентам, — который мы используем для ловли акул и других крупных рыб. Параван, как вам известно, — большой плавучий предмет в форме торпеды. Он прикреплен к борту судна тросом и тащит за собой сеть, когда судно находится в движении, а в военное время, снабженный соответствующими приспособлениями, используется для обезвреживания плавучих мин. Я собираюсь, — сухо заключил мистер Биг, — привязать вас канатом к паравану и тащить по воде до тех пор, пока вас не сожрут акулы.

Он помолчал и перевел взгляд с Бонда на Солитер. Та широко раскрытыми глазами смотрела на своего друга, а разведчик напряженно раздумывал, прикрыв глаза и пытаясь просчитать возможное развитие событий. «Надо что-нибудь сказать», — решил он.

— Вы большой человек, — начал Бонд, — и в один прекрасный день вы умрете большой, ужасной смертью. Если вы убьете нас, этот день наступит скоро. Об этом я уже позаботился. Вы слишком быстро теряете остатки рассудка, а то бы поняли, чем наша смерть чревата для вас.

Губы его шевелились, произнося слова, а ум лихорадочно работал, подсчитывая часы и минуты, ведь Бонд знал, что смерть Биг Мэна уже недалеко, свидание с ней приближается по мере того, как кислота разъедает взрыватель. Но будут ли они с Солитер еще живы, когда наступит назначенный час? Тут разница в минутах, может, даже в секундах. Струйки пота стекали у него с лица на грудь. Он улыбнулся Солитер, однако девушка ответила ему невидящим взглядом и неожиданно вскрикнула:

— Не знаю, не знаю, ничего не вижу. Так близко, совсем рядом. Смерть, смерть. Но... — Крик этот ударил Бонда по нервам.

— Солитер, — яростно заорал он, испугавшись, как бы ее видения не насторожили мистера Бита, — возьми себя в руки!

Глаза ее тут же прояснились, и она уже вопросительно взглянула на него.

— Я вовсе не теряю рассудок, мистер Бонд, — заговорил мистер Биг, — и что бы вы ни придумали, вреда это причинить мне не может. Вы умрете, исчезнете бесследно, сразу, как только мы минуем риф. Канат будет привязан до тех пор, пока акулы от вас и косточки не оставят. Это тоже входит в замысел. Вы, должно быть, знаете, что акулы и барракуды занимают свое, определенное место в символике черной магии. Они примут жертву, и Барон Суббота будет удовлетворен. Мои последователи поймут это, как нужно. Я собираюсь также продолжить эксперимент с рыбами-хищниками. Насколько я понимаю, они нападают на людей, только почуяв запах крови. Вас привяжут у самого острова. Через проход в рифе вы, скорее всего, пройдете безболезненно; требуху, которую еженощно бросают здесь в воду, наверное, давно уже сожрали, и кровь, которую тоже каждую ночь впрыскивают в воду, растворилась. Но когда вас потянут через риф, ваша кожа будет ободрана до крови. Собственно, вы будете представлять собою два куска сырого мяса. И тогда увидим, верна ли моя теория.

Мистер Биг протянул назад руку и открыл дверь.

— Ну что ж, — сказал он, — теперь я вас оставляю и даю возможность оценить всю тонкость моего замысла. Две жертвенные смерти. Никаких следов. Все в соответствии с ритуалом. Мои последователи довольны. Тела используются для научных изысканий. Вот это, мистер Джеймс Бонд, я и имел в виду, говоря о своем артистизме.

Он остановился на пороге и взглянул на них.

— Покойной вам ночи, хоть она и будет очень коротка.

22. Морской ужас

Еще не рассвело, когда их вывели из этого ужасного подземелья и, освободив ноги, но оставив связанными руки, бросили посреди редких деревьев. Бонд жадно вдыхал прохладный утренний воздух. Он смотрел сквозь деревья на восток, где уже бледнели звезды и первой краской покрывался горизонт. Ночная перекличка сверчков почти умолкла, и где-то в глубине острова пересмешник вывел свои первые рулады.

«Должно быть, половина шестого», — прикинул Бонд.

Некоторое время их не трогали. Мимо, оживленно перешептываясь, сновали негры с мотками проволоки и ящиками в руках. Двери соломенных хижин, разбросанных среди деревьев, были открыты настежь. Обитатели этого странного поселения скапливались на краю леса, справа от того места, где были Бонд и Солитер, а затем исчезали за выступом и больше не появлялись. Эвакуация. Гарнизон перемещается на новое место.

Бонд потерся обнаженным плечом о грудь Солитер, она прижалась к нему. После духоты застенка было прохладно, и Бонд даже задрожал. И все равно двигаться было лучше, чем ждать своей участи взаперти.

Оба они знали, что ждет их впереди, игра была открытой.

Когда Биг Мэн оставил их вдвоем, Бонд не тратил времени даром. Шепотом он рассказал девушке о мине-присоске, которая должна была взорваться сразу после шести утра, и перечислил обстоятельства, от которых зависело, кто погибнет этим утром.

Прежде всего он рассчитывал на маниакальную любовь мистера Бига к

точности. «Секатур» должен отчалить в шесть. Правда, лишь в том случае, если небо будет безоблачным, иначе видимость будет недостаточной, чтобы пройти через расселину в рифе, и мистер Бит отсрочит отплытие. И тогда, оставаясь на причале рядом с судном. Бонд и Солитер взлетят на воздух вместе с мистером Битом.

Но, предположим, судно отойдет вовремя; на каком расстоянии от яхты и с какого борта прицепят параван? Надо полагать, со стороны причала. Что же касается расстояния, то, по размышлениям Бонда, канат, на котором крепится «торпеда», должен быть ярдов пятьдесят в длину, а их потащат за параваном еще в двадцати — тридцати ярдах.

Если его расчеты верны, то, когда «Секатур» освободит проход, им придется тащиться еще ярдов семьдесят через расселину в рифе до открытого моря. Яхта, наверное, подойдет к проходу на скорости узла в три, а потом увеличит скорость до десяти или даже двадцати. Сначала их поведут по широкой дуге, и привязанные к концу каната тела будут медленно разворачиваться и вращаться в воде. Затем параван вытянется, и, когда яхта уже войдет в расселину, они только будут к ней приближаться. Параван, а вслед за ним и Бонд и Солитер, будут еще внутри прохода, когда судно уже выйдет в открытое море.

Бонда передернуло, когда он подумал, каково им придется, пусть на самой малой скорости, среди коралловых зарослей с их острыми, как лезвие бритвы, зазубринами. Живого места не останется.

Миновав расселину, их тела будут представлять собой огромную окровавленную приманку, так что можно не сомневаться, что барракуды и акулы в мгновение ока накинута на них.

А мистер Биг удобно устроится у себя на корме и будет наблюдать за кровавым спектаклем, может, через бинокль, и отсчитывать секунды и минуты, а живая приманка будет все уменьшаться и уменьшаться, и наконец рыбы проглотят окровавленный конец веревки.

Так все и кончится.

Затем параван поднимут на борт, и яхта горделиво понесется к далекой Флориде, к залитым солнцем причалам Сент-Питерсбурга.

А если мина взорвется, пока они еще будут живы, достанет ли до них ударная волна? Ведь всего немногим больше пятидесяти ярдов. Достанет, конечно, но пережить можно. Почти всю ее примет на себя корпус судна. Да и риф будет защитой.

Бонду оставалось лишь прикидывать и надеяться.

Главное — как можно дольше оставаться в живых и ни за что не терять сознания. Многое будет зависеть от того, как именно их привяжут друг к другу. Мистеру Бигу они нужны живыми. Мертвая приманка его не интересует.

«Если, когда на поверхности появится первый акулий плавник, мы все еще будем живы, то я просто утоплю Солитер, — хладнокровно решил Бонд. — Навалюсь на нее и буду держать под водой, пока она не задохнется. Потом постараюсь утопиться сам, перекинув ее труп через себя, чтобы не дал мне выплыть».

Куда ни кинь — сплошной ужас, тошнотворный кошмар охватывает, как подумаешь о той жуткой смерти, которую уготовил им этот тип. Но Бонд знал, что должен сохранять хладнокровие, и был преисполнен решимости бороться за жизнь до последнего. Утешало хотя бы то, что мистер Биг вместе с большинством своей команды тоже погибнет. На то, что они с Солитер останутся живы, сохраняется хоть тень надежды. А вот у врага нет никаких шансов, если, конечно, мина вдруг не откажет.

Солитер лежала напротив, устало глядя на него своими голубыми глазами, — покорная, доверчивая, любящая, лоящая каждый его жест.

— Обо мне не беспокойся, дорогой, — прошептала она, когда за ними

пришли. — С меня достаточно того, что я снова с тобой. Почему-то мне совсем не страшно, хотя смерть рядом. Ты любишь меня хоть немного?

— Да, — ответил Бонд. — И у нас будет возможность доказать друг другу свою любовь.

— Поднимайтесь, — скомандовал один из тюремщиков. Светало. Из-за утеса доносился рев мощного двигателя. С моря дул легкий бриз, но в бухте, где пришвартовалась яхта, было совершенно тихо.

У выхода появился мистер Биг с портфелем в руке. С минуту он постоял, оглядываясь по сторонам и стараясь отдышаться. На Бонда с Солитер, как и на двух стражников, которые стояли вплотную к ним с револьверами, он не обратил ни малейшего внимания.

Посмотрев на небо, он неожиданно сказал громким ясным голосом:

— Благодарю вас, сэр Генри Морган. Ваши сокровища найдут достойное применение. Пошлите нам попутный ветер. У стражников-негров заблестели глаза.

— Иными словами, Ветер Гробовщика, — вставил Бонд. Биг Мэн посмотрел на него.

— Все на борту? — спросил он охранников. — Так точно, сэр, — ответил один из них.

— Ведите их, — приказал Биг Мэн.

Пленников подняли и потащили к уступу мыса, где начинался спуск. Один негр шел впереди узников, другой — сзади. Мистер Биг следовал последним.

Тихо урчали двигатели длинной изящной яхты, выбрасывая через выхлопное отверстие сизые струйки дыма. Команда состояла всего из нескольких человек. На причале, там, где крепились концы яхты, стояли двое негров, капитан и штурман — на мостике, и еще трое членов экипажа были уже на борту. Вся палуба судна, за исключением рыболовной кабины, которая помещалась прямо на корме, была забита аквариумами. Алый вымпел был спущен, и вместо него на мачте неподвижно висел звездно-полосатый флаг. В нескольких ярдах от судна колыбался в воде, приобретшей теперь, на рассвете, аквамариновый оттенок, торпедообразный, шести футов в длину, параван. Он держался на толстом металлическом тросе, свисавшем с кормы. «Да, не меньше пятидесяти футов», — подумал Бонд. Вода была совершенно прозрачной, и вокруг совсем не видно рыб.

Ветер Гробовщика почти затих. Скоро с моря подует Ветер Лекаря. «Скоро, но как скоро? — подумал Бонд. — Что, пора говорить „аминь“?» Вдалеке, среди деревьев можно было разглядеть крышу домика в Бью Дезерте, но само судно, и причал, и лестница в утесе все еще лежали в густой тени. «Интересно, можно ли что-нибудь разглядеть в ночной бинокль? — подумал Бонд. — И если можно, что подумает Стрейнджуэйз?» Мистер Биг оставался на причале, следя за тем, как пленников привязывают друг к другу.

— Раздень ее, — приказал он стражнику, стоявшему около Солитер.

Бонда передернуло. Он украдкой посмотрел на часы мистера Бига. Без десяти шесть. Не должно быть и минутной задержки.

— Одежду — на палубу, — приказал мистер Биг. — Прикройте ему чем-нибудь плечи. Пока мне не нужно, чтобы в воде была кровь.

Орудая ножом, негры сорвали с Солитер одежду. Она стояла бледная и нагая. Голова опустилась на грудь, и тяжелая шапка черных волос закрыла лицо.

Бонду грубо перевязали плечо обрывками ее парусиновой юбки.

— Сукин ты сын, — проговорил Бонд сквозь зубы. Бонд почувствовал, как девушка прижалась к нему мягкой грудью, а ее подбородок опустился ему на правое плечо.

— Жаль, что все так получилось, — прошептала она.

Бонд промолчал. Теперь он почти ничего не ощущал, считая секунды.

На причале кольцами был свит канат для паравана. Конец его уходил вниз, и Бонду было видно, как он вьется по песку, достигая брюха красной торпеды.

Другой конец пропустили у них под мышками и прочно завязали — узел болтался где-то посередине. Сделано все было в высшей степени умело. Никак не вырвешься.

Бонд продолжал считать секунды. По его расчетам, прошло пять или шесть минут.

Мистер Биг в последний раз посмотрел на своих пленников. — Ноги не связывайте, — приказал он неграм. — Это отличная приманка. — С этими словами он перешел по мостику на палубу яхты.

За ним последовали двое стражников, а затем, отвязав судно от причала, туда же перешли два матроса. Винты взбили пену на ясной воде, и «Секатур», набирая скорость, двинулся в сторону открытого моря.

Мистер Биг прошел на корму и уселся в рыболовную кабину. Они видели, что он неотрывно смотрит на них. Ни слова. Ни жеста. Только внимательный взгляд.

«Секатур» разрезал воду, двигаясь в сторону рифа. Бонд видел, как разматывается змеей канат паравана. Параван медленно двинулся вслед за судном. Внезапно он клюнул носом, затем восстановил равновесие и устремился вперед, строго в кильватере яхты.

Их конец каната тоже пришел в движение.

— Внимание! — крикнул Бонд, тесно прижимаясь к девушке.

Рывок был таким резким, что руки едва не выскочили из суставов. На секунду Бонд и Солитер погрузились, затем вынырнули, и их связанные тела рванулись вперед, взбивая вокруг себя целые фонтаны. Они то погружались в воду, то выскакивали на поверхность. Оказавшись над водой, Бонд жадно хватал воздух широко открытым ртом. У самого уха он слышал прерывистое дыхание Солитер.

— Дыши, дыши, — крикнул он, стараясь заглушить шум воды. — Обхватывай меня ногами.

Она его услышала, и он почувствовал, как ее колено прижалось к его бедру. Она изо всех сил откашлялась, после чего он почувствовал, что дыхание у его уха стало ровнее, и сердце тоже перестало колотиться так сильно. В этот момент скорость немного упала.

— Задержи дыхание! — крикнул Бонд. — Мне надо осмотреться. Готова?

Потому, как девушка немного теснее прижалась к нему, он понял, что она согласна. К тому же он почувствовал, что с глубоким вдохом грудь ее несколько отяжелела.

Он надавил на нее всею тяжестью тела так, чтобы полностью поднять над водой голову.

Яхта двигалась со скоростью около трех узлов. Бонд исхитрился поднять голову над волной, которую они же, двигаясь, и поднимали.

«Секатур», по его расчетам, находился ярдах в восьмидесяти от входа в расселину рифа. Параван медленно скользил по воде почти под прямым углом к яхте. Еще тридцать ярдов, и параван пересечет полосу пены перед рифом. А еще тридцатью ярдами дальше медленно движутся по тихой поверхности залива они.

Шестьдесят ярдов до рифа.

Бонд перевернулся, и Солитер, жадно глотая воздух, выплыла наружу. Все то же передвижение по гладкой поверхности.

До кораллов осталось только сорок ярдов, Двадцать, пятнадцать, десять, пять.

«Секатур», должно быть, уже приближается к выходу. Бонд набрал в грудь побольше воздуха. Должно быть, уже шесть. Что же там с миной? Бонд вознес небу страстную мольбу.

— Боже, спаси нас, — произнес он в воду. Неожиданно веревка под мышками

натянулась.

— Дыши, Солитер, дыши! — крикнул он, и в тот же самый момент вода вокруг них вспенилась.

Они стремительно приближались к нависшему над водой рифу.

Какая-то легкая заминка. Бонд решил, что параван зацепился за коралл. Тут их с силой прижало друг к другу, они сплелись в смертельном объятии.

Еще несколько ярдов, и...

«Боже мой, — подумал Бонд, — вот теперь действительно конец». Он весь напрягся в предчувствии страшной, непереносимой боли и немного подтолкнул Солитер вверх и вбок, чтобы хоть как-то уберечь ее от худшего.

Внезапно воздух со свистом вырвался у него из легких, и, словно от удара гигантского кулака, его с такой силой бросило на Солитер, что девушка взлетела над водой и тут же погрузилась в нее с головой. Долей секунды позже небо прорезала молния и раздался оглушительный взрыв. Застыв на месте, Бонд вдруг почувствовал, как ослабевающий канат тащит его вниз, и в рот ему хлынула вода. Именно это привело его в сознание. Бонд энергично оттолкнулся ногами, обхватив тело девушки, вынырнул на поверхность. Солитер, как мертвая, недвижно лежала у него на руках. Он отчаянно закрутился на месте, оглядываясь во все стороны.

Первое, что он увидел, был водоворот прямо у рифа, буквально в нескольких ярдах от него. Это он остановил взрывную волну и таким образом защитил их. Бонд почувствовал, как бурлящая вода обтекает его ноги, и отчаянно рванул вверх, стараясь вдохнуть как можно больше воздуха. Грудь ходила ходуном, а небо приобрело красноватый оттенок. Канат тащил Бонда вниз, волосы девушки забились в рот, не давая ему дышать.

Внезапно он ощутил, что ноги его зацепились за острый край коралла. Бонд дернулся, лихорадочно пытаясь найти точку опоры, чувствуя, как с него буквально слезает кожа.

Но боли не было.

Теперь зазубрины впились в грудь, в руки. Бонд неуклюже барахтался, стараясь глотнуть воздуха, и тут вдруг нащупал под ногами колющее ложе. Он вцепился в него изо всех сил пальцами ног, сопротивляясь сильному течению, которое всячески старалось лишить его этой опоры. К счастью, ему удалось удержаться, и к тому же его прибило к скале. Тяжело дыша, он прислонился к ней. Девушка лежала у него на руках, не подавая признаков жизни.

Бонд на миг расслабился, закрыв глаза, чувствуя, как кровь едва не закипает в жилах, надрывно закашлялся и попытался все же как-то сосредоточиться. Первая его мысль была, что в воде полно крови. Правда, крупные рыбы вряд ли рискнут заплывать в расселину. Впрочем, с этим все равно ничего не поделаешь.

Затем он посмотрел на море.

От «Секатура» не осталось и следа.

Высоко в небо поднялся грибовидный столб дыма, медленно вытягивающийся в сторону берега.

Повсюду плавали различные предметы, показывались и тут же исчезали человеческие головы над водой, вся поверхность которой блестела на солнце чешуей рыб, оглушенных взрывом. Воздух пропитался пороховой гарью. Посреди обломков мягко покачивался красный параван: один конец каната за что-то зацепился, другой, должно быть, покоился на дне. С его блестящей поверхности поднимались фонтаны пузырьков. Среди прыгающих голов и мертвых рыб виднелись акулы плавники, образовавшие подобие треугольника. Их становилось все больше. Вдруг из воды высунулось рыло огромной рыбы, которая, разглядев очередную жертву, стремительно кинулась в атаку. Торчком встали и тут же исчезли две черные руки. Слышались вопли. Две-три пары рук отчаянно колотили по воде, подталкивая

тела к берегу. Кто-то задержался, изо всех сил ударяя ладонями по поверхности, но тут же погрузился в воду, и больше не показывался.

«Так, барракуда», — промелькнуло в несколько помутившемся сознании Бонда.

Чья-то голова приближалась, направляясь к тому месту рифа, где устроился Бонд с полумертвой девушкой.

Голова была большая, за ней тянулся длинный шлейф крови, хлеставшей из раны на лысом черепе.

Бонд присмотрелся.

Биг Мэн, ничего не видя, продвигался вперед, поднимая вокруг себя столько пены, что слететься мог целый косяк рыб, если только они не были заняты чем-нибудь или кем-нибудь другим.

«Справится? Не справится?» — думал Бонд. Глаза его сузились, и, затаив дыхание, он ожидал, какое же решение примет безжалостное море. Все ближе и ближе. Широко открыв рот, жадно глотая воздух, человек предпринимал последние отчаянные усилия спастись. Кровь наполовину залила его глаза, готовые, казалось, выскочить из орбит. Бонд почти слышал, с каким шумом бьется в этой груди большое сердце. Что раньше — остановится оно или рыбы схватят наживку?

Биг Мэн приближался. На нем почти ничего не было. «Должно быть, — подумал Бонд, — одежду сорвало взрывной волной». Остался лишь черный шелковый галстук, он обвился вокруг мощной шеи, а кончик перекрутился и походил на косичку, которые носят китайцы.

Очередная волна смыла кровь с глаз Биг Мэна. Они были широко раскрыты, безумный взгляд устремлен на Бонда. Но призыва о помощи в них не было — только воля, только отражение немыслимого физического усилия.

Оставалось всего десять ярдов, и тут глаза внезапно закрылись и огромное лицо исказилось гримасой боли.

Из искривленного рта вырвалось нечто нечленораздельное.

Руки перестали колотить по воде, голова исчезла, но тут же опять вынырнула над водой. Расплылась, замутняя вокруг себя море, лужа крови. Из глубины выскочили две длинные коричневые тени и тут же вновь ринулись вниз. Фигура заметалась из стороны в сторону. Над поверхностью показалась укороченная рука Биг Мэна — ни ладони, ни запястья. Но большая, репообразная голова с разверстым от ужаса ртом, в котором обнажился поредевший ряд зубов, все еще жила. Из этого рта вырывались пронзительные крики, именно в тот момент, когда барракуда в очередной раз впивалась в тело.

Откуда-то позади донесся еще один вопль. Но Бонд не обратил на него внимания. Для него существовала сейчас только эта ужасная сцена, разыгрывающаяся на море прямо перед ним.

Плавник в последний раз хлестнул по поверхности и застыл.

Бонд буквально чувствовал, что акула принюхивается, как собака, пытаясь сквозь мутную воду разглядеть жертву своими близорукими узкими глазками. Затем она впилась в грудь Биг Мэна, и голова того исчезла под водой так же стремительно, как поплавок на удочке рыбака в момент клева.

На поверхности расплылись пузырьки воздуха.

Острый с коричневыми пятнами хвост резко ударил по воде — это гигантская леопардовая акула развернулась для новой атаки.

Голова вновь всплыла на поверхность. Рот был закрыт. Глаза, казалось, все еще смотрели на Бонда.

Затем из воды высунулось акулье рыло и потянулось к голове, акульи челюсти широко распахнулись, обнажая ряд блестящих зубов. Послышался жуткий хруст, вспенилась вода. Затем — молчание.

Вытаращив глаза, Бонд завороченно смотрел на увеличивающееся бурое

пятно.

Тут застонала девушка, и это заставило Бонда встряхнуться.

За спиной у него снова послышался крик, и на сей раз Бонд повернулся.

Это был Куоррел. Его блестящий на солнце коричневый торс возвышался в крохотном ялике, он изо всех сил налегал на весла, а сзади спешили, заняв едва ли не весь Залив Акул, множество других лодчонок, быстро испарывавших небольшие волны, которые к этому времени покрыли рябью поверхность моря.

Поднялся свежий ветер с северо-востока, и солнце отбрасывало лучи на голубую поверхность воды и зеленые поля Ямайки.

Первые после самых ранних детских лет слезы выступили на серо-голубых глазах Джеймса Бонда и покатались по впавшим щекам в воду, разбавленную кровью.

23. Чувственный отпуск

Покачиваясь, наподобие изумрудных подвесок, две птички-колибри выводили в кустах гибискуса последние рулады, а пересмешник, спрятавшись в пахучих кустах жасмина, начинал свою вечернюю песнь.

Изломанная тень какой-то большой птицы скользнула над зеленым газоном, подхваченная порывом ветра, устремилась в сторону залива, а синевато-серый зимородок что-то раздраженно проскрипел, увидев человека, сидящего в кресле в саду. Он изменил направление полета и свернул в сторону острова. Серая бабочка порхала в розовой тени пальм.

Голубая вода залива была совершенно неподвижна. Лучи заходящего солнца отбрасывали розоватый отсвет на скалы, возвышающиеся на острове.

На смену жаркому дню пришла вечерняя прохлада; доносился слабый запах дыма: в одной из рыбацких хижин на торфяном угле жарили кассаву.

Солитер вышла из дома и босиком пересекла газон. В руках у нее был поднос с шейкером для коктейлей и двумя бокалами. Она поставила его на бамбуковый столик рядом с креслом, где сидел Бонд.

— Надеюсь, я правильно смешала? — сказала она. — Хотя шесть частей водки на одну «Мартини» — это, боюсь, крепковато. Я вообще впервые пью «Мартини» с водкой.

Бонд посмотрел на нее. Она надела его светлую шелковую пижаму, которая была ей сильно велика. Вид у нее был неправдоподобно детский.

Она рассмеялась.

— Как тебе моя губная помада из Порт-Мари? И брови, подведенные местной тушью? А все остальное пришлось попросту смыть.

— Выглядишь ты замечательно, — откликнулся Бонд. — Первая красавица всего Залива Акул. Если б у меня были руки и ноги, обязательно встал бы и поцеловал тебя.

Солитер нагнулась и, обняв его за шею, в долгом поцелуе прижалась к губам Бонда. Потом выпрямилась и поправила волосы, упавшие ей на глаза.

Какое-то время они смотрели друг на друга, а затем Солитер повернулась к столику и наполнила его бокал. Себе она налила половину, уселась на теплую траву и положила голову ему на колени. Правой рукой он водил по ее волосам. Сквозь стволы пальм был виден залив и последние лучи солнца, догорающие над островом.

День ушел на то, чтобы подлечить раны и хоть немного привести себя в порядок после жуткого приключения.

Когда Куоррел высадил их на берег, у Бью Дезерта, Бонд на руках перенес Солитер прямо в ванную. Пустив теплую воду, он тщательно смыл соль и ил, причем она этого даже не почувствовала, вытащил девушку из ванны, вытер насухо и смазал

порезы, которыми были покрыты ее спина и ноги. Потом заставил проглотить снотворное и уложил в собственную постель. Бонд еще не успел задернуть шторы, как Солитер уснула.

Затем он сам принял ванну, а Стрейнджуэйз намазал его мазью буквально с головы до ног. Все тело Бонда представляло сплошную кровавую рану, а левая рука совершенно онемела от укуса барракуды. Из плеча был выдран порядочный кусок мяса. От мази горело все тело, так что пришлось сжать зубы, чтобы не закричать.

Он надел халат, и Куоррел отвез его в Порт-Марию, в больницу. Но перед этим он обильно позавтракал и с наслаждением выкурил первую за последние десять часов сигарету. Еще в машине он уснул, не проснулся на операционном столе и продолжал спать в койке, куда его в конце концов, всего перевязанного и обклеенного пластырем, положили.

Куоррел привез его домой сразу после полудня. К тому времени Огрейнджуэйз уже предпринял необходимые меры. На остров Сюрпризов был послан полицейский наряд. Обломки «Секатура», разбросанные футов на сто двадцать вокруг, собрали, и все прилегающее пространство патрулировал отряд таможенников, присланный из Порт-Мари. Из Кингстона выслали спасательное судно и водолазов. Для местных журналистов провели короткий брифинг, а в Бью Дезерте выставили полицейский пост, чтобы сдерживать поток репортеров, которые хлынут сюда, как только новость разнесется по свету. В Вашингтон и Лондон послали подробный отчет, с тем чтобы на людей Биг Мэна в Гарлеме и Сент-Питерсбурге устроили облаву и задержали по обвинению в контрабанде золотом.

Из команды «Секатура» никто не остался в живых, но местные рыбаки в то утро извлекли из воды с тонну дохлой рыбы.

Вся Ямайка была полна слухами. На берегу и у подножия скал скопились десятки автомобилей. Толковали о сокровищах Кровавого Моргана и об акулах с барракудами, которые их якобы охраняли, так что никто из местных пловцов и помыслить не мог о ночном путешествии в район взрыва.

К Солитер наведася врач, но обнаружил, что ее заботит только, во что бы одеться и как подобрать нужную косметику. Стрейнджуэйз составил список, по которому все необходимое должны были на следующий день доставить из Кингстона. А пока ей пришлось удовольствоваться содержимым чемодана Бонда и соком гибискуса.

Стрейнджуэйз вернулся из Кингстона сразу вслед за Бондом. Он привез телеграмму от М. В ней говорилось:

«Надеюсь, вы заявили права на сокровища от имени Юниверсал экспорт тчк Немедленно займитесь спасательными работами тчк Нанял адвоката заявить местным властям наши права на сокровище тчк Отлично сработано тчк Вам предоставляется двухнедельный чувственный отпуск тчк».

— Наверное, имеется в виду «сочувственный», — сказал Бонд.

Стрейнджуэйз выглядел весьма торжественно.

— Скорее всего, — согласился он. — Я подробно доложил о том ущербе, что вам нанесен. И о девушке тоже, — помолчав, добавил он.

— Гм, — заметил Бонд. — У нас шифровальщики редко ошибаются. И все же.

Стрейнджуэйз полуобернулся, выглянув в окно.

— Очень похоже на старого жулика, — сказал Бонд, — прежде всего подумать о золоте. Скорее, рассчитывает прикарманить его и каким-нибудь образом избежать сокращения субсидий на Секретную службу во время ближайших парламентских слушаний. По-моему, он полжизни провел, воюя с министерством финансов. Так или иначе, стартует он резво.

— Я заявил претензию от вашего имени сразу по получении телеграммы, — проговорил Стрейнджуэйз. — Но дело это непростое. На это золото будет

претендовать корона, да и Америка не останется в стороне, ведь этот парень был американским гражданином. Словом, будет долгое дело.

Мысленно Бонд еще раз прошел через все опасности, которые ему пришлось преодолеть, преследуя Биг Мэна и охотясь за фантастическими сокровищами. Он вновь пережил ужасающие моменты, когда смотрел смерти в лицо.

А теперь все осталось позади, и он сидел на солнце, среди пышных цветов, у ног его была награда, и рука поглаживала ее длинные волосы. Он постарался удержать эту сладостную мысль в сознании и подумал о тех четырнадцати днях впереди, которые будут принадлежать только им.

На кухне, в задней части дома, что-то с грохотом свалилось, и послышался голос Куоррела, сердито выговаривавшего кому-то.

— Бедный Куоррел, — сказала Солитер. — Он нанял лучшую кухарку в деревне и обшарил весь местный рынок, чтобы сделать нам сюрприз. Он даже нашел черных крабов, первых в этом сезоне. Это на закуску, а потом — жареный поросенок, салат из авокадо, а на десерт — гуава и соус из кокосовых орехов. А командер Стрейнджуэйз, уезжая, оставил ящик лучшего на Ямайке шампанского. У меня уже слюнки текут. Но не забудь, ты ничего не знаешь, ведь это сюрприз. Я заглянула на кухню и увидела, что он довел несчастную кухарку почти до слез.

— Он поедет с нами в наш «чувственный отпуск», — заметил Бонд и рассказал, какую телеграмму получил из Лондона. — Мы будем жить в домике на сваях, а вокруг пальмы и на пять миль в обе стороны золотой песок. И тебе придется как следует ухаживать за мной, а то как же я смогу любить тебя, когда только одна рука действует?

Солитер посмотрела на него. В глазах у нее читалось откровенное желание, но она невинно улыбнулась:

— А как же быть с моей спиной?